

Шамистан Назирли

Трагические судьбы
Азербайджанских генералов

Шамистан Назирли

Трагические судьбы Азербайджанских генералов

Geni höş
üçün düzəlişlər

OKA Offset

Баку - 2012

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Шамистан Назирли.

Трагические судьбы Азербайджанских генералов.

ОКА Ofset, 2012, 216 стр.

В книге рассказывается о жизни и трагической судьбе Азербайджанских генералов ставших жертвами репрессий 20-х, 30-х годов, об их усилиях в строительстве вооруженных сил независимой, а затем, в результате переворота, вошедшей в состав СССР, республики, об их усилиях в воспитании национальных военных кадров. Приведены редкие документы, фотографии тех лет. Книга будет интересна для всех читателей интересующихся военной историей нашего народа.

© ОКА Ofset, 2012

Как всякий человек, так каждый род имеет свою биографию. Эти биографии формируются в разных условиях, проходят разные исторические периоды. А потому они и различаются. Как всякий человек, так и каждый род имеет свою судьбу. Отрицать, менять ее впоследствии нельзя. И перечеркивать их тоже нельзя. Их следует воспринимать такими, какие они есть. Если последующее поколение станет отрицать предыдущее и попытается исключить его из памяти, тогда на этом этапе истории возникнет брешь.

Исмаил Михлы,
Народный писатель Азербайджана

С трудом западалого путника, который приходит к месту стоянки давно ушедшего каравана, находит последний тлеющий уголёк угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголёк в яркое пламя.

Мухтар Ауэзов,
Казахский писатель
(собрание сочинений, том 5, стр. 442)

«Упомянув имена погибших героев, мы воскрешаем их»

Интерес к военной истории передался мне от ближайшего окружения—членов семьи, родственников и односельчан. Я родом из западного Азербайджана, Лорийского ущелья. Наша деревня — Юхары Керплюлю расположена по соседству с деревней Казахлы—родиной легендарного Азербайджанского генерала Али аги Шихлинского. Рассказы о нем я слышал с детства. Все сельчане отзывались о семействе Шихлинских с большим почтением и уважением. Личность этого человека, рассказы о его жизни пробудили у меня интерес к военной истории.

Моя первая книга называлась «Удивительные судьбы». Эта книга о тех, чьи имена более 70 лет оставались в забвении: о военном топографе, генерале Ибрагим аге Векилове, о генерале артиллерии Али аге Шихлинском, обладателе орденов Св.Георгия четырех степеней Саяд беке Зейналове, первом военном летчике Азербайджана Фаррух аге Гаибове... Всех их связывает общая судьба: кто-то погиб в бою, кто-то окончил свою жизнь в ссылке, в лагерях ГУЛАГа. Материалы о них пришлось собирать по крупицам в архивах Москвы, Петербурга, Царского Села, Тбилиси, Вильнюса, Баку, Дербента.

В 2007 году, в двух языках (на русском и азербайджанском) вышла книга, над который я долго работал, — «Первый военный летчик Азербайджана Фаррух ага Гаибов». Он погиб как герой в первой мировой войне 12 сентября 1916 года на Западном фронте, в местечке Боруны в Беларуси, в составе экипажа бомбардировщика «Илья Муромец №16». Тогда ему не было даже двадцати пяти лет. В сообщении Генерального штаба царской армии о гибели Ф.Гаибова есть сведения о том, что немцы, по достоинству оценив мужество летчиков,

похоронили членов экипажа, в том числе и Ф.Гаибова, с воинскими почестями и над их могилой был произведен оружейный залп.

В этой книге как и в других, я еще и исследую родословную своих героев. Например, у меня уже сложилась книга с названием «Родом от Гаиба». Эта фамилия дала Азербайджану немало замечательных людей. Двадцать ее представителей учились в Горийской семинарии, причем инициатором открытия азербайджанского отделения в этом известном на весь Кавказ учебном заведении был известный религиозный деятель и просветитель, муфтий Закавказья Мирза Гусейн Эфенди Гаибов и помогал ему в этом благом деле великий просветитель, драматург Мирза Фатали Ахундов. Его перу принадлежит четырехтомный труд «Сборник стихов поэтов, знаменитых в Азербайджане». К роду Гаибовых принадлежат первая азербайджанская пианистка Хадиджа ханум Гаибова, первая военная сестра милосердия Нигяр ханум Шихлинская, а также генеральный прокурор Азербайджана Исмет Гаибов, погибший, как и его далекий предок, в небе, но с той лишь разницей, что вертолет, в котором он находился, был сбит над Карабахом. Есть и другие представители этого славного рода, их много, я назвал лишь некоторых.

Другая моя книга - «Архив раскрывает тайны», рассказывает о так называемой «Дикой дивизии», обо всех, кого в ней свела судьба. Ее воины — отчаянные храбрецы, на счету которых немало героических подвигов. В книге рассказано о трагедии азербайджанских полководцев — 19 генералах, расстрелянных в период с 1920 по 1947 год.

Есть среди прочих одна любопытная находка, обнаруженная мною в рукописном фонде Национальной академии наук, — «Словарь политических, юридических, военных и многих других терминов», составленный Узеиром Гаджибековым,

— что еще раз доказывает многогранность таланта великого композитора. Интересный факт: словарь вышел под редакцией М.Э.Расулзаде, но на титульном листе его фамилия зачеркнута. Дата выхода словаря — 1907 г. То есть ему 105 лет.

В третьем номере журнала «Литературный Азербайджан» за 2007 год опубликован мой очерк «Азербайджанцы-герои Порт-Артура»: В нем названы имена, ранее неизвестные широкой публике.

Мне очень нравится древнее изречение: «Упоминание имен погибших равнозначно их воскрешению». Когда я работал в тбилисском архиве, мне попались интереснейшие материалы об азербайджанских генералах и полковниках, в том числе и о генерале Кялбалы хане Нахичеванском — отце генерала Гусейн хана Нахичеванского. Потом, ссылаясь на архивные данные и исторический роман Александра Степанова «Порт-Артур», я опубликовал материалы о генералах Али аге Шихлинском и Самед беке Мехмандарове. Интересные материалы об этих выдающихся полководцах я нашел и в журнале «Нива» за 1905 год, которые мне предоставила баба Галина Семеновна Сафарова из своей личной библиотеки. По мере изучения различных архивных документов выяснилось, что за крепость Порт-Артур сражались полный генерал от кавалерии Гусейн хан Нахичеванский, генерал Эмиркязым Мирза Каджар, Асад бек Талышханов, позднее ставший генерал-майором подьесаул Фейзулла Мирза Каджар, полковник Ильяс Агаларов, поручик Агабаба Садыгов, подпоручик Зульфугар бек Багирбеков и многие другие, воинская доблесть которых выше всяких похвал и должна обязательно сохраниться в памяти народа. В результате многолетних трудов и архивных поисков мне удалось восстановить имена примерно семидесяти генералов-азербайджанцев, состоящих на службе в царской, а затем и в национальной армии до 1920 года. Красный террор 20-30-х годов уничтожил азербайджанское офицерство. Об этом расс-

казывается в моей книге «Расстрелянные азербайджанские генералы».

Сейчас я готовлю к выпуску фотоальбом о Горийской и Казахской семинариях. Общеизвестно, что в Гори обучение сначала велось на русском языке и что русское отделение для христианского населения Кавказа было открыто с 1876-го года. А в 1879 г. было открыто отделение на азербайджанском языке. Я уже говорил, что инициатором этого был глава Духовного управления мусульман Мирза Гусейн Эфенди Гаиров. В этом начинании его поддержал и писатель Мирза Фатали Ахундов. Наместник царя на Кавказе великий князь Михаил Романов одобрил инициативу и дал разрешение. Об этом рассказано в моей документальной повести «Поезд из Гори». В 1918 г. здание семинарии захватили меньшевики и устроили там казармы. И тогда известный азербайджанский просветитель Фиридун бек Кочарли перевез документы и библиотеку относящиеся к татарскому отделу в Казах, где в сентябре того же года открыл семинарию, директором которой состоял до 1920 года. В 1920 году его расстреляли по ложному обвинению за участие в Гянджинском восстании, к которому он не имел никакого отношения. Сведения о 350 азербайджанцах, получивших образование в Горийской семинарии, я переписал и сфотографировал в архиве, в Тбилиси. А в 1992 году в архив попал снаряд, возник пожар, и все документы сгорели. Осталась только та часть, которую я сумел сохранить.

Кстати я уже закончил книгу о генерале Шихлинском и его соратниках. Сейчас я работаю над книгой о восстании в Шеки, которое началось 13 апреля 1930 года.

Использованы отрывки из интервью корреспондента "Азербайджанских известий" Светланы Курочкиной с военным историком Шамистаном Назирли

СТРАННАЯ СУДЬБА

Уходя на закат, Солнце спросило:

«Есть здесь кому меня заменить?»

Ответила ему керамическая лампа:

«О, Повелитель, постараюсь сделать
все, что в моих силах»

**Рабиндранат Тагор, известный
индийский писатель**

Топограф-генерал Ибрагим ага Векилов – единственный в Закавказье: ни до него, ни после, ни среди современников не было в этой области специалиста такого высокого ранга уровня.

Автор

Наступали сумерки, медленно начинало темнеть. Прекратилось мычание скота, возвращающегося с пастбища. Голодные собаки грызли цепи, то грозно, то смиренно выли. Только-только рождающаяся Луна «купалась» в водах Куры. Каким-то странным выдался этот вечер в Салахлы. Терпению Ибрагима совсем пришел конец. Он все чаще входил-выходил в дом, не мог найти себе места. Все смотрел на ту сторону. А Панах киши все не появлялся. Ибрагим несколько раз всматривался в халхал¹ Панах киши и безнадежно возвращался. Друг отца, табунщик Панах киши был человеком, держащим данное слово. После смерти Паша аги табунщик перенес дружбу на Ибрагима, ставшего во главе семейства. «Что стряслось, почему не приходит дядя Панах, может ...» Эти вопросы, задаваемые себе, делали ожидание Ибрагима еще более беспокойным.

¹ Строение для содержания домашнего скота в летнее время

У леса Шяммятли послышалось ржание лошади. Всадник прикрикнул на коня. Конь с шумом полез в воду, в мгновение ока пересек реку и оказался на этой стороне. Ибрагим встретил всадника на берегу и тихим голосом спросил:

- Это ты, дядя Панах?

Табунщик замер. Сначала растерялся как человек, получивший внезапный удар. Затем пришел в себя:

- Я, сынок, - сказал, - кажется, ты твердо решил уехать. Ладно, готов ехать? Подожди здесь, заскочу домой и вернусь.

Чуть отошел, но внезапно остановился и повернул назад:

- Ай Иби, домашним ты хоть сказал что-нибудь?

- Нет, не сказал, дядя Панах. Только двоюродного брата Юсифа крепко предупредил, что если будут искать, а мать – сильно переживать, то скажешь, что вчера был в Казахе и там услышал, что Ибрагим поехал учиться в Тифлис.

- В таком случае, сынок, иди к парому и там жди меня. Вдруг ненароком кто-то появится тут. Посиди там и еще раз подумай.

Панах киши прищепил коня.

Долго пришлось Ибрагиму просидеть у камышей. Его насторожили слова Панах киши «подожди немножко». «Может испугался мамы, не хочет, чтобы на него лились проклятья». Сидя на пне, брошенном Курой при разливе, он высмотрел дом, в котором жил Панах киши.

Шумный берег, на котором он днями играл босяком и в папaxe, крепко спал. Тишина и безмолвие еще больше пугали его. И река вроде не была той, которая с шумом текла днем – как будто и она уснула. Если не бросить камень, то ее не услышать. Послышался шум камышей. Ибрагим встрепетнулся и протянул руку к земле. Кто-то пробирался в его сторону сквозь камыши. В темноте заблестела пара глаз. Напуганный, со словами «вон, негодник», он бросил камень в камышник. Шакал исчез. «Хорошо, что это был не заяц.

Бабушка говорила, что шакал к пути – это хорошая примета».

Ибрагим снова всмотрелся в дом Панах киши. В это время дверь его хаты со скрипом отворилась. Сначала в дверях появился он, а затем жена с полным хурджуном.

- Ай киши, не забудь белье купить детям.

- Дочь покойного, я за покупками еду или коня продавать?

- прикрикнул Панах киши на жену.

- Слепой Баграт допоздна торгует одеждой, трудно тебе к нему сходить? - не унималась жена. - Могилой отца твоего прошу, хоть монпасье купи детям. Столько дней они радуются, что отец в город поедет.

- Хорошо, хорошо,- нехотя ответил Панах киши и перебросил хурджун через седло коня. Сесть на коня почему-то не захотел, погладил гриву и пошел в сторону Ибрагима.

- Крепко держись за руку, а затем вскочи на лошадь.

Ибрагим вмиг оказался на лошади.

- Устраивайся позади, - в голосе Панах киши все еще чувствовалась недовольство, с которым он говорил с женой. Вдруг он изменил мнение: «Нет, нет, ты садись впереди, этот конь необузданный, вдруг испугается и сбросит тебя на середине реки. Крепко держись за гриву, главное реку переплыть».

«Аллах в помощь», - сказал табунщик и забрался на коня. Необученный конь влез в реку и, брыкаясь, пошел к другому берегу.

Противоположный берег сплошь состоял из леса. Древний лес Караязы, который начинался в Шамкире, тянулся как зеленый пояс вдоль берега Куры до границ Грузии. Этот лес кормил население сел Салахлы, Шихлы, находившихся на правом берегу реки. Народ здесь набирал дрова, пас скот. И Панах киши держал здесь табун. Каждый год осенью он вез в Тифлис на продажу пять-шесть дильбозов и на вырученные

деньги содержал семью.

Как только вышли на берег, конь ускорил шаг. Лес стал менее густым, и конь вдруг рванул с ходу. Панах киши потянул узды:

- Сынок, погладь шею коню, с чего это он, на ночь глядя, стал шуметь?

Поглаживая гриву коня, Ибрагим сказал:

- Что за беспокойный конь, дядя Панах. С ним даже на кражу нельзя идти.

- Только выловил, пока не приучен. А почему ты на упрямом коне нехорошие слова произносишь? Слава Аллаху, в роду твоём никто воровством не занимался. С чего это ты про воровство заговорил?

Ибрагим ничего не сказал.

- Ай Иби, а где живет Мирза, ты хоть знаешь?

Панах киши задел больное место Ибрагима. Тот без настроя ответил:

- Нет.

- А как ты его найдешь? Ты город знаешь?

- Прошлым летом, когда Мирза был в деревне, написал мне бумажку. На ней есть адрес.

- Боюсь за тебя, сынок. Затеряешься среди этих неверующих, как потом я в глаза матери твоей Тукязбан смотреть буду.

- Не бойся, дядя Панах. Кроме меня, у матери десять детей. Пока не спугнет и не соберет в кучу, сосчитать их не может. Не до меня им будет.

- Не говори так, сынок. Ребенок – частичка материнского сердца. Тяжело будет ей перенести твое отсутствие. С другой стороны, что ты нашел в городе? Остался бы в деревне, работал и матери помог бы.

- Нет, дядя Панах, я учиться хочу, чтобы специальностью овладеть, человеком стать.

- А что, школа муллы Мустафы мешает тебе стать человеком? Учись, стань муллой или же, как Аббас ага, сочинишь от себя стихи. Он тоже как мулла.

- Поэт и мулла – это разные вещи.

- Видади, Вагиф могли быть муллами, а Аббас ага – нет?

- Видади, Вагиф – это не такие муллы как Мустафа. Их называли муллами потому, что они были грамотными.

- Ладно, оставим их в покое. А что ты будешь делать в городе, на кого учиться собираешься? – ехидно спросил он. Ибрагим заволновался: вдруг ответ его не устроит Панах киши и этот сумасшедший вернет его в деревню. Взяв себя в руки, ответил:

- Я стихи сочинять не буду, я на военного буду учиться.

- Неужели солдатом хочешь стать?

Ибрагим испуганно ответил:

- Да.

- А язык их знаешь? Урусский?

- От Баграта, который продает монпасье, узнал несколько слов, остальные там выучу.

- С утра до вечера общаюсь с пастухами-грузинами, но ничего, кроме «биджо», не знаю. Думаешь легко язык выучить?

Ибрагим хотел ответить, что Панах киши неумелый, но смолчал. Подумал, что рассердится Панах и здесь же высидит его. И останется тогда он, Ибрагим, ни с чем. Лесная тропа закончилась. Путники вступили в Джейранчельскую степь, конца которой не было видно. Луна находилась вровень с горой Авей. Когда она выглядывала из-за туч, то в степи становилось светло. Пасшиеся вдалеке лошади подошли к надгробным камням. Увидев табун, конь, на котором ехали Панах киши и Ибрагим, несколько раз заржал. Неожиданно, совсем рядом из-за куста вышел человек. Ибрагима охватил страх и он еще крепче схватился за гриву коня.

Панах киши сразу почувствовал это и успокоил юношу:

- Не бойся, - сказал он. – Это мой друг табунщик. Только никому не говори, что видел его. Он – бедный грузин, убил хозяина и теперь скрывается. Нашел у меня убежище. Есть в селе Года у меня друг жестянщик, он его племянник. Страх ему не введом. Скажи ему «пойди на кладбище и там спи», сделает. У него есть газета на русском языке и каждый день ее читает. С полудня ждет меня...

- Гацо, кто это с тобой?

- Ибрагим, сын Паша аги. Он тоже в город едет.

- С чего это мальчику вздумалось в Тифлис поехать?

- Не знаю, Николаз. Говорит, что учиться желает. Хочет стать, как его, военным, солдатом.

Николаз озабоченно заметил:

- Гацо, ты что, с ума сошел? Потеряешь в городе чужого ребенка.

- С чего он должен потеряться? Ему уже четырнадцать лет.

* * *

... Ибрагим легко нашел дом односельчанина Мирзы Гусейна Гаибзаде, который жил рядом с Шайтанбазаром. В те годы в Тифлисе проживало много азербайджанцев, а Мирза Гусейн эфенди был уважаемой и известной личностью. Авторитет завоевал он когда был учителем восточных языков в русско-татарской школе, занимал должность Закавказского муфтия. Он протягивал руку помощи детям из бедных семей, которые хотели стремились получить образование. По его словам, это было самым благородным и почетным делом.

Супруга муфтия Саадат ханум не поверила глазам, увидев на пороге Ибрагима. От удивления она чуть не вскрикнула. Как родного сына она обняла, поцеловала Ибрагима. Расспросила про близких, родственников. Выразила сожаление в связи с безвременной кончиной Паша аги. Она очень об-

радовалась, когда узнала, что Ибрагим приехал в Тифлис, чтобы получить образование.

- А ты знаешь, Саадат ханум, куда хочет поступить Ибрагим? - спросил Гусейн эфенди.

- Нет!

- Он предан делу отца. Сын прапорщика Паша аги хочет стать военным.

- Да, - замешкалась женщина. - Значит, ты станешь первым жителем моего родного села Салахлы, который получит военное образование. Очень хорошо, прекрасно.

Саадат ханум снова обняла Ибрагима:

- В кадетском корпусе мест нет, ты приехал несколько поздно, сегодня уже шестое сентября. Однако дядя Гусейн не даст тебе разочароваться.

Мирза погладил белую и мягкую как шелк бороду и заговорил:

- Тебе повезло. В третьей Межевой Военной Гимназии есть одно свободное место. Директор мой друг. Мне кажется, что учиться там Ибрагиму не будет трудно. По национальности директор является крымским татаринном. И наш язык хорошо знает. Он Ибрагима научит русскому языку и образованию даст.

*Муфтий Мирза Гусейн эфенди Гаибзаде
(1830-1917)*

ГЕНЕРАЛ, ТОПОГРАФ ИБРАГИМ АГА ВЕКИЛОВ

Шеиримиз, сөзүмүз, елимиз дә вар,

Ариф јашамышдыр бизим бабалар.

Лакин хош олса да, сөз илә сәнәт,

Бөјүк сәркәдәләр јетирән милләт

Јалныз галибијјәт чәләнки тахар,

Кәләчәк күнләрә вүгарла бахар.

Самед Вургун

Наш народ вырастил немало личностей, имена которых можно встретить только лишь в различных источниках, архивных документах. Их деятельность широко освещалась в годы жизни. Однако со временем они были преданы забвению. Прodelанная ими большая работа во имя народа была забыта. Тоталитарный режим ставил на них клеймо «мусаватский генерал» и стирал с памяти народа. Подрастающее поколение практически ничего не знает о них. Хотя пройденный ими героический путь является примером для многих из нас.

Генерал, топограф Ибрагим ага Паша ага оглы Векилов является одним из таких личностей. Родился он 7 мая 1853 года в селе Гыраг Салахлы Казахского уезда Елизаветпольской губернии. В одиннадцать лет потерял отца. На руках у матери Тукузбан ханум Юсиф ага гызы остались десять детей. Но больше других ее радовала сметливость и рассудительность Ибрагима.

Архивный документ об отце и дедах генерала Ибрагим аги Векилова:

1900 года Марта 15 дня. Вследствие надписи г. Казахского Уездного Начальника, от 7-го Января 1900 года за N 80, я, и.д. Пристава II участка, Казахского уезда, Поручика Коломейцева сего числа, проведя дознание, с целью выяснения когда и от каких родителей родились Прапорщик Паша-Ага,

Прапорщик Халил-Ага, майор Алиев Векил Казахский и Панах-Бек Векилов Казахский, вызвал старожилы селения Салахлы Молла-Насиба Орудж-Оглы, Молла-Мустафу Гаджи-Оглы, Молла-Али Малик-Оглы, Ибрагима Эфенди-Оглы, Мамеда Панбух Баши-Оглы, Амирхана Гаджи-Оглы, Ягуба Гаджи-Вели-Оглы, Вали Умуд-Оглы, местных приходских духовных Молла-Усуба-Эфенди, Мамеда Эфенди-Оглы и Молла-Мамеда Зариф-Оглы, показания которых заслуживают доверия, и по предварительным приводам их к присяге опросил, причем по вышеизложенному предмету показали они следующее: как нам достоверно известно, прапорщик Паша-Ага родился от законных родителей – отца Халил-Аги и матери Фатьма-ханум Алибек-Кызы; Прапорщик Халил-Ага родился от майора Али-Аги и матери Шахрияр-Ханум Гаджи-Касум-Ага-Кызы; майор Али-Ага родился от Панах-Аги и Захра-Ханум Абдулла-Аги-Кызы; а Панах-Бек же родился от Мамед Шариф Аги и матери Етар Ханумы Йолчи-Ага-Кызы, но когда именно все они родились не знаем за давностью времени их рождения. О выше изложенном я, и.д. Пристава, постановил: составить настоящий протокол и таковой представить г. Казахскому Уездному Начальнику.

Пристав второго участка Коломейцев.

Настоящая копия с подлинным верна, Гербовым сбором оплочена и выдана жителю селения Салахлы Казахского уезда, Корпуса военных топографов Капитану Ибрагим-Беку Векилову вследствие просьбы его; в чем Закавказское Суннитское Духовное Правление подписом и приложением казенной печати удостоверяют. Декабря 12 дня 1901-го года - город Тифлис.

Председатель правления

Закавказский Муфтий:

Печать.

Г.Э.Гаибов

Секретарь

Помощ. Секретаря

подпись

подпись

В папке под номером пятьдесят шесть, хранящейся в научном архиве Государственного Исторического музея Азербайджана, указано, что Ибрагим ага Векилов поступил в третью Межевую военную гимназию в Тифлисе 6-го сентября 1866 года. Гимназия давала образование в объеме средней школы. Будущий генерал проучился здесь девять лет, а затем по совету земляка Мирзы Гусейна эфенди Гаибзаде поступил в Военно-топографическое училище в Петербурге.

В 1879 году Ибрагим ага Векилов успешно завершил учебу и получил звание прапорщика. Молодой офицер был направлен в Тифлис, где прослужил некоторое время в военно-топографическом отделе Кавказского военного округа.

В первые годы службы Ибрагим ага Векилов занимался топографическими съемками Дагестана. В 1883 году он был включен в состав русско-персидской комиссии, которая занималась уточнением границ от Каспийского моря до Афганистана. Важнейшее задание было завершено успешно и досрочно – за два года. По этому поводу Ибрагим ага Векилов был удостоен высшей награды Персии - ордена «Шире-Хоршид». В течение пяти лет он руководил военно-топографическим отделом Кавказского военного округа. В эти годы Ибрагим ага занимался топографическими съемками различных районов Кавказа и Крыма. В 1891 году он был командирован в Турцию. В течение четырех лет он жил в русском посольстве и выполнял особые поручения. Затем в звании майора он был исполнителем важнейших заданий в Кавказском военном округе.

С 1901 года в должности начальника отдела подполковник Ибрагим ага Векилов руководит топографическими съемками на русско-турецкой границе в Карсской области и готовит военную карту Босфора.

В соответствии с русско-персидскими межправительственными соглашениями И.Векилов в 1912-1913 годах руководит топографическими съемками в южно-азербайджанских городах Тебриз, Урмия и Хой.

В годы первой мировой войны он работает в штабе действующей армии. После октябрьского переворота 1917 года И.Векилов возвращается в Тифлис. Его деятельность в царской армии была оценена орденами Святого Станислава, Святой Анны и ордена Святого Владимира четвертой степени. Ибрагим ага Векилов является единственным на Кавказе топографом, удостоившимся звания генерал-майор.

Проработав некоторое время в Закфедерации в должности председателя Закавказского Благотворительного Общества, за Ибрагим ага Векилов свой трудовой путь в Баку и Гяндже.

В 1918 году он принимал активное участие в строительстве Национальной армии Азербайджана. До этого правительство Азербайджана направило его в Казахский уезд для руководства выборами в сельские и городские советы. Авторитет Векилова сыграл важную роль в укреплении позиций недавно созданного Азербайджанской Демократической Республики в регионе.

23 июня 1918 года приказом министра внутренних дел республики полковник Ибрагим ага Векилов был назначен генерал-губернатором Гянджи. Ему предстояло разоружить остатки дашнакских сил, скрывавшихся в округе Гёран и отдельных селах. В донесении, отправленном им министру внутренних дел 23 марта 1919 года, говорится, что в Гянджинском уезде имеют место провокации, устроенные дашнакскими агрессорами и иностранными агентами. Задержаны армяне, которые, объединившись с местными большевиками, планировали массовое убийство мусульман. Арестован их главарь деревенский богач Джамшид Восканов.

В честь праздника Новруз в марте 1919 года состоялся

парад Национальной армии. Для участия в нем в Гянджу прибыли военный министр Самед бек Мехмандаров и группа парламентариев. За образцовый порядок в гарнизоне военный министр выразил искреннюю признательность Ибрагим аге Векилову.

Решением правительства Азербайджана от 30 марта 1919 года за продолжительную и безупречную службу в армии Ибрагим ага Паша ага оглы Векилову было присвоено звание генерал-майора.

Спустя полмесяца решением правительства за номером 248 генерал Ибрагим ага Векилов был назначен начальником военно-топографического отдела Генерального штаба. Он с честью и достоинством служил на этой должности до апрельской оккупации Азербайджана большевиками.

В декабре 1919 года Генеральный Штаб принял решение о создании первого военного флага. Создатель флага был начальник военно-топографического отдела генерал-майор Ибрагим ага Векилов. Флаг был изготовлен из шелка. На одной его стороне было вышито слово «Азербайджан», а на другой – боевой клич Великого Эмир Теймура, с которым он вел свою конницу в бой: «С Божьей помощью победа близка» которая была взята из Священного Корана. В приказе номер пять Генерального Штаба говорится о создании флага единой формы для конных, пехотных полков, отдельного батальона и военных школ.

Ибрагим ага Векилов активно участвовал в литературной жизни Тифлиса начала прошлого века. Здесь он подружился с великим драматургом Джалилом Мамедкулузаде. Об этом можно узнать из книги супруги Мирза Джагила Гамиды ханум «Мои воспоминания о Мирзе Джагиле». Гамида ханум пишет: *«В 1907 году в Карабахе ожидалось нашествие саранчи и голод... Узнав о безвыходной ситуации в нашем районе председатель Мусульманского Благотворительного*

Общества в Тифлисе Ибрагим ага Векилов, секретарь Мирза Джалил отправили по почте на мое имя шестьсот рублей для раздачи среди пострадавших».

8 января 1906 года на собрании Мусульманского благотворительного общества, проходившем в зале сельскохозяйственного общества Кавказа, Ибрагим ага Векилов был избран первым его председателем. Представители передовой азербайджанской интеллигенции единогласно назначили его председателем Общества. Секретарем общества был избран Джалил Мамедкулузаде, а членами были избраны – Алимардан бек Топчубашев, Самед ага Гаилов, Осман бек Муфтизаде, Рашид бек Исмаилов, Имададдин Субханкулов, Кямал Эфенди Унсизаде, Мамед Гасан Иманов, Адиль-Гирей Даидбеков, Абдуррахман бек Эфендиев и др.

У нас имеется убедительное свидетельство совместной деятельности Мирза Джагила и генерала Ибрагим ага Векилова. Это двенадцатый номер журнала «Молла Насреддин», датированный 22 марта 1909 года. В журнале помещены два дружеских шаржа на Ибрагим ага Векилова. На первом Ибрагим ага стоит посреди улицы, идущие навстречу ему мусульманские интеллигенты с улыбкой на лице поклоняются ему и говорят, что «ты организуй благотворительное общество, и мы все окажем тебе материальную поддержку». Под рисунком, мастерски исполненным Исофом Роттером, написано: «Ибрагим ага Векилов до избрания председателем Мусульманского благотворительного общества».

На втором шарже Ибрагим ага Векилов вновь стоит посреди улицы, но в одиночестве. Он с удивлением смотрит на разбегающихся по сторонам, прячущихся тех же интеллигентов и спрашивает: «что с ними стряслось?». Под рисунком стоит надпись: «после избрания председателем Мусульманского благотворительного общества».

В начале прошлого века Ибрагим ага как топограф пользо-

вался большим авторитетом. Около сорока лет он служил в качестве военного топографа. Его заслуги были высоко оценены. Ибрагим ага Векилов был награжден орденом Святой Анны третьей степени (1886 год), персидским орденом «Шире-Хоршид» (1888 год), орденом Святого Святослава второй степени (1894 год), орденом Святой Анны второй степени (1897 год), орденом Святого Владимира четвертой степени (1903 год).

В изданном в 1902 году в Тифлисе «Известиях Кавказского отделения русского императорского географического союза» (том XV) читаем: «Четвертый отдел, которым руководит подполковник Ибрагим ага Векилов, получил задание продолжить съемки района Карсской крепости. До сих пор отделение успешно справлялось с работой. В отделе географических съемок подполковника И. Векилова принимали участие коллежский ассесор Богданов, подьесаул Борисенко, подпоручик Беклешов и три землемера».

Генерал-майор Ибрагим ага Векилов был автором первой географической карты Азербайджана и заложил основы создания отечественной топографической школы. Он был членом Национального Совета, объявившего 28 мая 1918 года о независимости Азербайджана.

В приказе Народного Комиссариата по Военно-Морскому Флоту от 3 декабря 1922 года читаем: «За выдающиеся заслуги при организации и руководстве курсами военных топографов, а также за добросовестное отношение к подготовке новых топографов, реализацию первого выпуска топографов начальник военно-топографического отдела товарищ Ибрагим ага Векилов **решением общего собрания избирается почетным курсантом курса военных топографов.**

Народный комиссар Военно-Морского Флота, Начальник Штаба».

Несмотря на травлю «мусаватского генерала» новой, со-

ветской властью, Ибрагим ага не прекращал военно-научную, педагогическую деятельность. Живший в нужде генерал в последние годы жизни писал правительству: «Вдовец. (жена скончалась в 1923 году и похоронена в Тифлисе – Ш.Н.). Кроме кровати, стола и перегородки ничего не имею. Доживаю дни в одном из углов тесной квартиры сына...».

Об отношении власти большевиков к Векилову говорит и другой факт. В архиве хранится «Военно-послужная книжка» Ибрагим ага Векилова. Некий чиновник черной тушью зачеркнул слово «генерал-майор» в графе «звание»...

Глубокие познания в области топографиигодились Ибрагим аге Векилову и при советской власти, когда он был начальником Управления топографии-геодезии Народного комиссариата земли, работал в Комитете охраны древних памятников искусства и природы Азербайджана.

Знакомясь с богатым архивом Ибрагим аги Векилова, начинаешь ярче видеть каким честным, любящим свой народ человеком он был.

Написанные генералом статьи содержат богатый материал для изучения отдельных сложных и противоречивых моментов нашей истории. Хранящийся в Государственном историческом музее Азербайджана рукопись содержит перечень статей и выступлений, подготовленных в советский период. Конечно, он не отражает всю деятельность генерала в советское время, не говоря о царском периоде и периоде существования АДР:

1) Копия приказа 373а по военному ведомству, §4 подтверждает, что я действительно избран почетным курсантом топографических курсов.

2) Информацию № 2406 от 8 мая 1929 года для Центрального Исполнительного Комитета Народного Комиссариата Земли Азербайджанской ССР подготовил я.

3) Выписку журнального постановления Центрального Исполнительного Комитета Азербайджана от 23/XI-1922 года написал я.

4) Я подготовил свидетельство Военного Комиссариата Азербайджана за номером 1347 от 8 мая 1923 года.

5) Выписку постановления Центрального Исполнительного Комитета Азербайджана от 1 апреля 1922 года написал я.

6) Статья о кочевниках напечатана в третьем номере журнала «Общества по Изучению и Исследованию Азербайджана».

7) В журнале «Йени кянд» («Новое село») опубликована моя фотография как основателя Землемерного Техникума имени Самеда аги Агамалы.

8) Книга Т.Г.Султанова «Нахичеванский Край и его экономика» напечатана вместе с составленными мною картами.

9) Составил карты а) Азербайджана, б) всего Кавказа, в) Европы, г) Азии, д) Америки (Северной и Южной), и) проживания тюркских народов в Азии и Европе.

Слово ученого

Гоча тарих илһам алмыш

Мәрд әлләрин јазысындан.

Самед Вургун.

Кроме полководческой деятельности генерал, топограф Ибрагим ага Векилов имеет большие заслуги перед нашим народом и в других областях. Он является составителем первой «Политической и физической карты Азербайджанской Республики». Какова судьба этой карты? Эта национальная карта не использовалась, ни мало, ни много 70 лет. Единственный экземпляр карты до наших дней сумел сохранить ученый, кандидат географических наук, доцент Малик Мирзоев.

- Малик муаллим, по каким качествам картографическая карта генерала Ибрагим ага Векилова отличается от советских карт?

- Составленная генералом «Политическая и естественная карта Азербайджанской Республики» является картографическим произведением. Он не только не уступает, но даже превосходит карты, составленные известными учеными и картографами мира. Составители карт, как правило, довольствуются отражением одной сферы (рельеф, политика, экономика и др.). Объединить в одной карте две сферы впервые удалось генералу Ибрагим аге Векилову. Он объединил как политические пространства, так и естественные. В результате генералу удалось создать глубоко содержательное, подробное, легко читаемое оригинальное картографическое произведение. Изучая карту, приходишь к выводу, что для ее составления автор провел основательные исследования, уделил большое внимание изучению топографии, топонимии, истории, ономастике, а также географических наук. При составлении карты использованы красные тона, на ней помещен флаг с полумесяцем и звездой. Масштаб выбран 1:420000. Для удобства в пользовании масштаб указан также в верстах. Этой единицей измерения, как известно, пользовались англичане. Тем самым значительно возросло практическое значение карты. Особое значение имеет компактность указанных на карте маршрутов. В сравнении с нынешними картами их количество очень мало. Четко обозначены построенные, строящиеся, узкие железные дороги, шоссейные, обозные пути, реки. Исследование карты показывает, что автор отлично знал топографию, а потому он указал сады, болота, заселенные места как вокруг крупных населенных пунктов, так отдельно расположенные. Чаше других садовые участки встречаются в местностях Ходжавенд, Лянбяран, Квартабойяхмедли.

- Малик муаллим, а как даны названия местностей? Подверглись ли они изменениям как в русских источниках и картах или даны на тюркском языке?

- Главное достоинство карты Ибрагим ага Векилова в том и заключается, что названия местностей даны по-тюркски. К примеру, в Кура-Араз низменности сохранены такие названия как Муганьская степь, Мильская степь, Ширванская степь. Естественные географические названия мало чем отличаются от нынешних. Из карты можно почерпнуть немало интересных сведений. Особо ценным ее делает сохранение исторических названий (Карабулаг, Абдялляр, Горусу, Тертер, Эривань, Тифлис). Историческое значение имеют названия крепостей на территории Сальян и Сабирабада (Махмудгала, Джавадгала, Шингала, Абулгала). С научной точки зрения ценность представляет указание на карте притока Араза - Нового Араза, который и создал эти крепости. Названия многих мысов и предгорий вдоль Каспийского моря - от Астары до Дербента - указаны на тюрко-азербайджанском языке.

В последние годы армянские националисты безосновательно изменили и исказили многие географические названия. Карта Ибрагим ага Векилова - достойный ответ таким «горе-исследователям». Охчи, Акстафа, Алагель, Гарагель, Базарчай и другие названия тюркского происхождения наглядный тому пример. Правильное указание географических названий имеет в настоящее время большое научное значение. Карта Ибрагима аги Векилова является единственным картографическим произведением, имеющимся у нас на руках. Он нуждается в глубоком изучении историками. Языковедами, географами, политиками. Карту можно использовать и при решении ряда спорных вопросов (названия, границы). Она может сыграть большую роль в восстановлении забытых слов и названий, имеющих тюркское про-

исхождение. На карте отмечены границы Азербайджана с соседними государствами, что свидетельствует о глубоком знании автором Кавказа. «Политическая и естественная карта Азербайджанской Республики» Ибрагима аги Векилова четко указывает границы уездов (политическую ситуацию).

Эту карту талантливого топографа-картографа Ибрагима аги Векилова необходимо переиздать. Мне кажется, что в различных архивах ждет исследователей еще немало трудов Ибрагима аги Векилова. Прodelанную Ибрагим ага Векиловым работу необходимо должным образом довести до его соотечественников. Для этого надо прививать молодежи чувство любви к Родине, уважения к историческому прошлому. К сожалению, в Азербайджанской энциклопедии нет ни одной строчки о таком выдающемся ученом, генерале.

Звездный час семьи

Коран и шариат мужей и жен

Соединяют испокон веков.

Мой брачный договор – четверостишие,

Религии какой подвластен он?!

***Мехсети Гянджеви, поэтесса
конца XI века-начала XII века***

В архивных документах имеются немало свидетельств того, с каким усердием и старательностью трудился Ибрагим ага Векилов в области военной топографии. Одно из них привлекло мое внимание. Это свидетельство, выданное 30 июля 1928 года народным комиссаром общественного обеспечения Мухтаром Гаджиевым:

«Настоящим подтверждаю, что в период моего пребывания на посту председателя ЦИК Азербайджана военный

топограф Ибрагим ага Векилов неоднократно избирался членом различных комиссий, а также принимал участие в определении границ между республиками Азербайджан и Армения, и в целом в различных работах при ЦИК Азербайджана. Товарищ Векилов искренне любит свою специальность, ответственно, добросовестно и аккуратно выполняет возложенные на него обязанности»

Из воспоминаний покойного поэта Мансура Векилова:

В 1952 году с моим отцом Фахри Мамедрза оглы Векиловым, работавшим заместителем министра здравоохранения Азербайджанской Республики, произошло интересное событие, которое я никак не могу забыть и сейчас. Неожиданно, среди ночи отца вызвал Мир Джафар Багиров и прямо на пороге спросил: «Генерал Векилов твой родственник?». Отец, побледневший от ничего хорошего не сулящего ночного вызова, еле выговорил: «Да». Несколько смягчившись, Багиров понизил тон и сказал: «Чего волнуешься? Таким родственником гордиться надо. На днях я спорил с армянами о наших границах. Нашел карту Векилова и наглядно им доказал, что оспариваемые земли являются нашими».

Это признание, конечно, было чудом того времени: эти слова говорил человек, по указу которого один сын генерала Ибрагима аги Векилова – полковник Галиб бек был расстрелян, а другой – инженер Фарис бек на восемнадцать лет сослан в Сибирь.

29 ноября 1933 года Народный комиссариат АзССР установил персональную пенсию старейшему генералу.

* * *

Большую часть жизни проводивший в Тифлисе Ибрагим ага Векилов в 1884 году женился на русской девушке Елене Ефимовне Ермолаевой. Однако искренно любящие друг друга молодые люди попали в безвыходное положение. Дело в том, что в тот период действовал указ императора Александра III,

категорически запрещавший мусульманину жениться на русской. Если же мусульманин все —таки решил связать брачные узы с русской, то он был обязан отречься от своей религии и принять христианство. В противном случае он лишался родительских прав. В поисках выхода из создавшейся ситуации Ибрагим ага Векилов обращается в Священный синод Русской Православной Церкви, его обер-прокурору Победоносцеву, который имел огромное влияние на Александра III. Ибрагим ага Векилов просит не обязывать его принять христианство и узаконить брак, однако получает решительный отказ. Победоносцев советует не мечтать о браке с русской. “Мы отберем у вас детей, у вас нет прав на отцовство над ними.”

Наконец, в 1891 году наступил звездный час семьи. Словно судьба решила взять под свою опеку их счастье. В тот год капитан Ибрагим ага Векилов как самый лучший топограф был по приказу царя командирован в Турцию.

Спустя два года болгарский священник Георги Мисаров сочел браком Ибрагим ага и Елену. В это время мужу было тридцать девять, а жене — тридцать два года. В семье росли два мальчика: семилетний Борис и шестилетний Глеб.

Генерал Ибрагим ага Векилов приходится двоюродным братом нашему великому поэту Самеду Вургуну. Брат поэта Мехдихан Векилов в повести «Мой брат» пишет:

«Последняя беседа Самед Вургунa с генералом Ибрагим ага (генерал И. Векилов скончался 2 июня 1934 года — Ш.Н.) касалась обращения его жены Елены Ефимовны Л.Н.Толстому по поводу возможности принятия сыновьями ислама и ответного письма великого писателя».

Топограф-Генерал Ибрагим ага Паша ага оглы Векилов

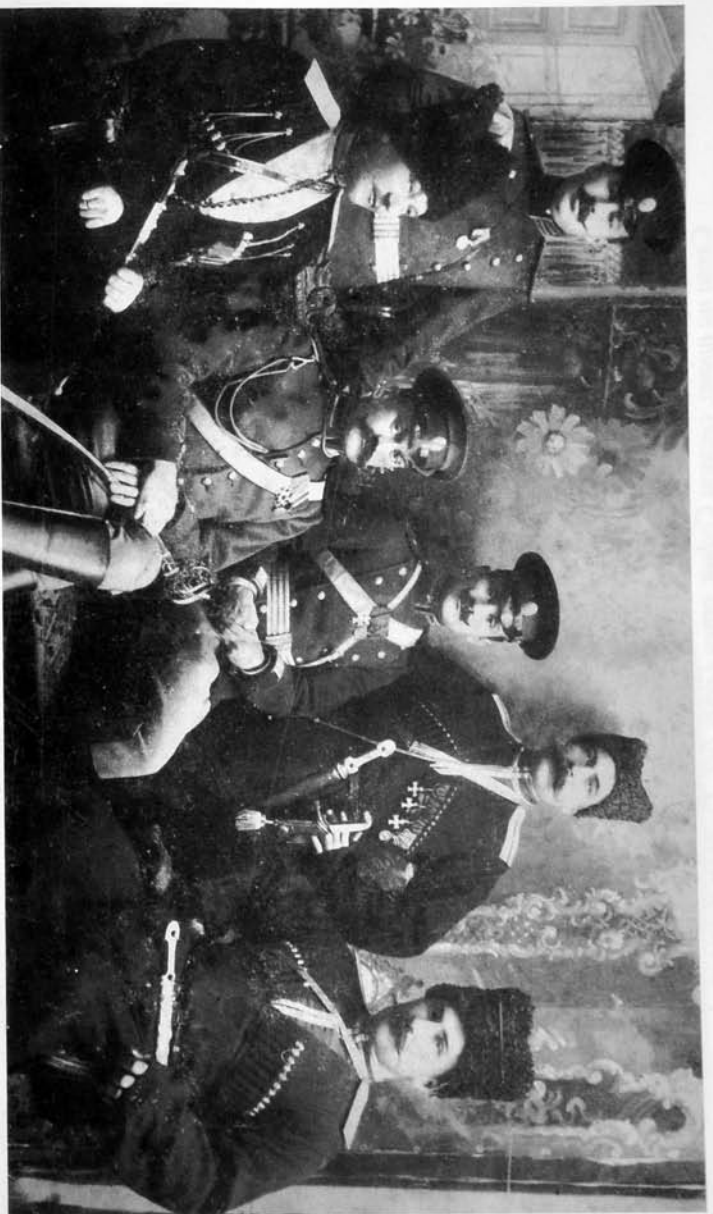

*Штабс- капитан
Ибрагим ага Паша
ага оглы Векилов
(1853-1934)*

*Ибрагим ага Векилов с
сыновьями Фарис беком
и Галиб беком 1892 год
20 сентября*

3-й сипаи Терай бек Аббасхун бек оэлы Бекмуров

Шмабе-капитан Моразим ага Бекмуров на топографических съёмках около города Капча 30 августа 1901 год

Генерал-топограф
Ибрагим ага Паша ага оглы Векилов

Сестра на прапо, сестра Софуя, отец Герай бек, Руслан Векилов,
мать Ситара Мамед кызы, невестка Сапа Таурова

*Галиб бек вместе с супругой Александрой Векиловой перед
отъездом на фронт, свадебная фотография*

*Герай бек вместе с супругой Ситарой ханум,
Тифлис 1910-ый год*

Генерал-топограф Ибрагим ага Векилов

*Отец Герай бека
полковник Аббаскулу ага
Векилов (1844-1927)*

Штабс-капитан Герай бек Векилов (1884-1952)

*Галиб бек Векилов и супруга, военная сестра милосердия
Александра Векилова в годы 1-ой мировой войны*

*Топограф генерал Ибрагим ага Векилов
Медальон к 140 летию*

*Капитан Бахадур бек
Векилов, (1899-1920),
город Гянджа 1920-ый год*

*Удостоенный полного
георгиевского ордена прапорщик
Лютвели бек Векилов (1890-1932)*

*Генерал-майор
Ибрагим ага Векилов 1932-ой год*

*Справа: Галиб бек Векилов, Алигейдар Караев, Михаил Фрунзе,
полковник Мамед бек Вейсов 1925-ый год зимний месяц.
Сад усадьбы Неручева, Хачмасский район*

БЪЛГАРСКА ЕКЗАРХИЯ

СВИДѢТЕЛСТВО ЗА ВЪНЧАНИЕ

Братуцѣ дава се вънчае въ правото имъ, а именно: *Ибрагим ага Векилова* съ *Елена Ефимовна Ермолаева*, по вѣнчаніи въ мѣсяцъ Октомврий 1886 г. а именно на *15* въ 10 ч. въ *Цариградъ*.

ЕПАРХИЯ

ОКРАЖИЕ

ОКОЛИЯ *Цариградъ*

М. *Цариградъ*

Вр. *Цариградъ*

Въ *първия* мѣсяцъ на мѣсяца *Октомврий* отъ хилядо осемстотинъ *педесетъ и три* г. вънча се *Ибрагим ага Векилова* изъ *Пловдивъ* на възраст *тридесетъ и две* на *Елена Ефимовна Ермолаева* изъ *Сливница* на възраст *тридесетъ и две* на *мѣсто* вѣнчало съ *Епископъ* *Борисъ* изъ *Сливница* на възраст *тридесетъ и две* на *мѣсто* вѣнчало, при свещенодѣйствието на *доподписани* свещеникъ *Георги Мичаровъ* служани въ църквата *Св. св. Кирилъ и Методій* *Св. св. Кирилъ и Методій* и свидѣтелството на кума *Иванъ Доста* изъ *България*.

За увѣреніе дава се настоящето свидѣтелство, потвърдено съ надлежния печатъ и подписъ.

Свѣдѣтелство *Георги Мичаровъ*

БОЖЕЮ МЛЮСТНО МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ, ЦИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ВЪ ПРОШЕ, И ПРОШЕ, И ПРОШЕ

Имѣя и окомю да будетъ каждому, что блаженная памяти Государя Императора НИКОЛАИ НАКЛОВИЧЕ, САМОДЕРЖЦЕ ВСЕРОССИЙСКІЙ, НАШЕГО ВСЕРОССИЙСКІЙ ГОСУДАРЬ РОДИТЕЛЬ, КОРИСТА КАМЕНА ГУСИНА КУНОГО, ЗА ОКАЗАНІЮ СЕБѢ ВЪ СЛУЖБѢ РЕШИТЕЛЪ И ПРИКАЗАНІЮ, ВСЕРОССИЙСКІЙ ПОКАЗАВАЕВЪ ПОДПОРУЧИКЪ ТАКИХЪ ЛЮДЕЙ, СЪОТЪ ПЯТЬДЕСЯТИ ПЕРВЫХЪ ГОДА АУГУСТА ТРИДЕСЯТИ ЛѢТЪ, ТОГО РОДА, МЫ СЕБѢ ЖЕЛЮЩЕ И УВѢЖДЕЩЕ, ПОСТАВЛЯЕВЪ НАШЕГО ПОДАРИВАЕВЪ ОНАГО КАМЕНА ГУСИНА КУНОГО ЗА НАШЕГО ПОДПОРУЧИКА ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ И ПОЧИТАЕВЪ И МЫ ПОДАРИВАЕВЪ, ЧТО ОНЪ ВЪ СЕБѢ ОНЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ ПОКАЗАВАЕВЪ ОНЪ ТАКЪ ВѢРНО И ПРИКАЗАНІЮ ПОСТАВЛЯЕВЪ БУДЕТЪ, КАКЪ ТО ВѢРНОМУ И ДОБРОМУ ОМНЕРУ ПОДАРИВАЕВЪ. ВО СВИДѢТЕЛСТВО ЧЕГО, МЫ СЕ ИМПЕРАТОРУ ДОПОРУЧИКУ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА ПОСТАВЛЯЕВЪ И ГОСУДАРСТВЕННОМУ НАШЕГО ИМПЕРАТОРА ПОСТАВЛЯЕВЪ, ДАМЪ ВЪ СВИДѢТЕЛСТВО, ЧТО 1883

Имѣя Императора Николая Николаевича

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

СВЯТЫЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ-МОНАРХЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

ПОДАРИВАЕВЪ ПОСТАВЛЯЕВЪ

Свидетельство о браке
Ибрагим ага Векилова с Еленой Ефимовной Ермолаевой

Указ Александра II о присвоении звания поручик корнету Кязым Гусейнкулу оглы

1925-ый год.
Дедушка Ибрагим ага и
внучка Лейла Галиб кызы

Рена ханум Ибрагим
ага кызы Векилова
(1896-1966)

ПИСЬМО ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

В душе нашей есть Божий свет. Имя ему – совесть.
Лев Толстой

Прошло шесть лет. Однако отцовское сердце Ибрагима аги не успокоилось, и материнская душа Елены Ефимовны не перестала тревожно биться. Их волновал вопрос – какой религии должны были служить дети? Судьба подарила им третьего ребенка. Дочери Рейхан шел тринадцатый год. Как быть? У кого просить совета? Официальные государственные органы и религиозные деятели не могли помочь семье.

Старший сын генерала Борис учился в Петербургском Технологическом институте, младший, Глеб – в Алексеевской военной школе в Москве. Они тоже задавались вопросом: Кто мы? Какой нации принадлежим? За ответом мальчики часто обращались родителям.

Из беседы с Фарис беком Векиловым:

- Мне исполнилось девять лет. Наряду с учебой меня не покидала мысль о переходе в мусульманство. Ситуация, сложившаяся в 1904-1095 годах, должна была помочь осуществлению замысла. Русско-японская война, революционный настрой масс вынудили правительство предпринять ряд либеральных шагов. В 1904 году был опубликован «Манифест о свободе вероисповедания».

Документ допускал возвращение в религию тех, кто по каким-то причинам от нее отрекся. Казалось, что достаточно подать соответствующее заявление и вопрос решится. Опытные люди, в том числе и мои родители, не советовали мне в первый год приезда в Петербург поднимать вопрос религии в присутствии защитников православной религии. Эта предосторожность нашла свое отражение и в письме моей матери Льву Толстому. Дабы избежать ненужных осложнений, реа-

лизацию моего намерения пришлось отложить на некоторое время.

Родители решили, что кроме Льва Николаевича Толстого никто не сможет дать умный совет. Поэтому второго марта 1909 года Елена Ефимовна написала из Тифлиса Льву Толстому:

Глубокоуважаемый наш наставник Лев Николаевич, я не нахожу слов для извинения перед Вами за то беспокойство, которое причиняю своим письмом, я знаю, как нас много желающих получить от Вас совета, но, несмотря на все это, я пишу, потому, что жизнь задала мне непосильную задачу.

Я постараюсь в коротких словах изложить мою просьбу. Мне 50 лет, я имею трех детей, муж мой магомед (магометанин – ред.); но брак наш законный; дети православного вероисповедания; дочери 13-й год, одному сыну 23-й год, он студент Технического института в Петербурге, а 2-му 22-й год, он юнкер Алексеевского военного училища в Москве. Вот эти-то сыновья просят моего разрешения перейти в веру отца, т.е. магометанскую. Что мне делать? Я знаю, что теперь это можно, но я также знаю и те гонения на инородцев, которые у нас существуют. Причина, побудившая их, не имеет мелкой жизненной подкладки, ни материальный расчет, ни карьера не толкают их на этот шаг, а только одно желание прийти на помощь этому темному татарскому (азербайджанскому – ред.) народу, а слиться с ним, войти в его среду мешает религия.

Но я боюсь своим близоруким советом толкнуть их на плохое: я одинока со своим горем, о если бы могла описать мои муки, мою борьбу. Я пишу со слезами матери, безумно любящей своих детей. И вот, обезумевшая от мук, я решаюсь просить Вашего совета, Вы, только Вы Вашим умом можете предугадать, к чему это может привести при настоящих условиях нашей жизни. Вам мое горе покажется

и маленьким, но меня оно давит до физических мук.

Лев Николаевич, Вы нам, маленьким, сереньким, никогда не отказывали в Вашем теплом, сердечном совете, зная это, я решилась, осмелилась беспокоить Вас своей просьбой; бросьте песчинку мне в утешение.

Много раз извиняюсь, что отняла у Вас дорогое время, на этот шаг меня толкает безумная любовь матери.

Всей душой преданная

Елена Ефимовна Векилова.

Город Тифлис, 2 марта 1909 г.

Учебный переулок 1, дом 8

В письме, написанном в Ясной Поляне пятнадцатого марта 1909 года, великий просветитель отвечал:

Елена Ефимовна,

Не могу не одобрить желания ваших сыновей содействовать просвещению татарского (азербайджанского – ред.) народа. Не могу судить о том, насколько при этом нужен переход в магометанство. Вообще должен сказать вам, что не признавая государства, я считаю излишним и всякое формальное заявление кому бы то ни было о том, к какой вере принадлежит человек. И потому думаю, что если сыновья ваши и захотят усвоить взгляды магометанские предпочтительно перед православным, то им не нужно бы заявлять об этом, т.е. о своем переходе от одного вероисповедания в другое. Может быть, это необходимо, но я об этом судить не могу, и поэтому ваши сыновья должны решить сами, заявлять ли или не заявлять им об этом предержащим властям.

Что касается до самого предпочтения магометанства православию, и в особенности по тем благородным мотивам, которые выставляют ваши сыновья, я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. Как ни странно

это сказать, для меня, ставящего выше всего христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе, и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата, единого Бога и Его пророка, вместо того сложного и непонятного богословия - Троицы, искупления, таинств, Богородицы. Святых и их изображений и сложных богослужений. Оно и не могло быть иначе, т.е. не могло не быть того, чтобы магометанство, по отсутствию многих суеверий, затемняющих сущность учения и вошедших в церковную веру, не стояло бы выше этой церковной веры уже по одному тому, что магометанство возникло на 600 лет позднее христианства.

Все на свете развивается, совершенствуется; как совершенствуется отдельный человек, так и совершенствуется все человечество и главная основа жизни всех людей — их религиозное сознание. Совершенствование же религии состоит в ее упрощении, уяснении, освобождении от всего того, что скрывает ее. Такое освобождение религиозной истины от того, что ее скрывает, совершалось с самых древнейших времен великими мыслителями человечества, сделавшимися основателями всех больших религий. Так, прежде всех других, известных нам религий, такое новое, более высокое понимание религии дано было в книгах Веды (в Индии), позднее в учениях Моисея, Будды, Конфуция, Лао-Тсе, Христа, Магомета. Все эти основатели новых религий, освобождавшие религию от древнего грубого понимания ее и заменявшие его более глубоким, простым и разумным,

были великие люди, но все-таки люди, и потому не могли развить истину во всей ее ясности, глубине и чистоте от всяких прошлых заблуждений. Но если бы даже предположить, что люди эти не могли ошибаться, и все, что они говорили, была несомненная истина, то те ученики их, которые стояли много ниже их, не усвоив истину во всей ее глубине, естественно, желали украсить ее, сделать ее обаятельной для всех, извращали ее, прилагая к ней опять много ненужного и в особенности чудесного, из-за которого трудно было большинству людей видеть саму истину во всем ее значении. И такие извращения истины, чем дольше исповедовались религии, тем все больше и больше нарастали на открытую основателями истину и затемняли ее. И потому в самых древних религиях больше всего чудесного и всякого рода суеверий, скрывающих истину: более всего в самой древней, в браминской, уже меньше в буддийской, конфуцианской, таосистской, еще менее в христианской, но уже меньше всего в самой последней большой религии — в магометанской.

И потому магометанство находится в самых выгодных в этом отношении условиях. Ему стоит только откинуть все неестественное, внешнее в своем вероучении, в основу поставить основное религиозно-нравственное учение Магомета, и оно естественно сольется с основами всех больших религий, и в особенности с христианским учением, которое оно признает истиной.

Пишу вам так длинно, потому, что думаю, что вы сообщите мои мысли вашим сыновьям, и что мысли эти могут им пригодиться в исполнении их прекрасного намерения. Содействовать очищению религий от всего того, что затемняет те великие истины, которые составляют их сущность, одна из лучших деятельностей, которую может избрать человек. И если ваши сыновья поставят себе эту

деятельность целью своей жизни, то жизнь их будет полна и благотворна.

Не знаю, известно ли вам и вашим сыновьям о двух известных мне учениях в магометанстве, которые стремятся к этой самой цели: освобождению высших основных истин от скрывающих их заблуждений и суеверий. Оба эти учения подвергались и подвергаются за это гонениям. Одно из этих учений – это учение бабистов, зародившееся в Персии, перешедшее в Турцию, где тоже терпело гонения и теперь сосредоточилось в сыне Бага-Улла, живущем в Акке. Учение это не признает никаких внешних форм богопочитания, считает всех людей братьями и признает только одну религию любви, общую всему человечеству. Другое учение возникло в Казани. Последователи его называют себя Божьим Полком или Ваисовцами, по имени своего основателя. Эти люди также полагают сущность веры в делах любви и потому воздерживаются от участия во всех делах против любви, как-то: податях, которые употребляются во зло, и от солдательства. Секта эта также гонима, и на днях только руководитель их был посажен в тюрьму.

Очень буду рад, если мои советы пригодятся хоть на что-нибудь и вы или ваши сыновья ваши известят меня о своем решении и своей дальнейшей деятельности. Лев Толстой².

Видимо, письмо матери очень взволновало Льва Толстого. Это можно понять из четырехстраничного и, можно сказать, безотлагательно написанного ответа. Его мнение: **«магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия»** положило конец переживаниям семьи. Письмо писателя в семье было воспринято как приговор, закон.

² Письмо написано на пишущей машинке. Подчеркнув текст, автор собственноручно написал «Лев Толстой» – Ш.Н.

После письма Льва Толстого Закавказское Духовное Управление в Тифлисе приняло детей Ибрагим аги Векилова в мусульманство, и это было письменно подтверждено официальным документом за подписью муфтия Мирзы Гусейн эфенди Гаибзаде. Были сменены имена мальчиков: Борис стал Фарисом, Глеб – Галибом.

Оригинал письма Льва Толстого Елене Ефимовне Векиловой Фарис бек передал в Музей имени Льва Толстого в Москве в 1978 году. У автора этих строк хранится копия того письма.

Свое уважение к мусульманской религии гениальный Толстой выразил не только в этом письме. О его сердечной любви к исламу, личности Пророка Мухаммеда свидетельствовали многочисленные его друзья. Из предлагаемой ниже беседы, которая впервые представляется вниманию уважаемого читателя, отчетливо видно его собственное признание.

Словак Д.П. Маковицкий в течение шести лет был личным врачом Льва Толстого и свидетелем многочисленных визитов к писателю. Об увиденном и услышанном он поведал в монументальном произведении «У Толстого в 1904-1910 годах». Этот четырехтомный труд впервые был издан в 1979 году в Москве под названием «Яснополянские записки». На странице триста пятьдесят шесть третьего тома опубликован разговор в семейном кругу Толстого, из которого читатель может еще раз убедиться не только о внимании великого писателя к просьбе супруги генерала Ибрагима аги-Векилова, но стать свидетелем глубокого почитания им исламской религии.

Душан Петрович Маковицкий пишет:

«Во время беседы 13 марта 1909 года Лев Николаевич сказал: «Получил письмо от одной матери, пишет, что отец детей является мусульманином, сама же - христианкой. Имею двух сыновей: один студент, другой офицер. Оба

хотят исповедовать мусульманскую религию».

Софья Андреевна: - Наверное, дети хотят перейти в мусульманство ради многоженства.

Л. Н. Толстой

Лев Николаевич: - Ну и что... У нас разве мало мужчин, имеющих несколько жен?

Затем Лев Николаевич сказал, что многое ему стало ясно, когда он задумался под этим письмом.

Лев Николаевич: Коран всегда превосходит Евангелие. Он не считает Иисуса Богом и себя не приравнивает к Богу. У мусульман нет Бога кроме Бога и Мухаммед его пророк. В этом нет никакой загадки и тайны. Что лучше: христианство или мусульманство?

Для меня ясно, что мусульманская религия лучше, она выше. После некоторого молчания Лев Николаевич повторил: - Мусульманство несравненно превосходит христианство. Мусульманство очень помогло мне.

Михаил Васильевич: - Запорожские некрасовцы³ приняли мусульманство. **Лев Николаевич:** - С развитием человека развиваются и основы религии: Таосизм, Буддизм, Христианство. У них одинаковая религиозная основа. С течением времени это приводит к единству и счастью.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

Спустя восемьдесят два года в своем досье за номером семь (1991 год) «Литературная газета» сообщила о семей-

ном письме Ибрагим ага Векилова. Досье было посвящено священной книге – Корану, который вобрал в себя догмы всех религий. Эта инициатива была началом важной работы – предоставления русскому читателю открытой, непредвзятой информации об основах исламской религии.

Газета опубликовала отрывки письма писателя Льва Толстого Елене Векиловой и с сожалением заметила об отсутствии у нее каких-либо сведений о личности Векиловой. В Азербайджане нашелся человек, который обладал достаточно полной информацией о Е.Е.Векиловой. Это была внучка генерала, профессор Векилова Лейла Галиб кызы. Вот что она писала газете:

«Предыстория события такова. Елена Ефимовна, девичья фамилия Ермолаева, родилась в семье аристократа – военнослужащего. На одном из мероприятий с участием офицеров она познакомилась с молодым офицером Ибрагим ага Паша ага оглы Векиловым.

Род наш Векиловых происходит из уездного города Азербайджана Казаха и принадлежит аристократическому сословию. Ее история насчитывает более трехсот пятидесяти лет. Наш род вырастил немало военнослужащих, ученых, писателей и поэтов, в том числе корифея азербайджанской литературы Самеда Вургуну.

Двое молодых людей – Елена Ермолаева и Ибрагим ага Векилов влюбляются. Однако их семейному счастью мешает различие в вероисповедании. Азербайджанец И.Векилов является мусульманином, русская Е.Ермолаева – христианкой. По законам царской России того времени при сочетании браком христиан с представителем другой религии, одна из сторон должна была отказаться от своей религии. Однако ни Е.Ермолаева, ни И.Векилов не могут идти против религии, на канонах которой воспитывались. Поэтому мой дед решил обратиться императору. Он просит Его высочество разре-

³ После подавления в 1708 году восстания Булавина донские казаки под предводительством атамана Игната Некрасова перебрались в Турцию – Ш.Н.

шить бракосочетание без отказа от религии. После долгих разбирательств было получено согласие. Однако законы России требовали, чтобы дети, рожденные от таких браков, обязательно получали православное воспитание.

Таким образом, все трое детей – дочь Рейхан, сыновья Борис и Глеб были крещены. Однако под влиянием отца и родственников дети больше тяготели к мусульманской религии. Повзрослев, дети, очень любящие мать, попросили у нее разрешения на переход в мусульманство.

По этой причине моя бабушка с вопросом «что делать?» обратилась к писателю Льву Толстому, который считался «совестью христианской религии».

Лев Толстой ответил бабушке пространственным письмом на четырех страницах. Отрывки из этого письма вы опубликовали в досье седьмого номера газеты.

После письма Толстого дети Елены Ефимовны и Ибрагима аги Паша ага оглы переходят в ислам. Изменяются и имена мальчиков – Борис становится Фарисом, а Глеб – Галибом.

Всю свою жизнь Елена Ефимовна посвятила преданному мужу и любимым детям. Она всегда находилась рядом с дедушкой, где бы он ни служил (он возвысился до звания генерал штаба). Она была очень грамотной женщиной, знала несколько языков, занималась литературно-художественными переводами, написала интересные воспоминания. Бабушка умерла в 1923 году в Тифлисе.

Мой дед и двое его сыновей верой и правдой служили своей Родине – Азербайджану. Особенно неопределимы их заслуги в 1918-1920 годах, когда шло строительство Азербайджанской Демократической Республики.

Дед мой Ибрагим ага был военным топографом. Он создал карты Ирана, Турции и Закавказья. Он занимал видное место общественной жизни Азербайджана. В Азербайджан-

ской Демократической Республике он занимал должность генерал-губернатора Гянджи. Награжден орденами России, Ирана и Турции.

Отец мой Галиб бек Ибрагим ага оглы Векилов получил военно-техническое образование. Участвовал в Первой мировой войне. За боевые успехи удостоен ряда наград, в том числе «Креста Святого Георгия».

Дядя Фарис бек Ибрагим ага оглы получил патенты на ряд изобретений, был талантливым инженером. К сожалению, и нашу семью не обошла волна репрессий.

В первый раз отца арестовали в 1931 году, но освободили по состоянию здоровья. В 1937 году его арестовали во второй раз и, невзирая на невиновность, расстреляли как бывшего царского и мусаватского генерала в ночь с 15 на 16 ноября...

Дядя же восемнадцать лет находился в ссылке в Караганде, Магадане и Сибири. В память об отце у меня сохранились лишь полученные после смерти справки об оправдании.

Это все, что я хотела сказать о семье Е.Е.Векиловой, о которой вы упомянули на страницах досье.

Да, я хотела сказать несколько слов о себе. Я, Векилова Лейла Галиб кызы, являюсь доктором педагогических наук, профессором Педагогического института русского языка и литературы им. М.Ф.Ахундова, автором ряда книг по русскому языку для высших и средних школ Азербайджана. Всю сознательную жизнь посвятила обучению и воспитанию молодежи."

ПИСЬМО ИЗ ЧУЖБИНЫ

В семье топографа генерала Ибрагима аги Векилова росли трое детей – два мальчика и девочка. Лейла ханум с

гордостью говорит об отце и дяде, но ни разе не упоминает

*Фарис бек Векилов
в студенческие годы*

тетю Рейхан. На то была веская причина. Рейхан была супругой Аббас бека Атамалибекова, который в качестве представителя Азербайджана работал во Франции. Они уехали в эту страну в 1919 году и не вернулись на родину после большевистского переворота апреля 1920 года.

Вне сомнений, если бы Рейхан ханум вернулась в Азербайджан, где установился большевистско-дашнакский режим, ее судьба мало чем отличилась бы от судьбы братьев. Всем нам хо-

рошо известны потрясения, выпавшие на долю представителей поколения интеллигенции Азербайджана. Векиловы – не исключение. Разве можно было вернуться в страну, доверившись советской тоталитарной власти, которая в черные, зловещие дни 1937 года на одиннадцать лет лишила свободы девятнадцатилетнего юношу, расстреляв отца-мать и даже дальних родственников? Конечно, нет. Все это – ссылки и расстрелы хорошо было известно им, всем проживающим в эмиграции.

Хорошо помню, в семидесятые годы я часто встречался с Фарис беком. Он не сдерживать слезы, когда упоминал сестру Рейхан ханум.

- Фарис бек, сестра была старше или младше вас?, спросил как-то я.

- Она была самой младшей в семье, - ответил он. - Сестра была веселой, задорной девочкой. Она родилась 20 июня 1896 года в Тифлисе. Она появилась на свет после двух мальчиков. Начальное образование сестра получила в школе благородных девиц в Тифлисе. В 1917 году состоялась ее свадьба. Муж Аббас бек Атамалибеков был сыном Сейфулла бека, который был родом из Шемахи, давно жил в Баку. Они были зажиточными, в то же время предельно интеллигентными людьми. Аббас бек крепко дружил с братом Узеир бека – Джейхун беком Гаджибековым, Алимардан бек Топчубашевым. Они вместе уехали во Франции и не больше вернулись. При жизни отца, до ареста брата и моего мы переписывались. А теперь даже не знаю, жива она или нет...

Пройдет ни мало, ни много – семьдесят семь лет, когда единственная наследница семьи генерала Лейла ханум получит письмо и фотографию из Америки. Письмо и фотографию ей отправил двоюродный брат, сын Рейхан ханум Галиб. Естественно, насколько радостно получить такое письмо, настолько велико и волнение. Профессор Лейла ханум познакомила с текстом письма, который написан на английском языке.

- Сына, родившегося в 1923 году, тетя в честь моего отца назвала Галибом. В детстве отец мне говорил, что у меня есть тетя. Даже показывал две ее фотографии, сделанные в детстве. После кончины дедушки в 1934 году я ничего не слышала ни о тете, ни о ее сыне. В июне две тысячи первого года мне сообщили, что тебя ищет двоюродный брат Галиб Атамалибеков. Я отправила ему номер телефона и домашний адрес.

- Лейла ханум, в 1919-1920 года Рейхан ханум и ее семья жили во Франции. А как получилось, что письмо к вам пришло из Америки?

- Как пишет двоюродный брат, после 1920 года жизнь их

стала очень трудной и мучительной. Несмотря на это, Галиб получил хорошее образование, побывал в нескольких круп-

Герай бек Векилов вместе
с братом и сестрами

ных государствах мира. Еще во Франции он окончил Сорбонну. В годы войны в составе французских оккупационных войск служил в Германии. В 1946 году вся семья переехала в Латинскую Америку, в Чили. Как фармаколог Галиб работал в фирме которая имела филиалы в Тайване, Чили, Индии, Югославии, Египте. Наконец, в конце шестидесятих годов он обосновался в Америке. Тетя Рейхан ханум скончалась в 1966 году в Чили, а муж ее Аббас бек – в 1971 году в Америке.

В Югославии двоюродный брат познакомился с девушкой сербской национальности, специалистом в области химии и женился на ней. У них двое детей – сын Аббас-Доминик и дочь Тамар-Мария. В письме Галиб обещает, что в 2002 году посетит родину предков – Азербайджан.

НАШ СЛЕД В ТИФЛИСЕ

Свои молодые годы азербайджанские семинаристы провели в Гори. Они уезжают с самыми лучшими впечатлениями от Грузии и грузин. Грузия была нравственной родиной многих деятелей культуры Азербайджана. Разве можно забыть такую родину? Я выражаю глубокую признательность жителям Грузии и города Гори за искренние отношения.

Фиридун бек Кочарли,

из интервью газете «Грузия» в 1918 году.

С начала XIX века все большая часть нашей передовой интеллигенции поселялась в Тифлисе. Поэтому, при изучении жизненного пути большинства дореволюционной интеллигенции невольно обнаруживаешь их связь с Тифлисом. К сожалению, имена таких выдающихся личностей не увековечиваются. А оставшиеся кое-какие свидетельства постепенно утрачиваются.

Построенный в конце девятнадцатого века Ибрагим ага Векиловым собственный особняк на улице Уш. Чхеидзе был настоящим памятником архитектуры. Я нашел здание в 1985 году по схеме, которую нарисовал мне сын генерала Фарис бек. По возвращении в Баку я сообщил Фарис беку, что дом цел-целехонек. Один Бог да и я свидетели как он радовался этому известию. Девяносточетырехлетний одинокий старец встал, достал из черного шкафа изображение дома, поцеловал и загрустил.

В двухэтажном особняке жили две грузинские и одна армянская семья. Я спросил у них: «знают ли они, кому принадлежал этот дом?». Ответили, что одному генералу-татарину.

Я не выдержал и решил посмотреть особняк и в этот приезд в Тифлис. Какая-то сила тянула меня туда. Мне казалось, что там, в особняке, в саду перед домом, похожим на рай,

расположен кусочек Азербайджана, который ждет не дождется своего сына.

Фарис бек говорил, что все деревья, которые росли у ворот особняка, отец привез из Гараязы, Салахлы. Отец всегда беседовал с ними. Отец заботился о них, с любовью ухаживал за ними. А когда уезжал в долгие командировки, то посылал им привет. Он говорил нам, что деревья – это память о родине, их следует своевременно поливать, не давать им высохнуть.

Переходя через Верийский мост, я поднялся на небольшую крутизну и не поверил своим глазам. Особняка генерала не было, он был стерт с земли, как будто здесь ничего и не было. Сохранились только бесхозные деревья. Не осуждайте меня. Мне показалось, что деревья осиротели и плачут. Подошел поближе и начал ласкать их. Повел руками по стволам. Добрыми словами помянул генерала, Фарис бека. Стало не по себе. «Эх мир, почему ты так изменчив», – прошептал я. Листья деревьев зашелестели. То ли ветер подул, то ли они обрадовались моему приходу? Не могу сказать...

У соседей спросил: «Почему снесли особняк?». Ответили, что, мол, дорогу хотели расширить. Однако дорогу так и не расширили, и теперь раскаиваются в содеянном...

Вот так, в Тифлисе исчез памятник нашей истории. Обидно, что это никак не волнует наших официальных лиц. Тогда, в 1985 году, когда дом еще стоял на месте, я сказал одному официальному лицу, что в Тифлисе сохранился дом генерала Векилова.

- Что этим хочешь сказать? – спросил он, недоумевая посмотрев мне в глаза.

- Было бы хорошо, – ответил я – переговорить с грузинским правительством и прикрепить памятную доску на особняк. Ведь в этом доме жил единственный наш топограф генерал Ибрагим ага Векилов. Это – личность историче-

ская...

Не дослушав меня, руководящий чин с безразличием сказал:

- Подумаем. Сейчас не до этого.

Пока наш руководитель «думал», особняк был снесен.

В том же 1985 году в Тифлисе я стал свидетелем события, которое очень обрадовало меня как азербайджанца. Проходя по улице, заглянул в книжный магазин. За прилавком стоял молодой симпатичный парень. Я на русском языке спросил: «Есть ли у вас хорошие книги на историческую тему? Сколько скажите, заплачу». Парень посмотрел на меня и на чистом азербайджанском ответил:

- Есть. Вот документальная повесть о жизни рано скончавшегося в Гяндже поэта Николоза Бараташвили. Не пожалеете, если купите. Здесь есть немало эпизодов о Гяндже того времени.

- Ты азербайджанец? – спросил я.

- Нет, – ответил он, – грузин. Живу на Мейдане. Все здесь живущие нации чисто говорят на азербайджанском языке. Я еще ваши песни пою, каждое воскресенье с нетерпением жду «Час мугама» на радио.

Снос особняка Векилова вчера меня огорчило. А сегодня я испытал гордость за уважительное отношение к нашему языку, нашей музыке. Я вышел из магазина с радостью на душе.

«ТЫ СЛУЖИЛ СВОЕЙ СТРАНЕ...»

Воспоминания – как историческая наука. Здесь нельзя ничего преувеличивать или замалчивать. В этом деле наличие дневника незаменимый помощник. К сожалению, эта традиция у нас почти что забыта.

Академик Мамедджафар Джафаров

В советское время не каждый осмеливался вести дневник или писать мемуары. Считалось, что мемуары могут писать только знаменитые люди и высокопоставленные государственные чиновники. Азербайджанцы, занимающие высокие посты, так притеснялись, что многие из них предпочитали не заниматься этим столь неблагодарным в то время делом. В противном случае им пришлось бы писать о подавляемых в душе чувствах, о разногласиях, раздирающих их внутренний мир.

Записи, оставшиеся от Фарис бека Векилова, нельзя назвать дневником, это скорее воспоминания. Доживший до девяноста одного года, этот, в истинном смысле слова, интеллигент, не допустил ни одной неточности в исторических фактах. Во времена Н.Ежова, в 1936-1937 годах, Фарис-бек за свои знания и трудолюбие хоть и был назначен директором подмосковного «Завода №5», его тюркское происхождение постоянно вызывало недоверие со стороны тогдашних правоохранительных органов. Вспоминая те тяжелые годы, Фарис-бек писал: «Если описать все, что я тогда чувствовал, то можно было бы создать большую впечатляющую картину тех лет. В сознании русского «тюрок» и «враг» были синонимами. Несколько недель, возвращаясь с работы, я спал, не раздеваясь, каждую минуту ждал ареста. Вопрос «За что?» - звучал смешно».

Когда, наконец, он был вынужден вернуться на родину –

в Азербайджан, только один человек - секретарь партийной ячейки Александра Дудецкая - с сожалением сказала:

- Зачем вы уезжаете? Мы верим, что вы честный и порядочный человек.

В воспоминаниях Фарисбек переходит с 1917 года к 1923 году. Это естественно. В семидесятые годы цензура советских органов была сильна. Он мимоходом освещает времена правления партии «Мусават» в период своей жизни во Франции. Хотя живущий в эмиграции во Франции ученый генерал Мамедсадыг-бек Агабекзаде в письмах к своему двоюродному брату ученому Али беку Гусейнзаде в 1922 году пишет, что встретил в городе Фарис бека Векилова, и они долго говорили о покинутой родине.

Нельзя винить Фарис бека за то, что он не отразил всего этого в своих воспоминаниях. Виною тому является время, в которое он жил. Есть поговорка: «Обжегшись на молоке, дуют на воду». За восемнадцать лет, проведенных в тюрьмах и ссылке, он успел насмотреться многого.

Говорят, чему быть, того не миновать, от судьбы не уйдешь. На родине Фарис бека встретили тепло. Стране нужны были специалисты его уровня, но как мусаватиста держали под наблюдением. «Руководство приняло решение перевести меня с завода в систему Баксовета. Следить за полнокровной работой предприятий, подчиненных Баксовету, воодушевление их работников на ратный труд было поручено третьему лицу в Баксовете, начальнику спецотдела, «зоркому глазу» Арсену Аракелову. Я так и не узнал, какая у него специальность. Но зато я хорошо знал, чем этот человек занимается на своем посту. Выходца из бекской семьи, старорежимного инженера, беспартийного нельзя было оставлять без присмотра».

Наконец, летом 1942 года, начинается черный период жизни Фарис-бека. Следящие за каждым его шагом работ-

ники НКВД Медведев и Ишханов его арестовывают. Фарисбек: «Совершенно неожиданно для себя в сентябре 1942 года я был арестован, обвинен в намерениях, никогда мне в голову не приходивших, и осужден. Последовали годы заключения - тюрьма, лагерь, ссылка... Это длилось восемнадцать лет.

Боль, причиненная моральной травмой от незаслуженного наказания, в некоторой степени забывалась в работе, которой я отдавался на чужбине, и которая там получила соответствующую оценку.

В 1959 году был реабилитирован в возрасте 74 лет. Вернулся в Баку. Здесь, зная меня старые друзья по работе и знакомые, поставили вопрос об предоставлении мне работы. Я был принят в научно-исследовательский институт стройматериалов, где должен был организовать и возглавить специальное конструкторское бюро. Отработал еще девять лет. На «заслуженный отдых» ушел, когда мне исполнилось восемьдесят три года. В последующие годы еще некоторое время принимал участие в работах».

На первом допросе следователь Ишханов (Ишханян - Ш.Н.) сказал с мрачным видом:

- Мы проинформированы о вашей производственной деятельности - она безупречна, но ваше инакомыслие должно быть наказано.

Тут невольно вспоминаешь перипетии судьбы знаменитого тюрколога Льва Николаевича Гумилева. Когда на Лубянке Л.Н.Гумилеву вручали решение специального органа НКВД, прокурор сказал: «Как человек грамотный, вы представляете опасность. Поэтому вы приговорены к десяти годам лишения свободы».

Только из-за инакомыслия через восемнадцать лет тюрем и ссылок Фарисбек вернулся на родину. Позже полковник КГБ Величенко, вручая оправдательный приговор Фарисбеку, сказал:

- Документы и факты подтверждают, что за вами нет никакой вины. Собранные следователем Ишхановым двухтомное дело не стоит выведенного яйца.

По-моему, единственной «виной» Фарисбека Векилова было то, что он был сыном мусаватского генерала, полномочным представителем Азербайджана в Грузии в 1918-1920 годах, а также его талант инженера. На основании этих трех фактов Ишханов и состряпал дело об инакомыслии.

Написанные в 1977 году воспоминания Фарисбека Векилова начинаются с 1914 года. Эти воспоминания носят не только личностный характер. Здесь описаны случаи и факты, ярко характеризующие то время, которые невозможно читать без волнения.

Я много раз слушал воспоминания Фарисбека, и о хорошем, и о горьком. Это были воспоминания о его доблестном роде, об отце, об эмиграции, о годах, проведенных в тюрьме. Но есть одно воспоминание, которое он не отразил в своих мемуарах.

Он рассказывал, что однажды в тюрьме, в столовой, между заключенными произошла драка. «Сидящего рядом со мной заключенного так ударили арматурой по голове, что его мозги, смешанные с кровью, упали мне в миску. Убрав кровавое месиво из тарелки, я, не испытывая чувства брезгливости, доел свой обед. Я был очень голоден, а просить добавку не разрешалось. Через минуту нам была дана команда встать и покинуть столовую».

Я на одном дыхании прочитал эти воспоминания. Мне вспомнилось французское изречение: «Писатель, занимаясь творчеством, должен придерживаться заповедей божьих и творить во имя человечества». Пройдя все жизненные невзгоды, покойный ныне Фарисбек избрал эпиграфом к своим мемуарам такие слова: «На одной из забытых могил было написано:

Спи спокойно, инженер.

Трудолюбием и знанием

Ты служил своей стране

ВЕКИЛОВЫ - ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ

Затындан бир хүнэр көрүнсэ сәндә,
Сәни јашадачаг өзүн өлсән дә!

*Амир Хосров Дехлеви (1253-1325),
великий индийский поэт.*

Представители рода Векиловых доблестно служили в царской армии, в Национальной армии в годы существования Азербайджанской Демократической Республики, а также в советский период. В приказе командующего Отдельной Кавказской армии генерала Н.Н.Муравьева от 12 сентября 1855 года читаем:

«Наградить командира роты, состоящего из казахов, третьего мусульманского (азербайджанского – Ш.Н.) кавалерийского полка, капитана Мансур ага Векилова орденом «Святой Анны» четвертой степени «За храбрость», присвоить прапорщику милиции из Казахской полусотни Мир Мирза Мухаммед Шариф оглы чин подпоручика, разрешить адвокату Борчалинской бекской полусотни Мамед Шах Агасултанову ношение серебряного темляка и присвоить чин юнкера, разрешить Мустафа ага Мирзали ага оглы Векилову из Казахской бекской полусотни ношение серебряного темляка и присвоить чин юнкера» (См. газета «Кафказ», № 85, 24 сентября 1855 года).

В изданном в 1889 году в Тифлисе «Справочнике» Кавказского военно-исторического музея я нашел следующую информацию: «Полковник Мирза Худадат бек Векилов родился в селе Салахлы в 1822 году. Первое офицерское звание получил 2 июня 1847 года, чин полковника получил 14 декабря 1879 года. В настоящее время служит в Отдельной Кавказской армии. За отвагу награжден орденами: «Святой

Анны» четвертой степени (1847), «Святой Анны» третьей степени с бантом (1851), «Святого Станислава» (1858), медалью в честь десятилетия коронации императора (1860), «Святой Анны» второй степени с кинжалами (1861), «Святого Владимира» четвертой степени с бантом (1875), «Святого Владимира» третьей степени (1883) и персидский орден «Шире Хоршид» третьей степени.

Полковник Мирза Худадат бек Векилов окончил военную гимназию в Тифлисе. Служил в Отдельной Кавказской армии в качестве переводчика восточных языков. Он двоюродный брат (сын дяди по отцу – Ш.Н.) известного доктора, ученого-медика Мамедрза ага Векилова, дядя (по матери – Ш.Н.) одного из лидеров «Мусават»а Алимардан бека Топчубашева.

Газета «Тифлиский листок» в номере от 3 июня 1889 года писала, что скончавшийся на днях полковник Мирза Худадат бек Векилов выводится из общего списка Отдельной Кавказской армии.

**БОЖЬЕЮ МИЛОСТЬЮ МЫ, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ. и
прочая, и прочая, и прочая**

Нам верноподданному Казахскому народу

Главноуправляющий в Нашем Грузинском Царстве Генерал от кавалерии Тормасов донес НАМ, об отличной храбрости, верности и преданности к Престолу НАШЕМУ, оказанных Казахским Народом в Грузии обитающем, при нашествии на границы Наши в прошедшем 1809 году многочисленных Персидских войск.

Мы желая ознаменовать особенное НАШЕ внимание к та-

ковой храбрости и преданности НАМ вернолюбезного Казахского Народа, признали справедливым изъять оному сею Грамотою МОНАРШУЮ НАШУ признательность и благоволение.

*Санкт-Петербург, 7 Мая 1810 года
Царствования НАШЕГО десятого лета
Император Александр Первый
Помощник Министра внутренних дел
Козодоев*

* * *

**БОЖЬЕЮ МИЛОСТЫЮ МЫ, АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ.
и прочая, и прочая, и прочая**

Известно и ведомо да будет каждому, что блаженной памяти Государь Император НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, Самодержец Всероссийский, НАШ Вселюбезнейший Государь Родитель, Корнета Кызыма-Гусейна-Кули-Оглы, за оказанную его в службе ревность и прилежность, Всемилоостивейше пожаловал в Подпоручики тысяча восемь-сот пятьдесят первого года Августа тридесатого дня, МЫ сим жалуем и учреждаем, повелевая всем НАШИМ подданным оноту Кызыма-Гусейна-Кули-Оглы за НАШЕГО Подпоручика надлежащим образом признавать и почитать: и МЫ надеемся, что в сем ему Всемилоостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и добром Офицеру надлежит. Во свидетельство чего, МЫ сие Инспекторскому Департаменту Военного Министерства подписать и Государственной НАШЕЮ печатью укрепить повелели. Дань в Санкт-Петербург, 26 декабря 1855 года

Помощник Дежурного Генерала Главного Штаба

**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА**

Генерал-Майор

**Исправляющий должность Вице-Директора,
Полковник**

В Инспекторском Департаменте Военного Министерства записан под №9218 При запечатании в Министерстве Иностранных Дел под №1519

* * *

По этим официальным документам благодарность и уважение Александра Первого заслужили военнослужащие состоящего из казахов кавалерийского отряда – капитан Мансур ага Векилов, Векил Алы ага оглы, Гаджи Мамедхан оглы, Хан Шихлинский, майор Мустафа ага Шихлинский, Алгазах оглы Алиага, Насрулла бек, поручик Мехралы бек Союнбейли, Аллахяр ага Дильбазов, Сулейман ага Усубов, Гасан ага Кысамянли, Шариф Зал оглы, Молла Иманверди Тюклубашоглы, Чопур Нясиб и другие.

Оригинал Императорского Указа хранится в семье внука полковника Мансур ага Векилова – поэта Мансура Фахри оглы Векилова.

В исторических источниках имеется факт о поездке на Кавказ императора Николая Первого весной-летом 1837 года. 18 августа царь возвращался из Дилижана в Тифлис и при этом его сопровождал авторитетный и снискавший доверие Мамедгулу ага Векилов. Более подробно об этом событии в 1912 году сообщает издававшийся в Тифлисе «Кавказский сборник» (часть I, том XXII, стр. 329):

«...Его Императорское Величество в Дилижане гражданский губернатор во второй раз встретил вместе с тридцатью девятью беками Елизаветпольской губернии в местности Шамсаддин. Двадцать человек из них во главе с поручиком

Тахси ханом сопровождали Его Величества до села Истибулаг. Здесь Его Величество Императора встретили тридцать беков Казаха. Двадцать кавалеристов во главе с подполковником Гасан ага были назначены в сопровождение и проводили Его Величество до Красного моста. Затем Его Величество встретили уважаемые люди уезда Сыгнах и двадцать беков и дворян по прежним правилам сопровождали его до Муганлы. На станции Муганлы Его величество встретили тридцать человек из местности Борчалы. Двадцать человек из них под предводительством Мамедкулу аги Векилова сопровождали Его Величество до местности Алгет Тифлифского уезда».

Немало представителей рода Векиловых храбро сражались и снискали уважение в Первой мировой и предыдущих войнах. Полковник Асад ага Векил ага оглы Векилов (1853-1921), Аббаскулу бек Мамедгасан оглы Векилов (1844-1927), Герай бек Аббаскулу бек оглы Векилов (1884-1952), прапорщик Лютвели бек Аббасгулу бек оглы Векилов (1890-1932) и другие были награждены орденами, медалями империи.

Один из них – Аббаскулу бек Векилов окончил Тифлискую военную гимназию. Офицерского звания удостоился 10 октября 1867 года. В течение продолжительного времени служил в Кубинском сто пятьдесят пятом кавалерийском полку, который располагался в Карсе. 6 марта 1884 года получил звание подполковник. На военной службе находился около 40 лет, дослужился до звания полковник. Награжден орденом за военное отличие (1861), орденом «Святого Станислава» третьей степени (1873), орденом «Святого Владимира» четвертой степени с бантом и мечами (1873), орденом «Святого Станислава» второй степени с мечами (1879), орденом «Святой Анны» второй степени (1888) и другими орденами и медалями. Скончался в 1927 году в возрасте семидесяти трех лет в Баку.

Государственными деятелями были: член парламента Азербайджанской Демократической Республики, организатор первых поликлиник в Баку, действительный член Кавказского Медицинского Общества с 1900 года Мамедрза ага Векилов

(1864-1944), начальник канцелярии парламента АДП Мустафа бек Векилов (1899-1943), министр внутренних дел Рагим бек Векилов (1897-1934), начальник парламентской канцелярии Мамед ага Векилов (1863-1939).

В Центральном государственном историческом архиве республики хранится один список. В нем указаны имена и фамилии добровольцев Казахского уезда, из-

Ибрагим ага Векилов
(1853-1934)

явивших желание идти на фронт в составе Татарского-Азербайджанского кавалерийского полка в июне 1915 года.

В этом списке перечислены 67 человек. Из девяти жителей села Салахлы пятеро являются представителями рода Векиловых:

Ахмед ага Касым ага оглы Векилов, Мустафа ага Абдулла оглы Векилов, Мустафа ага Абдулкерим оглы Векилов, Салех ага Ахмед ага оглы Векилов, Вели ага Наби ага оглы Векилов

ПОЛКОВНИК ГЯРАЙ БЕК ВЕКИЛОВ

*Любой настоящий человек должен
гордиться своим происхождением*

*Самед Вургун,
народный поэт Азербайджана*

Он был одним из организаторов формируемых в 1918 году кавалерийских рот. В звании штабс-капитана служил в составе Первого Азербайджанского полка в Гяляндже, Тертере и Баку. В начале 1920 года был начальником Отдела военного образования Первого кадетского корпуса в Баку.

Полковник Гярай бек родился в 1884 году в семье Аббаскулу бека Мамедгасан оглы Векилова. Окончил кадетский корпус в Тифлисе. Находился в составе действующей армии в русско-японской и Первой мировой войнах. За боевые заслуги награжден орденом «Святого Георгия» третьей степени. После 1920 года служил в расквартированном в Шеки Втором красном кадетском корпусе.

Как бывший царский и мусаватский офицер все время находился под подозрением, не раз подвергался арестам. Он является прототипом с положительной стороны, образа Гярай бека в поэме Самеда Вургун «Комсомольская поэма». Вовсе не случайно, что в произведении, написанном в мрачные годы страны, поэту удалось с внутренней гордостью описать мужество Гярай бека, передать его историческую трагедию:

Удачи нет. Я не поладил с нею

И отвернулась от меня она.

Я забываю сам того Герая.

Что на коне летал, не уставая.

В начале восьмидесятых годов я часто встречался с про-

фессором Фатьмой ханум Векиловой. Причин для встреч было много. В то время я работал над повестью «Поезд, идущий из Гори», собирал необходимые для книги материалы. Главным героем произведения был известный наш литературовед Фирудин бек Кочарли. В архивах, особенно в Государственном архиве просвещения Грузии чаще других я встречал имена двух лиц. Мамеда аги и Исмаила аги Векиловых. У доброжелательного человека Миргасыма Эфендиева я узнал, что они являются братьями, были товарищами Фирудин бека по семинарии, а потом стали его родственниками – Фирудин бек женился на их сестре. Фатьма ханум Векилова была дочерью Исмаил ага Векилова.

Первая наша встреча с Фатьма ханум состоялась 3 апреля 1983 года в ее двухкомнатной квартире на улице Юсифа Мамедалиева. Эта дата зафиксирована в моей записной книжке. Она поведала мне о никому неизвестной из наших современников семейной родословной известного полководца Али аги Шихлинского. Оказалось, что ее бабушка по матери Бедирджахан ханум была сестрой генерала, а племянник генерала – уездный пристав Исфендияр бек Мурадов приходился Фатьма ханум дядей по материнской линии.

Фатьма ханум родилась в 1912 году. Ей были известны многие сведения о семьях, корнях, родословной Векиловых и Шихлинских. Одним словом, она была живой энциклопедией двух авторитетных родов. Фатьма ханум рассказала мне немало интересных эпизодов из жизни отца Исмаила аги и дяди Мамеда аги, подарила редкие фотографии. Их я внес в повесть «Поезд, идущий из Гори». Я попросил ее рассказать о полковнике Гярай беке, о котором я мало что знал. Фатьма ханум с материнской нежностью сказала:

- Сынок, ты Назима Ибрагимова знаешь? Не можешь не знать...

- Вы имеет виду председателя Комитета по делам печати

и издательства? — осторожно спросил я.

- Да!

- Знаю. Судьба всех писателей находится в его руках. Писатели довольны им. Однако между нами существует разница в возрасте, в должности... А с чего это вы вспомнили Назима муаллима?

- Не с проста. Ты знаешь, что супруга Назима Ибрагимова — Назима ханум — является внучкой полковника Гярай бека Векилова? Мать Назимы ханум — Сона ханум — жива-здора. Сона ханум — дочь полковника Гярай бека, внучка полковника Аббаскулу бека Векилова. Одна из ветвей нашего рода Векиловых задолго до революции жила в Эриване и Нахичеване, а другая — в Карсе и Тифлисе. Будет лучше, если ты встретишься с Сона ханум.

Спустя семь лет, когда работал над книгой «Топограф генерал Ибрагим ага Векилов», я вновь перелистал записную книжку тех лет. Перед глазами встало полное доброты лицо Фатмы ханум. Я многократно благодарил ее за ценные сведения, которые она мне сообщила о двух известных родах.

* * *

... Месяцами содержащиеся в камерах арестанты устали пересказывать свои истории. Через каждые дня приходилось отвечать на вопросы следователя:

- Где был во время Гянджинского мятежа? Когда в последний раз встречался с Нуру пашой? Кто руководитель восстания в Закаталах? Кого ты знаешь из членов «Иттихад»? Когда был принят в организацию?

Таким вопросам конца не было. Арестованные напрягали память, чтобы вспомнить события шестилетней давности.

Вечер наступил давно. В одной камере сидели штабс-капитан Фархад бек Алибеков и полковник Гярай бек. Последний был не в духе. Он думал о доме, о семье. Задумывался он и своим будущим:

- Все равно я должен возвратить одну жизнь. Рано или поздно я покину этот мир. Жаль Ситару. Каково ей будет с четырьмя детьми...

...С наступлением вечера камера словно наполнялась тоской, печалью. Он вспоминал детей, их шалости, беседы. Особенно невмоготу становилось, когда перед глазами вставала единственная дочь София, которую он назвал в честь матери. К ней он относился с особой отцовской нежностью. Вот уже год как эта бесконечная любовь к детям причиняла ему боль. Тяжело вздохнув, Гярай бек с грустью сказал:

- Фархад бек, видимо, такая судьба нам предначертана...

Свет в камере постепенно тускнел. Это был сигналом к сну. Вызывать после этого дежурного или коменданта запрещалось.

- Вот, — сказал Фархад бек, — ты сказал «судьба» и свет потух. Я одного боюсь, Гярай бек, как бы нам не отомстили...

- За что? В чем наша вина? — спросил тоскливо Гярай бек.

- А разве виноваты азербайджанские интеллигенты, офицеры и солдаты, которых расстреливают в течение шести лет? И ты, и я — мусаватские офицеры. Этим все сказано. Для бесчинствующих в Азербайджане дашнаков и большевиков этого достаточно.

- Ты прав. Все может быть.

- Стой, кажется кто-то идет. Наверное, надзиратель.

Большевицкий офицер открыл, затем закрыл глазок. В комнате опять стало светло. Офицер вошел в камеру, поглаживая ремень на пузатом животе. Оба арестанта сразу встали.

- Который из вас будет полковник Гярай бек Векилов? — спросил надзиратель.

- Я, — сказал Гярай бек, — выправившись по-военному.

Надзиратель с безразличным видом осмотрел его с ног до

головы, словно видел арестованного в первый раз. Посмотрев на солдата, который с ним пришел, надзиратель сказал:

- Очень хорошо, можете взять свой «подарок».

Гярай бек хотел сделать шаг, но надзиратель его остановил грозным голосом скомандовал:

- Не так, так нельзя, с вещами. Таков приказ.

Фархад бек широко раскрыл руки и крепко обнял Гярай бека. Фархад бек был готов расплакаться:

- Бог в помощь, брат, надо же ...

- Зря волнуешься. Может быть в другое место переводят, может в ссылку... - Прекратите лишние разговоры. Арестованный Векилов, возьмите вещи и на выход, - сказал надзиратель. Потом он косо посмотрел на Фархад бека и сказал:

- Вы за друга не беспокойтесь. Он идет в очень хорошее место.

Его многозначительное выражение насторожило Фархад бека:

- Куда он идет? - спросил он.

- А куда он может идти? Домой, дорогой, домой!

Не веря своим ушам, ругая про себя надзирателя, Фархад бек замер на месте. Свет в камере снова начал тускнеть...

Комендант тюрьмы, что на Шемахинской дороге, грел руки около печки печке и обратился к Гярай беку:

- Да, полковник Векилов, такие вот дела.

Показав на лежащую на столе бумагу с размером в ладонь, продолжил:

- Пожалуйста, пока ваша вина перед большевистской властью не доказана. Самый верный вам человек дал показания против вас, но «иттихадовцы» все отрицали.

- И вы человек военный. Вам должно быть известно, что профессиональные военные всегда стояли в стороне от политики. Это, вернее, армейское правило...

- Ого, Векилов, ты очень умный, мыслящий человек. Ви-

димо, не зря ты носишь бекский титул, - комендант подвинул к нему большую канцелярскую книгу: - распишись здесь, пока вы свободны, отпущены домой. После этого вы можете с гордостью сказать, что большевистская пуля вас миновала. Однако вы... - злобно посмотрев на Гярай - много пул выпустили по большевикам, много крови пролили, не так?

Гярай бек ничего не ответил...

Этот эпизод при первой встрече мне рассказала дочь Гярай бека Сона ханум. Она хорошо помнит снежную зимнюю ночь 1926 года, когда внезапно в дверях появился отец Гярай бек.

- Мать была в растерянности от неожиданного возвращения отца и все время спрашивала: «как это тебя отпустили?».

Отец же с радостью целовал, обнимал нас. Он спросил у старших братьев Беюк аги и Рустама, как идут уроки. А младшего Фарруха и меня он посадил на колени. В ту ночь свет в нашей квартире горел до утра. Вдруг отец сурово сказал матери:

- Все говоришь, как хорошо, что меня отпустили. А почему должны были держать? Разве я чем-то виноват? Свели меня в очной ставке с одним подлым родственником. Сколько он на меня клеветал, все бесполезно. Тогда этот низкий человек сказал, что ты, Гярай бек служил в белой гвардии. Я ответил ему, мусаватская армия не состояла из белогвардейцев. А если это не так, то получается, что и ты служил в белой гвардии. В мусаватской армии ты был прапорщиком, а я полковником. На мое счастье следовательно оказался совестливым. Он был астраханским татаринном. На одном из допросов он спросил у меня, где я был в 1924 году? «Работал в красном кадетском корпусе в Шеки, - ответил я. - В честь выпуска курсантов в составе делегации корпусе был на приеме у Нариманова в Москве 7 ноября 1924 года. У меня есть фотография этой встречи». Услышав это, следо-

ватель приободрился. Он сказал, что Нариманов лечил его в 1918 году, когда находился в Астрахани. «Он спас меня от смерти, вернул к жизни. Поэтому, я испытываю огромное уважение к Нариманову», - продолжил следователь.

Отец все время говорил, что причиной его освобождения стало отношение следователя к Нариманову. Поэтому, до конца жизни отец вспоминал Нариманова добрым словом.

- Сона ханум, в составе мусаватской армии ваш отец служил в Гяндже, Тертере. В 1920 году стал начальником Школы красных кадетов. А где вы жили в 1926 году, в момент ареста?

- В том году мы жили в Баку, в доме на десятом переулке улицы Чадровой (ныне М.Алиева – Ш.Н.). Я родилась 11 февраля 1920 года в Баку. Когда известие о моем рождении дошло до отца, он сказал, что его мать Сафия ханум появилась на свет во второй раз. Мать моя Ситара поняла намек и назвала меня Сафия. Не знаю почему, но впоследствии меня стали называть Сона. Однако отец никогда меня Соной не называл. Мать моя родом благородной семьи из Шеки. В то время ее семья жила в Тифлисе. Родители мои поженились в 1913 году. Дед по матери Мамед был известным купцом. Имел собственный особняк, магазины в Тифлисе. Мать моя была врачом, имела высшее образование.

- Сона ханум, вы упомянули Тифлис и я вспомнил о телеграмме, которая хранится в архиве. Ее поручик Гярай бек Векилов отправил 7 октября 1901 года Гаджи Зейналабдину Тагиеву в связи с открытием первой школы для девушек: «Отец поздравляет вас с открытием женской школы и желает успехов.»

- Когда вы сказали поручик, я вспомнила поговорку, которую отец часто с иронией приводил. Офицерам, действия которых ему не нравились, он говорил: «Если прапорщик станет офицером, то курица будет летать». В 1926 году, когда

отца арестовали, на него клеветал человек в звании прапорщик. Отец до последних лет жизни часто вспоминал генерала кавалерии Гусейн хана Нахичеванского. В боях за Порт-Артур отец воевал под его началом. Помню, он рассказывал, что в битве с японцами Гусейн хан приказал взять кинжал в зубы, саблю – в правую руку, а винтовку – в левую. «Вот так мы пошли в наступление, японцы оставили позиции, пустились в бегство. Не выпустив ни одной пули, мы овладели позицией».

* * *

Все три сына полковника Гярай бека Векилова были живы до последнего времени: Беюкага (1914-1995), Рустам (1916-1998), Фаррух (1921-1998). Автор этих строк встречался и беседовал с ними.

Беюкага был руководителем лаборатории Института геологии АН, кандидат геолого-минералогических наук, Рустам – заслуженный инженер, Фаррух – полковник юстиции и почетный работник прокуратуры.

В время одной из наших встреч в 1992 году Беюкага муаллим показал мне две редкие фотографии. Я видел их впервые и сделаны они были шестьдесят восемь лет назад – 7 ноября 1924 года – в Москве. На фотографии был запечатлен славный сын нашего народа Нариман Нариманов в окружении курсантов и офицеров Закавказской школы военной подготовки. Среди курсантов находится и Беюкага Векилов. Поэтому он подробно рассказал мне историю фотографии:

- В 1922 году по совету отца я поступил в Школу «Корпус красных кадетов». Тогда мне было восемь лет. В школу принимали детей в возрасте от семи до четырнадцати лет. Школа была интернациональной. Большинство составляли азербайджанцы. В 1923 году школу переименовали в Закавказскую пролетарскую военную школу, а через год она стала называться Школой военной подготовки.

Хорошо помню, учебный корпус школы размещался в здании, в котором ныне находится школа №1, а общежитие — в здании нынешнего дома офицеров. Обучение, политико-воспитательная работа и культурно-массовые мероприятия проводились в учебном корпусе. Эта была образцовая, нового типа школа в Закавказье. Школа была создана в октябре 1921 году по инициативе председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджана Наримана Нариманова. Поэтому школа всегда находилась в центре его внимания. На всю жизнь я запомнил прием у Нариманова. В то время я учился на первом курсе. Как заботливый отец он искренне беседовал с нами. Интересовался учебой, материальным положением, настроением. У каждого из нас подробно спросил, знаем ли мы во имя чего, каких целей мы поступили в школу? Мы уверенно, от души отвечали ему, что желаем стать командирами. Он радовался нашим ответам и говорил: «Мярхаба, дети мои, спасибо».

В 1924 году для участия в параде в Москве были отобраны сто двадцать шесть курсантов и офицеров нашей школы. Отправились в путь мы третьего ноября. До Ростова мы ехали в товарном поезде. Там нас пересадили в скорый поезд. В Москву прибыли утром седьмого ноября.

Я хорошо помню командиров, которые везли нас в Москву. Это командир курса Хагги Кенгерлинский, политрук Аллахкулу Мехтиев, начальник школы Гаджиага Ибрагимбейли, начальник учебной части, мой отец Гярай бек Векилов и другие. При прохождении по Красной площади мы еще громче закричали «Ура!», когда увидели на трибуне Наримана Нариманова. После официального прохождения наш батальон остановили у трибуны. Руководители государства спустилась к нам и приветствовали нас. Они искренне беседовали с такими как я 10-12 летними курсантами, некоторых брали на руки, целовали.

На следующий день в кремлевском клубе нас принял председатель ЦИК СССР Нариман Нариманов. Он долго разговаривал с нами. Мы видели как он радовался нам. Он сообщил, что дал поручение выделить каждому из нас по двадцать рублей из средств Совета Народных Комиссаров. Эти деньги давались на карманные расходы и на приобретение подарков родителям. Затем мы посетили Школу командирского состава, который располагался на территории Кремля. После этих встреч мы сфотографировались с Нариманом Наримановым, секретарем Президиума ЦИК Авелем Енукидзе у Царь-колокола.

Посмотрите, кто запечатлен на этом историческом фото. Многие тогдашние курсанты впоследствии стали известными учеными, военными начальниками. Полковник Али ага Бабаев, бывший президент АН республики Рустам Исмаилов, заслуженный деятель науки, доктор наук Мамедтаги Нагиев, начальник отдела Министерства нефтяной промышленности СССР Алиовсат Гараев, ученый-ирригатор Каррар Алиев, Герой Советского Союза Аслан Везиров, народный артист СССР, известный дирижер Ниязи, Чингиз Гаджибеков, академик Шафаят Мехтиев, заслуженный инженер Беюкага Мамедов, доктор наук Мамед Фарзалиев, сын известного нашего поэта М.А.Сабира, Мамедсалим Тахирли, профессор, доктор юридических наук Эйюб Аскеров, полковник Саттар Гаджиев, Фархад Агаев, ветеран войны Аскер Мирзоев, доктор физико-математических наук Камал Мамедов, командир батальона Гусейн Рагимов и другие. Большинство из них уже нет в живых. А эта редкая фотография осталась новому поколению в память о тех днях.

Сын Гярай бека, Рустам Векилов: - Отец всегда говорил, что до 1920 года провел славную жизнь. Однако он с горечью вспоминал боевой путь в период Мусавата. Хорошо помню, в тридцатые годы часто к нам навещался Самед

Вургун. Их беседы длились далеко за полночь. Иногда, когда разгорался спор и они повышали голос, мать моя Ситара, шутя говорила:

- У этих классовых врагов беседа никак не закончится.

Помню и то, что когда однажды я подносил чай, услышал, как отец рассказывал о встрече с Нариманом Наримановым в Москве в 1924 году. Я испуганно сообщил об этом матери. Мать встревожено сказала:

- Кровь затмила ему глаза, влипнем опять в какое-то дело.

Дело в том, что в время личность Наримана Нариманова была несправедливо очернена. Его соратники подвергались арестам.

После увольнения из армии в 1924 году, Гярай бек до конца своей жизни работал в Министерстве финансов республики. Скончался 4 марта 1952 года в Баку. Мать выдающегося нашего певца Рашида Бехбудова, просветитель Фируза ханум Векилова (1889-1933) была сестрой полковника Гярай бека Векилова.

Из воспоминаний покойного публициста Азада Шарифа:

С Рустамом я познакомился в 70 годы в кабинете моего друга Акрама Шекинского, с которым мы в студунческие годы увлекались альпинизмом, в те годы, он был начальником Главного управления по геологии. А Рустам был его Первым заместителем и главным геологом управления. Акрам рассказал мне, что Рустам, вернувшийся в Баку после окончания нефтяной академии, имея, огромный практический опыт в геологической разведке, активно взялся за осуществление детальной разведки полезных ископаемых с утверждением крупных месторождений.

При следующей встрече, Акрам сказал мне, что Р.Векилов интереснейший объект для журналиста, имеет большие заслуги перед страной, 13 лет работал на Крайнем Севере, в

качестве руководителя геологоразведочной экспедиции. Но пока на эту тему не любит рассказывать, дал подписку о неразглашении содержания своей работы. Журналистским расследованием, которое я провел, было выявлено, что Рустам Векилов до 1939 года был младшим научным сотрудником Азербайджанского филиала Академии Наук СССР. В июне 1940 года 24-х летнего молодого геолога, даже не члена партии к удивлению всех, назначают заведующим секретной частью АЗФАНА, но не на долго. А дальше происходит то, о чем многое до сих пор неизвестно, не только друзьям, но и родственникам. В ноябре 1940 года Р.Векилова вызывают в Москву и решением Орг ЦК ВКПБ, направляют на работу в систему НКВД СССР, а потому он выезжает в Коми АССР, в город Ухту, на комбинат, где отбывали сроки политические заключенные. Судя по автобиографии, написанной собственноручно, здесь он безвыездно проработал 13 лет, до сентября 1953 года. До апреля 1942 года он был геологом-петрографом Центральной научно-исследовательской лаборатории комбината. Затем был назначен руководителем этой лаборатории.

Еще до войны известные советские русские академики Л.Карпинский и В.Вернадский прогнозировали о наличии урановой руды в районе рек Печора и Колымы. В 1925 году был организован Всесоюзный трест по редким металлам. А в 1928 году И.Башиловым была создана технология извлечения радиоактивного сырья. С этой целью было решено в 1934 году построить такой завод в Ухте, что потребовало дешевой рабочей силы для массовых производственных работ. Для этого в этих местах были созданы исправительно-трудовые лагеря для заключенных, системы ГУЛАГ. И вот весной 1946 года экспедиция наконец достигает своей цели - было найдено первое богатое месторождение советского урана. Правительственное задание было выполнено.

Дальше, чтобы не привлекать внимание, необходимо было вывезти найденную партию руды в Ухту. С этой целью во все государственные и военные организации была направлена директива об оказании помощи для срочного вывоза важного груза в Ухту.

В 1949 году Р.Векилов назначается начальником первого специального геологического отделения Управления Ухткомбината. потом начальником управления № 36 МВД СССР. Заканчивая свою 13-ти летнюю трудную, но в важную деятельность, в условиях Крайнего Севера и жесткого лагерного режима, Р.Векилова назначили начальником геологоразведочного отделения.

Рассказывают, что во время первой Северо-Таманской экспедиции, которая продолжалась 13 месяцев, геологи разбили свой лагерь около небольшой деревни, откуда набирали рабочих. Так вот, эту деревушку потом долгие годы называли «Рустамкой», т.е. место, где стоял лагерь Рустама Векилова.

Штабс-капитан Насиб ага Асад ага оглы Векилов родился в Казахе в 1899 году. Окончил азербайджанское отделение семинарии в Гори. Военное образование получил в Школе прапорщиков в Гяндже в 1919 году. За службу в армии правительства Мусават подвергся ссылке в Магадан и Норильск (1940-1955 годы). Восьмого мая 1954 года написал письмо родственнику, народному поэту Самеду Вургуну, в котором просил помощи в возвращении на родину. Поэт оказывал материальную помощь семье безвинно арестованного двоюродного брата. Кстати, отметим и то, что в тридцатые годы был репрессирован не один представитель рода Векиловых. Самеду Вургуну удалось добиться освобождения от ареста только одного из них – народного учителя Теймур бека Векилова. Насиб ага Векилов писал из Норильска:

«Уважаемый и дорогой Самед!

Ты, наверное, удивишься, когда получишь мое письмо

после шестнадцатилетнего расставания. Никому из родственников писем я не писал, чтобы их не тревожить. Я боялся навредить им. Сейчас можно сказать, что я хоть наполовину, но свободный гражданин. Поэтому решил написать письмо, отважился напомнить о себе. Это письмо тебе доставит возвращающийся из Норильска домой наш общий знакомый Али Сабри¹.

Али Сабри расскажет обо мне. Прошу, если тебе не будет трудно и, если можно, ради детей помощи, насколько сможешь, моему возвращению на Родину.

Я очень состарился, последние годы жизни хочу провести рядом с детьми, в родном краю. Мне кажется, что ты не отклонишь мою просьбу, потому, что ныне не те времена. Здесь многие возвращаются домой по ходатайству родственников и знакомых. Передай сердечный привет Мехдихану и Хавер ханум. Целую тебя, Мехдихана, Юсифа и Вагифа. Желаю счастья и спокойствия. С уважением Насиб ага.»

Насиб ага Векилов вернулся на родину в 1955 году и скончался в Баку в 1963 году. Он был сыном полковника Асад бека Векилова.

* * *

Четырнадцатого февраля 1919 года прапорщик **Лютвели бек Векилов** написал командиру Азербайджанского кавалерийского полка рапорт следующего содержания:

«Довожу до Вашего сведения, что восемнадцатого июня 1918 года полковник Четвертого Борчалинского полка Туганов представил документ о награждении меня в соответствии с приказом номер одна тысяча пять всеми четырьмя степенями ордена Креста Святого Георгия за боевые заслуги в годы мировой войны и на этом основании Первый Моздокский горно-казацкий полк выдал мне аттестат за но-

¹Али Сабри (1892-1983), прозаик, переводчик

мером одна тысяча сто сорок шесть. В этих боях я четыре раза был ранен и контужен. Все это указано в личном деле, которое я вам направил.»

На оборотной стороне листа есть отметка, сделанная прапорщиком Лютвели бек Векиловым: «Свидетелем моего героизма на фронте и поощрения является ротмистр Чаевский. В настоящее время он служит в Главном штабе Военного министерства в качестве старшего офицера.»

Возможно, это свидетельство прапорщика Лютвели Векилова современный читатель воспримет как обыкновенное заявление. Однако не следует забывать, что в то время таких высоких наград офицеры удостоивались в очень редких случаях. На пальцах можно сосчитать наших соотечественников, которые за доблесть и героизм награждены всеми степенями ордена Креста Святого Георгия – ротмистр Теймур бек Новрузов (2 августа 1919 года получил звание генерал-майор – Ш.Н.), прапорщик Саяд бек Зейналов, поручик Осман ага Гюльмамедов.

На сто сорок первой странице хранится представление Главному штабу соратника Лютвели бека – Чаевского. Он пишет, что с первых дней мировой войны до сентября 1918 года участвовал в боях вместе с прапорщиком Четвертого Борчалинского кавалерийского полка Лютвели беком Векиловым. Он был свидетелем отваги и героизма. Подтверждает проявление им храбрости в боях с дашнаками в Казахе, Лорийском ущелье, Борчалы, с большевиками в Баку, Гараязы и Шамхоре. Считает вполне закономерным присвоение очередного звания отважному офицеру. Резолюцию на документе поставили два генерала: начальник кавалерийской дивизии генерал-майор принц Амир Кязым Каджар и начальник штаба генерал Захар Амашукели.

К сожалению, на этом месте след документов теряется. Остается неясным получил ли очередное звание прапорщик

Лютвели бек Аббаскулу бек оглы Векилов или нет?

Младший брат полковника Гярай бека Векилова – прапорщик Лютвели бек был арестован Главным Политическим Управлением Закавказья 2 февраля 1932 года как антисоветски настроенный офицер и сослан на пять лет. Как и в случае со многими тысячами азербайджанских офицеров, осталось тайной в каком военном лагере провел последние годы жизни сорокадвухлетний Лютвели бек.

Подпоручик Садыг Аскер оглы Векилов родился в 1895 году в селе Салахлы Казахского уезда. При АДР служил младшим офицером в Третьем Гянджинском пехотном полку. Окончил азербайджанское отделение Закавказской семинарии в Гори и школу прапорщиков в Гяндже в 1918 году.

Капитан Национальной армии Азербайджана **Бахадур бек Ибрагим ага оглы Векилов** также принадлежит к этому знатному роду. Родился он 24 марта 1889 года в аристократической семье в Казахе. Начальное образование получил в Первой мужской гимназии в Тифлисе. 15 мая 1918 года добровольно вступил в формируемый Мусульманский корпус. С первого сентября служил в пехотных частях младшим юнкером, старшим юнкером, а 18 ноября окончил первой степенью Школу прапорщиков в Гяндже. За отличную учебу был оставлен в Школе в качестве командира роты. В характеристике, выданной молодому офицеру Бахадур беку начальником Школы полковником Ширин беком Кесаманским говорится, что тот обладает отличным поведением и высокими нравственными качествами. Ему можно доверить подготовку офицеров. Политически подготовлен. 22 марта военный министр, полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров направил начальнику Школы прапорщиков в Гяндже приказ следующего содержания:

«Присвоить в канун глубокопочитаемого праздника Новруз звание прапорщик более пятидесяти выпускникам

Школы прапорщиков в Гяндже. Направить их для прохождения службы в Первую Азербайджанскую кавалерийскую дивизию, в Третий Гянджинский кавалерийский полк, дивизион легкой артиллерии Отдельного Закатальского батальона. В связи с праздником за успешное завершение учебы в Гянджинской школе прапорщиков выдать денежную премию подпрапорщику Исрафил ага Шихлинскому, Бахадур бек Векилову, Муса беку Шамшаддинскому, Гашим беку Султанову, Гамиду Мустафаеву, Махмуд Мустафаеву, Али Ага оглы Шихлинскому и Сулейман хану Султанов-Илисуйскому.»

В марте того же года умелый офицер Бахадур бек Векилов командировается на Юго-Восточный фронт, в состав Третьего Гянджинского кавалерийского полка. Он назначается командиром военного отряда в Ордубадском районе. В рапорте командующего Нахичеванским и Шярурскими уездами ротмистра Кялбалы хана Нахичеванского от 9 мая 1919 года, направленном начальнику Главного штаба, сообщается о героизме, который прапорщик Бахадур бек Векилов проявил в боях с бандитскими отрядами Персии и дашнакского генерала Андроника. Он пишет: «Напавший 17 марта на село Яйчы бандитский отряд из Персии угнал принадлежащий местному населению две сто семьдесят пять голов крупного рогатого скота. По моему приказу прапорщик Векилов с тридцатью кавалеристами помчался за ними и настиг бандитов у берега Араз. После тяжелого боя скот был отбит, а пятнадцать трупов бандитов остались на берегу Араза.

26 марта на село Парага напали армяне, которые угнали две сто голов крупного рогатого скота и убили семерых крестьян-мусульман. На следующий день армянское село было окружено кавалеристами во главе прапорщиком Векиловым, который потребовал возвращения украденного скота и выдачи преступников для наказания. Однако армяне

ответили стрельбой. После боя, который продолжался три часа, армяне вернули скот и выдали преступников. После боя выяснилось, что ранения получили трое бойцов прапорщика Векилова.

10 апреля, после переговоров с англичанами «герой» армян Андроник прибыл из Гориса в село Карчеван, который находится в 25 километрах Ордубада. С целью оккупации отдельных сел Ордубада армянская регулярная часть напала на село Нюснюс. В результате успешной боевой операции прапорщика Векилова село Нюснюс было очищено от армян. И другие мусульманские села были спасены от наступления армян. 15 апреля армянская регулярная часть вновь перешла в наступление и остановилась в восьми верстах Ордубада. Несмотря на нападение крупными силами, в течение пятичасового непрерывного упорного боя большая часть вражеских сил была уничтожена, остальные же пустились в бегство. В этом бою погибли семь солдат прапорщика Векилова Бахадура, а двенадцать получили ранения.

После всего указанного прошу вас за умелое командование в ходе боев и проявленное героизм присвоить Бахадур беку звание подпоручик.»

Однако в Центральном Государственном Архиве каких-либо документов о храбром капитане Бахадур бек Ибрагим ага оглы Векилове обнаружить не удалось. Но в архиве Министерства национальной безопасности есть очень тонкая папка под номером 21392, посвященная Бахадур беку Векилову. Он был арестован 25 июня 1920 года. Следствие вели следователи Акопджанов и Левитский. Вопросы и ответы кратки. В графе «характер преступления» листа ареста читаем: «Был офицером и командиром роты мусаватской армии. Подлежит расстрелу!».

Волей-неволей задаешься вопросом: с каких пор служба в Национальной армии считается преступлением? А вот ре-

зволюция начальника особого отдела XI армии, палача Семена Панкратова: «Расстрелять, приговор подлежит немедленному исполнению. 3 июля 1920 года». Вот таким образом была прервана жизнь двадцати одного летнего мужественного капитана Бахадур бека Векилова, который бесстрашно защищал родину от врагов.

СТРАНИЦЫ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

*Гаражазы,
Кур гырагы Гаражазы,
Өмрә чох да бел баглама
Бир дә көрдүн гара жазы.
Ел бајатысы*

Он встретил меня без настроения и даже нехотя. Сначала я не понял в чем причина безразличия - мой приход расстроил старика или он болен? Ради приличия он сказал: «садитесь». По одежде, убранству квартиры можно было сделать вывод об аккуратности одинокого старика. Сначала он снял очки, затем закрыл и отложил в сторону книгу, которая лежала на коленях. Открыл широкий ящик большого шкафа и, тяжело вздыхая, раскрыл сверток. Взяв маленькую фотографию, повернул на свет. «Посмотрите, - сказал он. Это мой отец». При слове «отец» голос его задрожал. Он отвернулся в сторону.

Я посмотрел на фотографию. С нее на меня смотрел молодой, очень красивый офицер. Снимок был сделан в конце девятнадцатого века.

- Фарис бек, - сказал я, - а документы? Что можно сделать с одной лишь фотографией? Если можно, поищите и документы, вместе посмотрим, здесь же, при вас... Не заберу их никуда.

Он с неохотой повернулся назад и тяжелыми шагами вновь подошел к шкафу. Долго повозился. Книгу, которую читал не-

задолго до этого, перекалывал из стороны в сторону, раскрывал тетрадь, нервничал, ничего там не находя...

Терпению моему приходил конец, его состояние переходило ко мне. Наконец, извлек из шкафа толстую папку и протянул ее мне:

- Зачем тебе, молодой человек, документы моего отца?

- Фарис бек, ваш отец был первым генералом нашего народа в области военной топографии. Хочу выступить статьей о нем в газете, журнале. Пусть молодое поколение узнает о жизнедеятельности такой выдающейся личности.

- Мой отец давно забыт, - с обидой сказал он и помахал руками. После небольшой паузы добавил: - Может быть, это к лучшему. Кому интересен мусаватский генерал?..

Только теперь я понял, почему с неохотой встретил меня старик.

- В одно время я сам пытался рассказать о нем, хотел, чтобы и его имя называлось в ряду генералов. И он ведь старался ради Азербайджана, ради своего народа, воевал на фронтах, дни-ночи проводил на топографических съемках. Еще в 1883 году в составе русско-иранской комиссии отец участвовал в работах по уточнению границы от Каспийского моря до Афганистана. За досрочное выполнение такой серьезной работы он удостоился высокой награды Персии «Шире-Хоршид». Он разработал топографические карты Крыма, Дагестана и всего Кавказа. В 1892 году отец был командирован в Турцию. Здесь он руководил топографическими работами на русско-турецкой границе. Под руководством отца были выполнены топографические снимки городов Южного Азербайджана - Тебриза, Хоя, Урмии и других. Все приходящие брали у меня документ, фотографию, а потом исчезали и больше не появлялись. Они ни статьи не писали, ни фотографии не возвращали. Не остались у меня их адреса, номера телефонов.

- Я буду здесь смотреть, ничего отсюда не унесу. И заметки буду делать здесь, при вас...

- Хорошо, открой папку, давай посмотрим что там сохранилось. Но вначале скажи, откуда ты узнал про моего отца?

- Вышла книга «Мои воспоминания» одного маршала. В ней даны подробные сведения об участии вашего отца, полковника Ибрагим ага Векилова в операциях в Сардарабаде, Верхнем Абаране. Его отвагу на должности начальника штаба маршал ставит в пример всему личному составу армии.

По лицу заметил, что этот факт обнародовал старика - сам развязал узелок на папке.

... Вот так весной 1978 года я познакомился с Фарис беком Ибрагим ага оглы Векиловым. После статьи в журнале «Азербайджан» я снова встретился с ним. Фарис бек взял журнал в руки, перевернул страницы с статьей об отце. Мы сели рядом на диване.

- Прочитай,- сказал, - посмотри, что ты написал?

Не дойдя до середины текста, еще раз спросил о названии.

«Удивительная судьба», - ответил я и посмотрел на него. Его умные, широкие глаза стали влажными. Я остановился.

- Больше не надо читать, сам дочитаю, - сказал он и холодной, как лед рукой взял меня за запястье, - спасибо тебе, что напомнил об отце...

* * *

Всю обратную дорогу я думал об одиноком старике. «Черных страниц в моей долгой жизни больше, чем светлых». Нет, не с проста он сказал эти слова. Знакомясь позже с его жизненной историей, я поразился – как он перенес эти трудности? Странно, несмотря на все перенесенные невзгоды, лишения его память была очень крепка.

Восемнадцать лет своей жизни Фарис бек провел за пре-

делами Азербайджана, в ссылке в Сибири и Караганде. Выдержал испытания революциями, войнами. Почему? Потому, что цель жизни была правильной, убеждения были чистыми. Независимо от ситуации, местонахождения, в душе у него горела одна свеча. Называлась эта свеча Азербайджан.

Когда грянула Первая мировая война студент пятого курса Петербургского Технологического Института Фарис бек Векилов был мобилизован на защиту артиллерийской мастерской Путиловского завода. Добросовестная работа поднимала молодого инженера по ступенькам вверх. В 1916 году с хорошей характеристикой был назначен на должность главного инженера известного завода «Феникс» в Петрограде. Через год, во время октябрьской бури, предприятие остановилось. Фарис бек вернулся в Тифлис, к своей семье. Вместе с большевиком Алигейдаром Караевым он занимается общественно-политической работой. Познакомились они в Петербурге, в «Обществе Азербайджанских Соотечественников».

В 1918-1920 годы Фарис бек был полномочным представителем Азербайджанской Республики при правительстве Грузии.

Спасаясь от преследований после апрельской оккупации Азербайджана, уехал во Францию. Стал работать конструктором на заводе «Рено». Пять лет работал Фарис бек Векилов в Париже, встречался с находящимся в эмиграции ученым-востоковедом, генерал-майором Мамедсадыг беком Агабейзаде, повышал уровень технических знаний. Однако грусть по Родине, любовь к отцу заставили его вернуться в Азербайджан.

«Я был уверен, что нахожусь в Париже временно. Часто поддерживал связь с отцом, который остался в Азербайджане. В 1925 году отец написал, что хорошо знавший меня с Петербурга первый секретарь центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Алигейдар Караев предлагает мне вернуться на Родину и принять участие в вос-

становлении разрушенного во время событий хозяйства. Я с удовольствием принял предложение. Получив в советском консульстве соответствующие документы, я в феврале 1926 года вместе с супругой вернулся в Баку.

Алигейдар Караев очень тепло принял меня. Помог в получении квартиры и направил на работу в завод имени лейтенанта Шмидта».

...Вечером сосед позвонил мне и сказал, что Фарис бек хочет видеть тебя. Если можно, зайди.

Выйдя с работы несколько раньше обычного, я приехал к нему. Мы встретились как многолетние друзья, я бы сказал, как родственники.

- Теперь у меня к тебе дело есть,- сказал он.- Ты знаешь, что дядя отца по матери Ибрагим ага Усубов тоже был генералом? И о нем надо бы написать.

В тот день он показал мне немало документов, фотографий. Щедрости Фарис бека не было предела. На одной из фотографий, подаренных мне Фарис беком, сделанной в 1901 году в Карсе, Ибрагим ага Векилов изображен во время топографических съемок. Оригиналы обеих фотографий хранятся у меня. Он повел разговор о письме, которое его мать Елена Ефимовна Векилова написала великому русскому писателю Льву Толстому 2 марта 1909 года. В письме она просит совета о возможности принятия детьми исламской веры.

Дедушка Фарис дал мне фотокопию этого письма и собственноручно написанные воспоминания с автографом.

- Сынок, - обратился он ко мне, - моя жизнь на исходе, а твоя только начинается. Оставь это у себя. Однако иногда навещай меня, одинокого старика, я дам тебе немало нужных тебе материалов...

БЕСЕДА - РАНА НА СЕРДЦЕ

Наше дело святое, справедливое, оно не завершится нашей гибелью. Много нашей крови будет пролито на пути к победе – великие идеи побеждают лишь при проявлении самоотверженности, принесенными жертвами. Умирая, мы оставляем будущему поколению обгаженный нашей красной кровью знамя свободы и равенства.

С п а р т а к

После исследования удивительной жизни топографа генерала Ибрагим ага Векилова и публикации статей мое знакомство с девяното двух летним Фарис беком переросло в дружбу. После несколько бесед старик доверился мне, поведал о своем жизненном пути, рассказал о генерал-майоре Ибрагим ага Усубове. При каждой встрече он с болью в сердце рассказывал мне о незаконном аресте, о тяготах и лишениях, выпавших на его долю в период восемнадцати летней ссылки в Сибири, а затем в Караганде, о событиях, один ужаснее другого.

Я знал, что младший брат Фарис бека, полковник Галиб бек Векилов внес большой вклад в формирование национальной армии в 1918 году. Его арестовали в 1937 году. Иногда я задавал Фарис беку вопросы о брате. Однако он каждый раз уходил от ответа, менял тему разговора. Видно было, что он не хочет рассказывать о брате. Поэтому я не настаивал на ответе. Однажды я повел разговор о Чингизе Ильдрыме. Я знал о его дружбе с Галиб беком. Старик вынужден был мимоходом рассказать одну историю. Я не отстал и спросил: «Почему арестовали Галиб бека?». Старик с грустью посмотрел на меня и надолго умолк. В этот момент ударили старинные часы на стене. Мы одновременно посмотрели на часы - стрелки показывали одиннадцать. Сего-

дня наша беседа с Фарис беком затянулась. Он действительно сильно устал. Когда я хотел встать, чтобы уйти, он взял меня за руки:

- Сегодня я сильно устал, - сказал он. - Разговор о брате оставим на потом. Его трагедия страшна. Эта беседа - рана на моем сердце, которую ношу многие годы.

Он сказал:

- Не обижайся, в следующую субботу-воскресенье поговорим...

К сожалению, Фарис бек не дожил до воскресного дня...

Впоследствии я несколько раз встречался с дочерью Галиб бека Фатима ханум. Доктор педагогических наук, профессор, она работала в Институте русского языка и литературы имени М.Ф.Ахундова. Я иногда, когда делал копии с редких фотографий генерала Али аги Шихлинского, готовил передачу о дедушке, генерале Ибрагим аге Векилове, спрашивал про отца у Лейла ханум. Как дядя Фарис бек, она была немногословна и почему-то обходила эту тему.

«... Сегодня все это выглядит странным, однако порою и дети репрессированных в те годы считали своих родителей виновными и открыто от них отворачивались. С чем это было связано? Страхом или беспокойством за свою жизнь? Этого нельзя исключить. Однако главная причина кроилась в слепой, фанатичной вере власти». Эти строки профессора Николая Трушенко я прочитал в журнале «Смена» (1988, №9) и сразу вспомнил Лейла ханум. Словно в этих строках я обнаружил причину ее молчания. Так мне казалось. Однако когда она начала говорить об отце, я заметил, что Лейла ханум чуждо чувство страха. Не шутка, пятьдесят лет запрещалось говорить, писать о родном отце. Она никогда не отрекалась от отца - «врага народа», не преклонялась перед личностью «отца народов» Сталина, палача М.Дж.Багирова. Как и другие пятьдесят одна тысяча оби-

женных семей «врагов народа», она переживала тихо, в глубине души. Возможно, она и представляла, что настанет время гласности, демократии и обо все можно будет говорить открыто, все подозрения, сомнения будут стерты с души, справедливость восторжествует.

- К сожалению, отца я видела меньше, чем дедушку Ибрагима агу, - начала беседу Лейла ханум. - При первом аресте отца мне было шесть лет. Во второй раз - тринадцать лет. Поэтому, больше всего об отце я помню из рассказов матери.

- Когда арестовали отца, дедушка генерал Ибрагим ага Векилов о нем ничего вам не рассказывал?

- Нет. Дедушка никогда не говорил об аресте безвинного сына. Потом мне стало известно, что дедушка сильно переживал арест сына, но не показывал этого. Он не был в силах рассказать мне о заслугах отца, трудившегося во благо народа, Родины, поведать о его невиновности. После ареста отца дедушка сильно изменился. Он был словно птица без крыльев.

В семье генерала росли трое детей - два мальчика и девочка. Младший сын Глеб решил идти по стопам отца. В 1910 году юнкер Глеб Векилов окончил Алексеевское военно-техническое училище и приступил к службе. В годы мировой войны он воевал на Восточном фронте в составе инженерного полка. За храбрость, проявленное в боях за деревню Молодечный Галиб бек Векилов был награжден орденом Креста Святого Георгия второй степени. Ему как военно-техническому специалисту вменялось в обязанность укрепление паромов и переходов, установление противопехотных и противотанковых мин.

Все фотографии, которые Лейла ханум разложила на столе, относятся к дореволюционному периоду. Есть среди них и тонкая книжка. Эта книга «Литература татаров Азербайджана» известного литературоведа Фирудин бека Ко-

чарли. Автор надписал ее и подарил бабушке Лейла ханум 22 октября 1903 года: *«Уважаемому Ибрагим аге Векилову в знак большой любви от Фирудин бека Кочарли. Город Гори»*.

Наибольший интерес представляют две фотографии. Относятся они 1915 году и никогда не публиковались. Генерал-лейтенант Али ага Шихлинский с супругой Нигяр ханум находятся в кругу офицеров и медицинских сестер.

- Рядом с Нигяр ханум сидит моя мама Александра Ивановна Векилова. Она в годы войны служила вместе с отцом Галиб беком в действующей армии. Она была в звании лейтенант. Она, как Нигяр ханум, работала в полевом госпитале. Октябрьская революция застала их в окрестностях Минска. После трех месяцев службы на должности командира, для продолжения службы командование направило отца в Баку. Он был назначен начальником отдела военных инженеров формируемой национальной армии. В звании подполковник он служил в армии до падения АДР. Затем отец служил в XI Красной армии. Он был начальником инженерных войск в городе Энзели. Мама и здесь находилась рядом с отцом. Отец тяжело заболел, его схватила мальтийская лихорадка. Несмотря на болезнь, в 1922 году он вновь начал работать на должности начальника Главного военно-инженерного отдела Азербайджана. Затем он был директором военно-промышленного комитета Военно-Революционного Совета Закавказской Красной армии. На этой должности он находился пять лет.

- Лейла ханум, когда был арестован ваш отец?

- В первый это произошло в 1931 году. Как осужденный, он работал на строительстве Беломор-Балтийского канала. В 1933 году он вышел на свободу. Постаревший, болезненный, поседевший отец стал угрюмым. Лишь однажды он рассказал мне о своем аресте: «Кто и что тебе говорят обо

мне, не знаю. Запомни только одно: ни перед Родиной, ни перед народом, ни перед тобой, ни перед твоей матерью, ни перед кем я не виновен».

После возвращения в Баку отец работал заместителем директора треста бытового строительства. Помню, он часто болел. Лечился в больнице имени Семашко, больнице железнодорожников, в больнице на Баилово. Ему сделали операцию. Мы с мамой навещали его. Через некоторое время ему стало лучше. Жили мы неплохо. Отец сменил место работы. Теперь он работал в поселке Банка на Куре. Оказывается, худшее было впереди. Наступил тридцать седьмой год. Он поглотил отца, как и многих других светлых, честных интеллигентов того времени...

В 1956 году я получила два оправдательных письма о безвинном уничтожении отца. Один за 1931 год, другой – за 1937 год. В последнем было написано, что полковник Галиб Векилов погиб 19 марта 1937 года. А мы с матерью с 1937 года по 1956 год искали его по тюрьмам.

На столе Лейла ханум находится еще одна историческая фотография. На ней изображены шесть человек. Они вернулись с охоты, пообедали, а теперь отдыхают. Один из них – известный советский полководец Михаил Фрунзе глубоко задумался. О чем-то думают стоящие справа от него Алигейдар Гараев и Галиб бек Векилов. Лишь командир дивизии Мамед Вейсов продолжает есть. Держа в руках нож и вилку, он что-то режет в тарелке. Личности двух других человек неизвестны. Лейла ханум говорит, что этот снимок сделан во второй приезд Фрунзе в Азербайджан зимой 1925 году на территории Хачмасского района, в бывшем особняке Неручева (затем совхоз №1).

Не прошло шести месяцев, как внезапно скончался один из них – М.Фрунзе. Алигейдар Гараев, Галиб бек Векилов стали жертвами тридцать седьмого года. Мамед Вейсов был

осужден на девять лет и вернулся на родину. Умер он в 1957 году.

- Лейла ханум, помните кого-либо из друзей отца?

- Я была еще маленькой, помню, что часто у нас бывали Фрунзе, Али ага Шихлинский, Серго Орджоникидзе и чаще других Чингиз Ильдырым. Чингиза Ильдырыма я называла «дядя Чи». Семьи у него не было. Большую часть времени он проводил с отцом у нас. «Дядя Чи» относился к детям с особой теплотой и уважением. Помню его полуфантастические рассказы. Он говорил, что как-то он на ходу прыгнул в поезд, оттуда зацепился за летящий самолет и полетел. При этом он то, как я, изумлялся, то от души смеялся. Помню, он рассказывал, что однажды во время охоты в Ленкорани внезапно перед появился мой отец, а он принял его за кабана и чуть было не выстрелил в него. В каждый приход «дядя Чи» приносил мне детские цветные книжки. Однажды он принес вырезанную из дерева фигуру кабана. На лапах был автограф. Эту фигуру храню по сей день. Вот она. На письменном столе отца стояла фотография «дядя Чи», которую он сделал после получения ордена Красного знамени. И на ней был автограф.

Внезапно «дядя Чи» исчез, некоторое время он у нас не появлялся. Когда я спрашивала об этом отца, он молчал. Мой вопрос оставался без ответа. Намного позже я поняла, что страшные руки черных тех лет и его схватили за ворот. Чтобы спастись от М.Дж.Багирова, Чингиз Ильдырым сначала уезжает в Магнитогорск, а в 1934 году - в Кривой Рог. Однако палач Багиров и здесь находит и расстреливает его.

Лейла ханум берет фотографию со стола и грустно говорит:

- Эта фотография случайно сохранилась у нас. Когда отца арестовали, то его книги, личное оружие, документы были

конфискованы. Фотография «дядя Чи» оказалась в совсем ненужной книге. Отец ожидал ареста Чингиза Ильдырыма. А когда узнал об аресте, то сказал мне, что теперь его черед. Видимо, отец специально положил фотографию «дядя Чи» в ненужную книгу, чтобы она не попала в не те руки. После оправдания Чингиза Ильдырыма эта фотография, можно сказать, единственная память о нем. Наши музеи сделали копии с фотографии, бюст перед Политехническим институтом был сделан на основании этой фотографии.

Мать Герая бека Векилова София ханум

Генералы - сыны династии Каджар

В Азербайджане есть немало династий, семейств, которые известны своими выдающимися личностями - врачами, инженерами, деятелями науки, искусства. Особое место в этом ряду занимают военные.

В период существования Российской Империи и Азербайджанской Демократической Республики из рода Кенгеров из Нахчывана вышли пять, из рода Бакихановых - три, Ядигаровых - четыре, Джаваншировых - четыре, Талышхановых - пять, Шихлинских - два, Новрузовых - три, Каджаров - восемь генералов.

Исторические источники позволяют сегодня с гордостью поведать о славных сынах рода Каджаров. Они, как и представители некоторых других Огузских родов, сыграли важную роль в истории Ближнего и Среднего Востока. Мощью рода Каджаров были заложены основы азербайджанского Сефевидского государства. Полководцы этого рода управляли бейлярбекствами Карабаха и Гянджи. Семь сынов из династии Каджар были шахами Персии в период с 1796 по 1925 год: Ага Мухаммед шах (1796-1797), Фатали шах (1797-1834), Мухаммед шах (1843-1848), Насреддин шах (1848-1896), Музаффараддин шах (1896-1907), Мухаммедали шах (1907-1909) и Ахмед шах (1909-1925). Это была последняя тюркско-азербайджанская династия, правившая Ираном.

С 1804 года героически боролись против оккупационной армии России представители рода Каджаров - полководец принц Гасан хан из Эривани, Джавад хан из Гянджи.

Видный историк Аббас Кулу ага Бакиханов писал: «Каджары - это племя джалаидских тюрок из числа тех 200 тысяч семейств, которые были переселены Хулагу Ханом (внуком Чингиз Хана) в Персию. В «Маасири султанйе», рассказывающем об истории Каджаров, говорится: «Сартак - один

из влиятельных лиц этого племени, был наставником Аргулу Хана и правителем Хорасана и Табаристана. Он имел сына по имени Каджар, от которого и пошло это племя. Часть Каджаров некогда переселилась в Анатолию и Сирию. Эмир Теймур (Тамерлан) переселил 50 тысяч семейств Каджаров в Кавказский край и поселил их в Эриване, Гяндже и Карабахе, где они в течение времени еще более умножились. Это от них произошли Эриванские и Ганджинские ханы, из которых последние, по имени Зияд-оглы, раньше были владельцами земель от Худаферинского моста до деревни Шулавер, что выше Красного моста в Грузии».

Выдающийся представитель Каджаров принц Абдулсамед Бахман Мирза Аббас Мирза оглы (1811-1883) был больше известен нашему народу как ученый - историк. Он является автором таких произведений как «Шукурнамеи-Шахиншахи», «Летопись-Магомедшахи», «Краткий истоико-географический и этнографический справочник». Он был отцом многочисленного семейства. От 16 законных браков принц Бахман Мирза имел 63 детей - 31 сыновей и 32 дочерей. Всем своим потомкам он дал высшее образование, вырастил для нашего народа достойных личностей. Восемь сыновей его из тридцати одного: Рзакулу Мирза, Амир Кязым Мирза, Аманулла Мирза, Фейзулла Мирза, Мухаммед Мирза, Махмуд Мирза, Абдулсамед Мирза и Шафихан Мирза Каджары носили позолоченные генеральские эполеты.

Генерал принц Амир Кязым Мирза Каджар
(1853 – 1920)

*Много есть у истории горьких вестей;
Сколько было убито наших людей!*

**Самед Вургун,
народный поэт**

Из тридцати одного сына принца Бахман Мирзы восемнадцать состояли на военной службе. Каковой же была послесоветская судьба этих незаурядных личностей, сумевших пережить установление Советской власти?

В архивах сохранились документы о службе пятнадцати Каджаров в армии Азербайджанской Демократической Республики. В 1918 г. полковник Хосров Мирза Каджар был командиром Первого кавалерийского полка. Полковник Сейфулла Мирза Каджар был начальником Интендантской службы Главного Штаба. Рапорт, написанный генералом Амир Кязым Мирзой Каджаром на имя военного министра Самед бека Мехмандарова, хранится в Центральном государственном архиве новой истории Азербайджана. Документ от первого декабря 1918 года выдержан в глубоко патристическом духе, в нем содержатся не раскрытые до сих пор страницы жизненного пути Амир Кязым Мирзы Каджара.

«Его величеству, господину военному министру.

Уважаемый господин Самед бек, к сожалению, прибыв в Баку, я не смог сообщить Вашему величеству свою просьбу. Причиной этому было переезд Военного Министерства в Гянджу.

Очень сожалею, что не смог с Вами встретиться. Прибыв в Баку, я не смог Вас найти. Потому, что в связи с вашими служебными работами Вас временно не было в городе. Я получил телеграмму о болезнях сына и дочери. Возвращаюсь в

город Тифлис. С Вашего позволения я письменно к Вам обращаюсь, и пишу сей рапорт.

Я тридцать четыре года был на военной службе. И участвовал в двух военных компаниях: в русско-турецкой войне 1877-78 годов и русско – японской войне. По личной просьбе был отправлен на фронт и участвовал в боях в звании подполковника. После нескольких боев был поощрен и заслужил звание полковника.

За время службы я завершил два образовательных курса войсковых частей: Курсы учебной Кавказской кавалерийской роты и курсы офицерской школы кавалеристов. И каждый курс - в числе отличников, с поощрением.

Некоторое время находился в отставке, однако как человек военный, всегда интересуюсь военными делами, слежу за военной литературой. Поэтому, чувствую, что я как военный, знакомый с современными требованиями и обладающий, в достаточной мере, физической силой, готов выполнить все обязанности по службе.

Полную информацию о моей воинской службе можно получить из послужного списка, который я представил в штаб Азербайджанского корпуса.

Ваше превосходительство, привлечение меня к сколь-нибудь полезному делу для народа в это тяжелое для Родины время помогло бы также улучшить ослабевшее экономическое состояние моей семьи.

Прошу Вас поручить мне любую генеральскую должность (генерал надзора или генерал свиты) или же иную должность по Вашему усмотрению, каком – либо военном учреждении Азербайджана

Ожидающий Вашего доброжелательного решения о себе,
Ваш покорный слуга

генерал-майор принц
Амир Кязым Мирза Каджар».

В одном из документов, хранящихся в Государственном архиве Азербайджана, говорится об участии тюркских и деникинских офицеров в восстании в Гяндже. Артиллерийской частью восставших командовал деникинец, полковник Николаев. Одним из руководителей восстания был офицер бывшей мусаватской армии Мухаммед Мирза Каджар.

После подавления восстания началась трагедия рода Каджар. Сына принца Бахман Мирзы - генерал-майора Амир Кязым Мирзу большевики убили в Гяндже. Его внука, подполковника Садреддина Мирзу арестовали в июне 1920 года и вместе с 23 офицерами мусаватской армии сослали в Архангельскую область.

Генерал – майор Аманулла хан Мирза переехал в Иран, жил в Тегеране.

Я смог встретиться с одним из представителей этого интеллигентного рода, обогатившего выдающимися личностями военную историю, просвещение и культуру Азербайджана. Академик Национальной Академии Наук Азербайджана Чингиз Каджар хранит у себя редкие рукописи, ценные фотографии и различные предметы, оставшиеся от предков. Один из них принадлежал генерал-майору Амир Кязым Мирзе Каджару. За 25-летнюю безупречную службу он был награжден настольными часами, на которых установлена бронзовая фигура всадника. На часах написано: «За отличную службу Амир Кязым Мирзе». Часы, озвучивающие марш 44-го Нижегородского полка, работают до сих пор. Этот ценный подарок генерал Амир Кязым Мирза получил 16 декабря 1898 года.

Родился он 1 мая 1853 года в городе Шуше. Образование получил в Тифлисской классической гимназии, а в 20 лет окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге. В 1871 году офицер Амир Кязым в чине корнета был направлен на военную службу в 44-й Нижегородский полк

Отдельной Кавказской армии. За безукоризненную службу он был награжден орденами и медалями Российской Империи. В семидесятые годы XIX века офицер Амир Кязым Мирза стремительно рос по службе и не раз удостоивался наград. В 1879 году он был награжден орденами «Святая Анна» третьей степени, «Святой Станислав» второй степени, а через шесть лет – орденом «Святой Владимир» третьей и четвертой степеней, в 1890 году - орденом «Шире-Хоршид» четвертой степени (Иран).

Он в числе избранных кавалеристов в 1881 году участвовал в церемонии коронации императора Александра Третьего. В 1885 году полковник-кавалерист Амир Кязым Мирза был назначен командиром эскадрона.

В том же году он был награжден орденом Бухарского Эмирата «Сияющая Звезда» третьей степени.

В 1904-1905 годах Амир Кязым Мирза во главе Амурского казачьего кавалерийского полка сражался за Порт-Артур. За отвагу, проявленную в этих боях, он получил звание полковника и удостоился ряда орденов и медалей, а в 1905 году он получил золотое оружие с благодарственной надписью.

В 1902 году полковник Амир Кязым Мирза стал первым заместителем командира дивизии, а 2 марта 1909 года уволился со службы в звании генерал-майора.

Генерал принц Амир Кязым Мирза был не только военным. Он активно участвовал в просвещении нашего народа, при его материальной поддержке в Тифлисе и других регионах были открыты начальные школы, из личных средств он оплачивал обучение детей бедных семей. В 1910 году генерал-майор Амир Кязым хан Каджар был избран почетным членом Благотворительного Общества Кавказских мусульман. Одним из его наиболее значимых заслуг стало непосредственное участие в организации в 1912 году в Тифлисе

Азербайджанского драматического общества и открытии помещения для спектаклей. 100-летний юбилей М.Ф.Ахундова в 1911 году прошел под председательством Амир Кязым Мирзы Каджара.

В 1913 году в журнале «Молла Насреддин» было напечатано стихотворение Маммедали Абдулманафзаде «Гимназист». Царские чиновники и черносотенцы подали на журнал в суд. Известный ученый – литературовед Фиридун бек Кочарли, вице – консул Ирана в Тифлисе Мирза Мухаммед хан и генерал Амир Кязым Каджар, как знатоки мусульманской литературы, приняли участие в суде и сумели защитить журнал.

1 декабря 1918 года генерал Амир Кязым Каджар был назначен военным комендантом города Гянджи.

В 1920 году (май - июнь) генерал Амир Кязым хан Каджар сражался против дашнакско-большевистских сил, попал в плен и был зверски убит кинжалом председателя Чрезвычайного Комитета города Гянджи Тихарели.

Подъесауль 2 дагестанского конного полка Персидский принц Фазулла - Мирза - Каджар, раненый 14 января.

Генерал – майор Фейзулла Мирза Каджар (1872-1920)

Вспоминайте прошедшие времена, не забываяте деяния прошлых поколений. Деятельность авторитетных родов должны быть уроком для сегодняшней молодежи.

Народная мудрость

Фейзулла Мирза Каджар родился 15 декабря 1872 года в городе Шуша, в семье генерала Шафи хан Мирзы. Четыре его дяди Рзагулу Мирза, Амир Кязым Мирза, Аманулла хан Мирза и Мухаммед Мирза были генералами царской армии России. Он - первый среди их племянников, заслуживший звание генерала. Погиб в бою против большевиков во время Гянджинского восстания в 1920 году. Принц Фейзулла Мирза Каджар окончил Николаевскую школу кавалеристов в Петербурге в звании корнет. В 1904 – 1905 годах он участвовал в обороне Порт – Артура.

В звании подъесаул (капитан в казачьем войске) он участвовал в боях в составе Второго Дагестанского полка, которым командовал генерал кавалерии Гусейн хан Нахичеванский.

8 апреля 1912 года бывший командир Второго Дагестанского конного полка генерал-майор Гусейн хан Нахичеванский в своем обращении на имя начальника Военно-походной канцелярии генерала-майора князя В.Н. Орлова отмечал, что «...ротмистр Тверского 16-го Драгунского Е.И.В. Наследника цесаревича полка персидский принц Фейзулла Мирза Каджар служил во Втором Дагестанском конном полку с дня его формирования. По своим служебным и нравственным качествам считаю его выдающимся и отличным офицером во

всех отношениях. По боевым качествам считаю его также выдающимся: участвуя во многих делах, он неоднократно выказывал замечательную храбрость и мужество. В особенности он отличился в боях Сандепу, где 14 января 1905 году под Ландунгоу, временно командуя первой сотней, участвовал в конной атаке Дагестанского полка и был тяжело ранен в ногу». Далее Гусейн Хан Нахичеванский писал: «Полагаю ротмистра принца Фейзулла Мирзу Каджара вполне достойным производства вне очереди в следующий чин со старшинством с 26 февраля сего года». (Э.Э.Исмаилов. Георгиевские кавалеры - азербайджанцы. Москва, 2005, стр.208).

В 18-ом номере журнала "Нива", изданном в том же году, помещена фотография нашего храброго земляка.

В 1912 году Фейзулла Мирза Каджар служил в 16-ом Тверском драгунском полку в звании ротмистра. В годы в первой мировой войне он был командиром Чеченского кавалерийского полка и, сражаясь на переднем крае фронта, приобрёл славу бесстрашного командира.

26 февраля 1916 года Бакинская газета «Каспий» писала: «Командир Чеченского кавалерийского полка, награжденный орденом Святого Георгия четвертой степени, принц подполковник Фейзулла Мирза Каджар по собственной инициативе 15 декабря 1915 года взял на себя ответственность командования четырьмя взводами Уманского казачьего полка, в рядах которых был всего один офицер. Отважный командир Фейзулла Мирза Каджар, искусно пользуясь стрельбой пулеметов и ружей, без потерь отбил у врага деревню Брин. Очистивший от врагов значимую для боевых действий территорию, храбрый командир Фейзулла Мирза Каджар награжден орденами «Святого Владимира» четвертой степени (с мечами), «Святой Анны» второй степени (с мечами и бантом). Принц также получил звание полковника».

За необыкновенную отважность и смелость, проявленные во время Первой мировой войны, принц Фейзулла Мирза Каджар 30 сентября 1917 года был назначен командиром Первой Кавказской кавалерийской дивизии, сформированной из мусульман Кавказа. 7 мая того же года принц Фейзулла Мирза Каджар получил звание генерал – майора. Уместно будет отметить, что впервые информацию о генеральском звании принца Фейзулла Мирзы Каджара мы нашли в военно-энциклопедической книге К.А.Залесского «Кто был кто в Первой мировой войне», изданной в Москве в 2003 году (стр. 876).

30 мая 1917 года Фейзулла Мирза Каджар был назначен командиром второй бригады Кавказской Туземной конной дивизии. В бригаду входили два конных полка – татарский (азербайджанский) и чеченский. 21августа 1917 года дивизия была переформирована в Кавказский Туземный конный корпус с двумя дивизиями в составе. Генерал-майор Фейзулла Мирза Каджар был назначен начальником первой дивизии корпуса. «... В те утренние часы генерал-майор принц Фейзулла Мирза Каджар, накануне переправившийся со своей второй бригадой через реку Ламницу у деревни Подхорники, следовал на Халуш, у которого шел ожесточенный бой. И тогда на пути Чеченского и Татарского конных полков оказался отступающий «в беспорядке под напором контратаки противника 466-й пехотный полк». Решительными мерами и «силой убеждения» генерал Каджар сумел привести «части растерявшегося полка в порядок, ободрил их и вновь направил в окопы», а затем продолжил выполнять свою задачу». (Опрышко О.Л. «Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возращение из забвения». Нальчик, 1999, стр. 358). При описании боя автор ссылается на приказ по дивизии.

После большевистского переворота в России генерал

принц Фейзулла Мирза Каджар выразил желание служить в Азербайджанской Национальной армии. Прибыв в Гянджу 23 декабря 1918 года, он обратился Начальнику Генерального Штаба:

«Желая продолжить военную службу, прошу принять меня в ряды Азербайджанской армии.

Генерал – майор принц
Фейзулла Мирза Каджар,
город Гянджа »

9 января 1919 года по приказу № 20 Военного министра, полного генерала артиллерии Самед бека Мехмандарова и Начальника Генерального Штаба полковника Габиб бек Салимова генерал – майор Фейзулла Мирза Каджар был назначен начальником Гянджинского гарнизона.

В апреле 1920 года большевистко-дашнакские силы оккупировали нашу страну. В Гяндже, как и в других регионах страны, храбрые солдаты и офицеры Азербайджанской армии не смирились с ситуацией и отказались подчиняться оккупантам. Вооруженные жители Гянджи подняли восстание.

В этих тяжелых боях, длившихся неделю, погибли доблестно отстаивающие независимость Родины три генерала из рода Каджаров – Амир Кязым Мирза, Мамед Кули и Фейзулла Мирза.

Известен и такой факт. Участвовавший в Гянджинском мятеже генерал – майор Фейзулла Мирза Каджар попал в плен, был арестован и отправлен в Баку. Решением Революционного военного совета большевиков за службу при мусаватском правительстве он был расстрелян на острове Наргин.

Генерал принц Фейзулла Мирза Каджар был женат на Хуршид бейим Нахичеванской, которая была племянницей генерала от кавалерии Гусейн хана Нахичеванского и внуч-

кой генерал – майора Кялбалы хана Нахичеванского. От этого брака у них был единственный сын – принц Шафи хан Мирза Каджар, который родился 29 июня 1909 года в Москве.

Генерал – майор Мамед Кули Мирза Каджар (1872 – 1920)

Мамед Кули Мирза Каджар является сыном принца Бахман Мирзы от пятой супруги Чичек ханум и младшим братом генерала Аманулла хан Мирзы (1862 – 1937). Родился он 11 июня 1872 году в Шуше. Погиб в 1920 году во время Гянджинского мятежа, сражаясь против дашнако – большевистских войск.

«Образование получил в Симбирском кадетском корпусе и в Третьем Александровском военном училище. На службу вступил 1 сентября 1892 года в 21-ю пешую артиллерийскую бригаду. 6 мая 1908 года государь император всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святой Анны третьей степени подъясаулу третьей Кубанской казачьей батарееи Персидскому Принцу Мамед-Кули-Мирзе.

10 октября 1913 года государь император всемилостивейше соизволил пожаловать за отличное окончание в 1912 году курса Офицерской артиллерийской школы орден Святого Станислава второй степени войсковому старшине Принцу Мамед-Кули-Мирзе». (Э.Э.Исмаилов. «Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи». Москва, 2009 г., стр. 226)

Генерал принц Мамед Кули Мирза Каджар всегда был на переднем крае фронта. Он провел успешные операции против дашнако – большевистских войск. Обеспокоенный усилением вражеской силы в Карабахе, 24 января 1920 года дальновидный генерал Мамед Кули Мирза Каджар отправил

телеграмму Начальнику Генерального Штаба генерал-лейтенанту Мамед беку Сулькевичу и попросил дополнительную помощь: "Сообщаю Вам, что в Карабахском губернаторстве со стороны армян создается очень серьезное и, можно сказать, мятежное положение. Требуется большая и серьезная сила. Начальнику Ханкендинского гарнизона этого говорить нельзя, в противном случае, местные армяне могут захватить Аскеран и Шушу. Против армян необходимо принять категоричные меры".

Приказом № 320 от 25 июня 1919 года командующему Первой артиллерийской бригадой Первой пехотной дивизии Национальной армии Азербайджана полковнику Мамед Кули Мирза Каджару было присвоено звание генерал-майора.

Приказ № 1 от 30 ноября того же года, подписанный Военным министром Самед бек Мехмандаровым и Начальником Генерального Штаба генералом Габиб бек Салимовым, является одним из редких документов о полководческой деятельности генерала принца Мамед Кули Мирзы Каджара. В приказе говорится:

«Из донесения помощника Военного министра становится ясно, что в период временного командования Первой Пехотной дивизией принц Мамед Кули Мирза, он, исполняя обязанности начальника Гянджинского гарнизона, приложил много усилий по формированию батальона, отправке его по назначению, а также проделал большую работу по обеспечению войсковых частей теплой военной одеждой. В этой связи я выражаю ему искреннюю благодарность».

За образцовую службу за период с 1910 года до начала Первой мировой войны командир батареи 1-го Кубанского Его Императорского высочества Великого Князя генерал – фельдмаршала Михаила Николаевича казачьего полка подполковник Мирза Каджар был награжден орденом «Святой

Анны» II степени (с мечами) и тем же орденом IV степени (с надписью «За храбрость»).

Назначенный главой местного правительства в период Гянджинского мятежа 1920 года, Мамед Кули Мирза Каджар стал одним из организаторов противодействия большевикам и сложил голову в этой борьбе.

Генерал принц Аманулла хан Каджар (1857 – 1937)

Еще одним генералом - представителем рода Каджаров является принц Аманулла хан Каджар. Он был на четыре года младше брата Амир Кязым хана. К сожалению, фактов о его жизни и деятельности у нас не так уж много. О военной деятельности Аманулла хана писали газеты «Kafkaz», «Kaspi», «İrşad», которые издавались до революции 1917 года.

Родившийся 8 января 1857 года в Шуше принц Аманулла хан Каджар окончил кадетский корпус в Петербурге. Службу начал 19 июля 1879 в звании поручика. Аманулла хан был назначен командиром девятого пехотного батальона Кубанского казачьего полка. 6 мая 1900 года за примерную службу в составе казачьего батальона Аманулла хан Бахман Мирза оглы получил звание есаул (майор в казачьем войске). Боевая деятельность отважного кавалериста во время первой мировой войны была оценена орденами Святого Владимира третьей степени, Святой Анны второй степени, Святого Станислава третьей степени.

25 апреля 1915 года командиру третьего пехотного дивизиона Кубанского казачьего полка было присвоено звание полковника. Раненный в ногу в ходе боя Аманулла хан был отправлен в тыл, однако службу он не оставил.

В 1916 году в боях за деревню Мархоновка батальон пол-

ковника Аманулла хан Каджара, укрепившись на занятой позиции, штыковым боем атаковал вражеские окопы, взял в плен большое количество солдат и офицеров неприятеля. За эту удачную боевую операцию высочайшим указом от 5 ноября 1916 года полковник Аманулла хан Каджар был награжден Георгиевским оружием.

В 1917 году за безупречную службу в действующих частях Кубанского казачьего войска принц Аманулла хан Каджар удостоился звания генерал – майора.

После февральской революции 1917 года он вернулся на Кавказ и некоторое время жил в Тифлисе и Шуше. В 1918 году, когда создавалась Национальная армия Азербайджанской Демократической Республики, он обратился с рапортом к военному министру:

«Учитывая мое желание принести большую пользу армии Республики, прошу обеспечить меня соответствующей работой. Одновременно сообщаю вам, что обладаю боевым опытом, который я приобрел за 35 лет непрерывной офицерской службы офицера, участвуя в русско- японской и мировой войнах. В делах Отдельного Азербайджанского корпуса имеются документы о моих назначениях и личное дело. Служебная книжка хранится в Штабе названного корпуса.

С уважением генерал – майор принц
Аманулла хан Мирза Каджар.
город Гянджа»

Генерал Аманулла хан Каджар был назначен заместителем командира Первой конной дивизии, расположенной в Ханкенди, и начальником местного гарнизона. Он храбро сражался против дашнакской армии, неожиданно напавшей на местный гарнизон 21 марта 1920 года. Не смирившись с апрельской сменой власти и предвидя большевистскую

опасность, Аманулла хан в 1920 году эмигрировал в Иран. Живя в Тегеране, генерал – майор Аманулла хан Мирза Каджар преподавал в военной школе и участвовал в создании регулярной армии Ирана. Как депутат Национального Меджлиса Ирана, он был избран председателем Общества ирано-советской дружбы. Генерал – майор Аманулла хан Мирза Каджар скончался в Тегеране в 1937 году.

Генерал принц Рзакули Мирза Каджар (1837 - 1894)

Он второй сын известного историка Бахман Мирзы Каджара. Родившийся 14 августа 1837 года в Южном Азербайджане принц Рзакули Мирза Каджар, в 1848 году вместе с отцом прибыл в Тифлис и получил образование в местном кадетском корпусе, где учились дети дворян. Принц Рзакули Мирза Каджар долгое время служил в Отдельной Кавказской армии. Он был командиром эскадрона в лейб-гвардии Императорского полка. 4 февраля 1860 года получил офицерское звание корнет. В 1862 и 1864 годах участвовал в военных походах против восставших горцев.

В 1873 году за отличие на службе принц Рзакули Мирза Каджар получил звание полковник и был командирован в Туркестанский военный округ.

Во Время Русско - турецкой войны 1877 - 1878 годов он командовал бригадой и участвовал в бою за крепость Баязет. Вернувшись после войны на Кавказ, полковник занимался формированием кавалерийских полков в Елизаветполе и Закалах.

15 мая 1883 года принц Рзакули Мирза Каджар получил звание генерал-майора кавалерии.

Известно, что принц Рзакули Мирза занимался литературным творчеством. Он переписывался с востоковедом

Адольф Петровичем Берже, великим драматургом Мирза Фатали Ахундовым, государственным советником, востоковедом Александром Щербиным, В. Гриммом, Марией Поллан и другим известными личностями. Принц Рзакули Мирза помог М.Ф.Ахундову в издании философского трактата «Kəmalüddövlə məktubları» («Письма Кемал-уд-довле») и алфавита. Драматурга и генерала связывали также родственные узы - младший брат Рзакули Мирзы, полковник Ханбаба хан (1849 – 1926) был женат на дочери М.Ф.Ахундова Сейрабейим. После скоропостижной кончины супруги он женился на ее младшей сестре Нисаханум. Принц обладал поэтической натурой. Свои глубоко содержательные письма он подписывал «Принц Рзакули Мирза Эривани».

Из письма гражданского советника А.Г.Щербина Мирзе Фатали Ахундову от 14 мая 1877 года: «Недавно от В. Гримма узнал приятную новость и считаю своим долгом Вас поздравить. Я рад, что принц Рзакули Мирза назначен командиром бригады двух кавалерийских полков». (В XIX веке в царской армии эта должность была между установленными званиями полковника и генерала).

Из письма Рзакули Мирза Каджара Марие Поллан, отправленного из Петербурга 28 января 1876 года: «Вам, наверное, известно, что меня отправляют в Кавказскую армию. 15-го числа я еду из Шуши в Эривань. Я назначен туда по приказу наместника Кавказа Его Высочества Великого князя. В Тифлисе у меня есть родственник. Это - полковник Мирза Фатали Ахундов, тесть моего любимого брата поручика Ханбаба хана. Я очень люблю его за прекрасные качества и представляю его вашему высочеству».

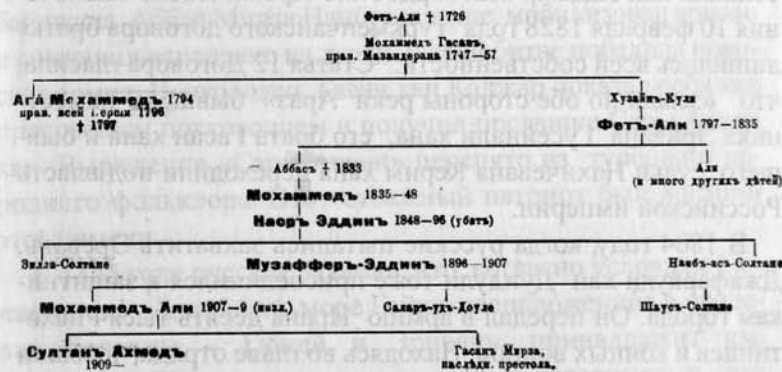
За сорок лет достойной службы в регулярной армии генерал – майор принц Рзакули Мирза Каджар был награжден высшими орденами Империи. Его заслуги перед государством отмечены орденом «Святой Анны» с бриллиантовым

камнем (1861), орденом «Святого Станислава» - первой, второй и третьей (с мечами и бантом) степеней (1862, 1868, 1892), орденом «Святой Анны» - второй и третьей степеней (с мечами, 1865, 1877), орденом «Святого Владимира» третьей и четвертой степеней (1875, 1888).

Генерал Рзакули Мирза Каджар также был награжден орденами двух иностранных государств – в 1873 году Орденом короны Пруссии и в 1891 году французским за деятельность в области просвещения «Крестовым орденом», которого удостоивались офицеры.

Последние годы своей жизни генерал Рзакули Мирза Каджар провел в Шуше. Он скончался 26 апреля 1894 году от туберкулеза в возрасте 57 лет.

ГЕНЕАЛОГИЯ шахов Каджарской династии.

“Энциклопедический словарь” Т-ва “Бр. А. и И. Грантъ и Ко”, Том 18, изд. 1913 года.

Генерал принц Гасан хан Каджар (? – 1855)

*Ирэванын дәрди вар,
Дәрд ичиндә мәрди вар.
Ордулар ган ахытды
Сәнкәр олду нәр дивар.
Эриванская баяты*

Гасан хан или главнокомандующий Мухаммед Гасан хан пользовался у народа большим авторитетом и поэтому был прозван Сары Аслан хан Сардаром. Он сын Мухаммед хан Каджара Эривани. За доблестную службу в персидской армии награжден личной саблей великого Амир Теймура. Он - один из известных полководцев Ирана. Его брат Гусейнали хан Каджар был гордостью Ирана. После заключения 10 февраля 1828 года Туркменчайского договора братья лишились всей собственности. Статья 12 Договора гласила, что «земли по обе стороны реки Араз» бывшего наместника Эривана Гусейнали хана, его брата Гасан хана и бывшего судьи Нахичевана Керим хана переходили под власть Российской империи.

В 1804 году, когда русские пытались захватить Эревань, Джафаркули хан Дундули тоже присоединился к защитникам города. Он передал в армию Ирана десять тысяч пехотинцев и конных воинов. Находясь во главе отряда, юзбаши Гасан хан расположил своих воинов на неприступной высоте, остановил, а затем пустил в бегство русское войско.

В 1806 году, когда русские намеривались вновь напасть на Эриван, наместником Эривана был назначен Гусейнали хан Каджар. В 1807 году Гасан хан стал главою слуг Фатали шаха, заменив брата на этой должности.

В 1808 году русские напали на Эривань. Объединившись

с другими полководцами Ирана, Гасан хан встал на защиту города. Произошли тяжелые бои. В ходе боевых действий в сентябре-декабре войска фельдмаршала И.В.Гудовича были разгромлены. 13-тысячное русское войско было разбито в пух и прах.

В ходе сражения 17 ноября 1808 года были убиты 289 русских бойцов, 574 - тяжело, а 285 - легко ранены. Был убит один из 7 русских офицеров высокого звания, а еще четверо - тяжело ранены. После позорного поражения русское войско вернулось в Грузию, а царь отозвал фельдмаршала И.В.Гудовича и отправил его в отставку.

В 1820 году Гасан хан выступил против османских правителей, которые хотели захватить город Чехричи в Иране. Он овладел несколькими городами Турции. Через год турки решились вернуть захваченные города и села и двинули на границу с Ираном 70-тысячную армию. Наместник Азербайджана Аббас Мирза Наибуссалтане мобилизовал армию и совершил нападение на турок. В этой битве победила иранская армия. Полководец Гасан хан Каджар показал себя как прекрасным полководцем и получил прозвище Сары Аслан хан. Выражение «Сары Аслан» перенято из турецкого народного фольклора. Этот отважный патриот был достоин этого имени.

В 1825 году русские заявили, что согласно условиям Гюлистанского договора, море Гойча, расположенное в пределах Балыглы – Гюней и Эривань, принадлежит им. Проблема обсуждалась между двумя государствами, и для выяснения истины из Эривани был вызван (Сары Аслан хан Сардар) Гасан хан. На переговорах он резко выступил против требований русских. Но русские не стали дожидаться результата обсуждений и вторглись на эти земли. Гасан хан был из тех полководцев, которые в русско-иранской войне (1826 – 1828 г.г.) с честью выполнили свои воинские обязан-

ности, до последней минуты своей жизни сражались против русских и не покорились врагу.

В летней операции 1826 года генерал Гасан хан Каджар штурмом захватил территории Пенбек и Шорагёль и тем самым нанес русским тяжелое поражение. В июне, до начала операции, Сары Аслан хан Сардар – Гасан хан выступил перед воинами и поклялся, что освободит живущих на Кавказе братьев по крови и религии от русских богохульников. Эту войну против русских он назвал «священной».

В 1827 году (Сары Аслан хан) Гасан хан воевал против русской армии вместе Мустафа хан Ширвани и правителем Шеки Гусейн ханом. Бои шли уже около Тифлиса. Это были тяжелые бои, противник оказался сильнее, и армия Сары Аслан хана была вынуждена отступить.

В 1827 году один из главнокомандующих русской армии генерал Дойг ходе в русско – иранской войне решил с целью овладения Сардарабатом атаковать Эривань, но столкнувшись с ожесточенным сопротивлением Гасан хана, безнадежно вернулся в Талин, который находился в 36 километрах от Эривани.

Чуть позже русские напали на армию Гасан хана со стороны Учкильсе (Эчмиадзин). В этом сражении было ранено и убито много русских. И на этот раз героизм и мужество Сардар Гасан хана не позволило русским достичь своей цели. Они были вынуждены отойти от Эривани и двинуться в сторону Нахичевани.

В сентябре 1828 года Наибусселтене Аббас отправил Гасан хана в Эривань оборонять крепость Сардарабат. Генерал И.В.Паскевич окружил крепость. Но Гасан хан не сдался врагу, вышел за пределы крепости и, неожиданно напав на русских, заставил их отступить. Бои были тяжелыми, двенадцать дней шли непрерывные сражения. Русские привлекли дополнительные силы и оказались сильнее. Гене-

рал И.В.Паскевич захватил Сардарабат и Эривань. Несгибаемый полководец (Сары Аслан хан) Гасан хан на этот раз попал в плен. Генерал И.В. Паскевич привез в Тифлис Гасым хана, Фатали хана, Суваргулу хана, Сары Аслан хана, Мирза Махмуд Максудлу Астарабати и Гамза хана Азани. Фельдмаршал И.В.Паскевич с ними обращался не как пленниками, а как с полководцами, относился к ним с большим уважением, которого заслуживали полководцы.

10 февраля 1828 года был заключен Туркменчайский договор. Согласно 13-ой статьи документа, пленники были возвращены сторонам. Таким образом из плена был освобожден Сары Аслан хан Сардар. Гасан хан Вернувшись в Иран, он стал заниматься другими важными делами.

В 1828 году Фатали шах направил Сардар Гасан хан Каджара в Хорасан для подавления происходящих там бунтов. Установив порядок в провинции, Сары Гасан хан до 1830 года занимал там должность государственного правителя. Затем Фатали шах отозвал Гасан хан в Тегеран. На пути в Тегеран он совершил паломничество в святое место Етбат (Ирак). В 1848 году Гасан хана становится сардаром-главой провинций Язд, Гирман и Белуджистан.

Злейший враг русских, известный азербайджанский полководец Гасан хан Каджар скончался от сердечной болезни в 1855 году в Гирмане. Похоронен в священном городе Наджаф.

Генерал принц Кямран Мирза Каджар (1855 – 1928)

Кямран Мирза Наибусселтене - третий сын Насреддин шаха. Он был начальником всех войск и занимал должность военного министра Ирана. Одновременно он управлял Тегераном и некоторыми другими городами. Военное министерство он возглавлял с 1880-го по 1896-й год, т.е. до убийства Насреддин шаха (Насреддин шах Каджар (1831 – 1896), превратившего в период своего правления Иран в полуколонию России и Англии, был убит террористом-панисламистом Мирзой Рза Кирмани в 1896 году.) А во главе министерства он стал после того, как в 1880 году с должности военного министра был уволен азербайджанец Мирза Гусейн хан Мурширудовле.

Кямран Мирза родился в 1855 году. В 1861 году, в возрасте шести лет он под покровительством Паша хан Аманилмулка заменяет правителя Тегерана Фируз Мирза Нусретуддовлу. В 1867 году Насреддин шах, отправляясь в Хорасан, оставляет за себя одиннадцатилетнего Кямрана Мирзу. В 13 лет Кямран Мирза уже был удостоен титула Наибуссалтене. В том же году он получил прозвище Эмири – Кебир. Затем, во время всех путешествий и походов Насреддин шаха, на троне восседал Кямран Мирза. Насреддин шах поручил Кямрану Мирзе управление провинциями Тегеран, Газвин, Гилан, Мазандаран, Демавенд, Фирузгух, Гум, Кашан, Саве, Мелайер, Туйсерчан, Нехавенд, Астарабад, Шахруд, Бестам, Дамджан, Симнан. Кямран Мирза был очень требовательной личностью.

Три сына Насреддин шаха – Музаффареддин, Зилли Султан и Кямран Мирза родились от трех жен и имели разный характер. Зилли Султан был жестоким и Кямран Мирза его не любил. Об этой неприязни Маммедгасан хан Этимадус-

салтене написал в своих «Воспоминаниях».

В 1906 – 1911 годах, во время конституционной революции под руководством Саттархана в Азербайджане и Иране, Зилли Султан сбежал в Европу. Когда он пожелал вернуться в Иран, восставший народ остановил его в Реште и потребовал конфискации его имущества. После третьего визита Насреддин шаха в Европу в 1889 году Кямран Мирза становится во главе 100 тысячной армии до смерти Насиреддин шаха. В 1907 году провинции, управляемые Кямран Мирзой, уже были под контролем русских, а провинции, принадлежавшие Зилли Султану – под присмотром англичан.

В 1908 году Кямран Мирза вновь стал военным министром, однако через месяц, в период конституционного правления, когда Мухаммедали шах был отстранен (1909 год) от власти, он был смещен с этой должности.

Во время правления Ахмед шаха – внука брата (1916 г.), Кямран Мирза становится правителем Хорасана, но через год уходит в отставку. Он вернулся в Тегеран и жил там до кончины. Он умер в 1928 году в возрасте 85 лет и был похоронен в Шах Абдулзиме, в мавзолее Насреддин шаха.

ИЗВИНИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ В ПЕТЕРБУРГ

(или о том, как благодаря принцу Хосрову Мирзе Каджару удалось избежать третьей войны с русскими)

«В связи со смертью Грибоедова, ставшего жертвой невежества в Тегеране, с извинительной миссией в Петербург был отправлен наследный принц Хосров Мирза, что позволило Фатали шаху избежать третьей войны с русскими».

Али бек Гусейнзаде (1864-1941)
выдающийся тюрколог, профессор

Изображение принца Хосрова Мирзы Каджара я обнаружил в архивах Рукописного фонда совершенно случайно. В нижней части изображения, на которой представлен молодой красивый человек, стоит надпись на персидском и английском языках: «Принц Хосров Мирза Каджар». Картина нарисована акварелью и очень хорошо сохранилась. После долгих поисков мне удалось установить имя ее автора - это русский актер и драматург Петр Каратыгин. В августе 1829 года во время первой встречи с принцем в Петербургском театре он сделал наброски, а затем перерисовал их акварелью. И уже в следующее посещение театра, 12 августа, картина была преподнесена в дар принцу. В знак благодарности за работу Хосров Мирза подарил Каратыгину золотую табакерку. Об этом сообщается в письме художника Ивана Крамского известному меценату Павлу Третьякову.

Принц Хосров Мирза, седьмой сын Аббаса Мирзы, является старшим братом Бахмана Мирзы. Представители петербургского дворянского аристократического общества в своих воспоминаниях отмечали, что во время правления Николая I «не было кроме принца Хосрова Мирзы второго восточного гостя, которого с таким уважением и почестью

встречали бы в российском царском дворе».

Современница А.С.Пушкина графиня Анна Оленина 21 августа 1829 года написала в дневнике: «Сюда приехал Хозрев Мирза, Сын Аббас Мирзы, было 10 большое, представление (имеется ввиду представление принца императору и императрице в публичной аудиенции 10 августа - (Ш.Н.). Он молод и довольно хороши». Восхищаясь красотой 16-летнего принца, А.Оленина сообщает о том, как во дворце графа Потоцкого в честь Хосрова Мирзы был организован большой торжественный бал: «Я своей необыкновенной, красочной одеждой очаровала принца и весь его персонал».

Присущая восточным мужчинам красота и обаятельность Хосрова Мирзы запали в душу русской графини. Читая строки из дневника, невольно вспоминаются написанные в 1834 году матерью А.С.Пушкина Надеждой Осиповной письма, в которых выражается восхищение Аббаскулу ага Бакихановым, также очаровавшим петербургское аристократическое общество высокой образованностью, соблюдением этикетов светского общества и красивой внешностью. Своей дочери Ольге, живущей в Варшаве, Надежда Осиповна написала:

«Через несколько часов после получения твоего письма к нам пришел и представился Аббасгулу ага; он очень прекрасный человек, такой хороший собеседник... Мне нравятся его манера поведения, он мне очень приятен. Я благодарна тебе за то, что ты послала его к нам...»

Аббасгулу ага обедает у нас. Он такой приветливый, улыбчивый и доброжелательный человек, как будто мы старые друзья...

Аббасгулу ага очень вежливо с нами попрощался. Он меня несколько раз обнял. Я его люблю от всей души. Он, действительно, очень красивый и, несомненно, такой, каким ты его нам представила. Рядом с ним я себя чувствовала раскрепо-

щенной».

Однако, зачем поехал в 1829 году в Петербург принц Хосров Мирза Каджар?

Незванный ночной «гость»

«После знакомства с его дарованием и опытом я укрепился во мнении, что Грибоедов не допустит действий, которые могли бы нанести урон установившимся между нашими государствами добрым отношениям. Но у меня нет доверия к людям, окружающим Грибоедова. В духе и настроении этих людей я вижу ненависть, и это меня очень тревожит. Объясните Грибоедову, чтобы он их держал в сильном подчинении. Грибоедов, наверное, помнит, что несколько лет тому назад я попросил его отозвать Дадаш бека (Василий Дадашян – Ш.Н.). Он очень мучает народ в Тебризе. Рустам бек (Рустам Беджаниян – Ш.Н.) тоже очень жестокий человек. Я очень боюсь, что эти и им подобные люди подтолкнут Грибоедова к спорам и беспорядкам с прискорбными последствиями.

Принц Аббас Мирза»

9 января 1829 года в полночь в Русское посольство в Тегеране постучались мужчина и две женщины в чадре. Незванные «гости» потребовали встречу с «лично полномочным министром». Охраннику пришлось разбудить посла. Пустив «гостей» к нему, сам, с беспокойством, остался ждать у дверей.

Грустный полномочный министр еще больше расстроился, когда среди непрошенных «гостей» увидел ходжа Якуба Мирзу.

- Александр Сергеевич, я опять надеюсь на вас. Надежда

только на вас...

- Я ведь вам вчера сказал, что по этому вопросу обращайтесь днем. Вам известно, что Его превосходительство император покровительствует всем пленным. Вы же...

- Господин посол, мой приход к вам днем, после обеда, совершенно невозможен, - взмолился Яков Маркарян из Эривани. – Умоляю вас, выслушайте меня... - стал он убеждать посла. – Дело в том, что в июне 1804 года воины генерала Цицианова не выдержали натиска войск принца Аббас Мирзы, поскольку эриванец Маммедгасан хан и нахичеванец Кялбалы хан не пришли ему на помощь. Войска Аббаса Мирзы, преследуя генерала Цицианова, оттеснили его в направлении Тифлиса. Армянские купцы присоединились к русским и грузинским отрядам и также начали бежать в сторону Тифлиса. Тогда мне было 18 лет. Я обучался в монастыре Учкильсе (Эчмиадзин). Когда армянский караван проходил рядом с монастырем, я, тайком, без ведома учителя, примкнул к нему. По дороге один из купцов спросил меня, кто я и куда еду? Я его обманул и сказал, что недавно в Тифлис прибыл известный ученый Серап Патканян, который бесплатно обучает армянских детей, и я еду брать у него уроки. Я понравился армянскому купцу, он поделился со мною сыром и хлебом. Два дня мы были в дороге. Дойдя до горы Бабакяр, мы услышали сильный гул. На нас неожиданно напали и взяли в плен отряды персов. Вблизи сражались грузинские кавалерийские отряды и после длительного боя они отбились. Персы сломали сопротивление армян, многих убили, живых взяли в плен.

Нас, как баранов, пригнали в Тебриз. Меня и нескольких армян кастрировали и заставили принять мусульманство. Мне дали новое имя - Мирза Якуб. Затем, как евнуха, отправили в Тегеран в подарок Фатали шаху. Два года меня учили арабскому и персидскому языкам. Старший евнух обучил

меня всем предметам. Потом я получил титул главы гарема. Во дворце для меня наняли грамотного учителя, который обучил меня всем тонкостям бухгалтерской работы. По специальному распоряжению шаха я дважды был отправлен в Шираз и трижды в Хорасан на бухгалтерские ревизии губернатора. Меня назначили казначеем шаха. Оттуда я мог тайком отправлять родителям деньги в Эривань. Хватит, уже двадцать пять лет я служу как глава евнухов. 40 тысяч туманов, драгоценные камни, золото в этом сундучке – плоды моего труда. Умоляю вас, помогите мне вернуться к родным. Я пришел сюда в надежде на Бога и на вас.

- А кто эти женщины? – поинтересовался посол Грибоедов.

- Это – две несчастные женщины-армянки, которые мучаются в гареме Аллахяр хана, зятя шаха. Они вместе со мной пришли к вам за помощью. Помогите... – вытирая ладонью прослезившиеся глаза, умолял Яков Маркарян. Съездившись и сжимая между ногами переполненный драгоценными камнями сундучок, он принял жалкий вид.

Полусонный посол смотрел то на безобразный длинный подбородок Якова Маркаряна, то на его помутневшие синие глаза. Он не знал, что ответить.

Не заметив на лице Якова ничего доверительного, посол призадумался: «Незванный «гость» просил и умолял». Наконец, не выдержав, он плотно обернулся в пальто и, наклонившись к нему, произнес:

- Ведь я не вправе исполнить ваше желание. Для этого между двумя государствами должны быть официальные договоренности. По-моему, вы напрасно так поступили, – стараясь предостеречься от опасности, посол старался переубедить его. – Вы, наверное, лучше меня знаете, что согласно обычаям Востока, лицо, которое более десяти лет прослужило в гареме, во дворце шаха, считается членом его

семьи. А каждая прислуга – рабыней, женой. У восточного мужчины женщина – это его совесть, честь. Это вы должны знать лучше меня. Если жена совершает неблаговидный поступок, то это пахнет кровью.

- Александр Сергеевич, а Туркменчайский договор... Разве его 13-я статья не допускает этого... – не отставал Маркарян. – Вы ведь в этой стране авторитетный, самостоятельный визирь России. Вы всегда покровительствовали нам, бедным армянам. Ведь статью 13 вы включили в договор ради нас, жалких армян: *«арестованные в последней войне или предыдущих войнах военные пленники с обеих сторон должны быть взаимно освобождены и в течение четырех месяцев возвращены»*.

Посол призадумался.

- Тебе известно не только то, что происходит во дворце шаха, но и отношения между двумя государствами? А ты обращался к шаху по этому поводу?

- Нет, никогда!

- Ты же к нему так близок, шах доверил тебе свою казну, он не откажет, исполнит твоё желание. Ведь ты его казначей, главный хранитель бриллиантов и драгоценных камней.

- Александр Сергеевич, в этом темном мусульманском мире вы единственный покровитель трех несчастных христиан. Уж лучше убейте нас, но мы больше не вернемся к этим диким мусульманам, – и, чтобы утешить посла, добавил: – Вы армянам всегда помогали. Мне известно, что еще в 1825 году в Тифлисе вы вместе с Лазаряном, католиком Нерсесом готовили план переселения скитающихся по миру армян в Азербайджан, Карабах. Сейчас, наше возвращение во дворец смерти подобно.

- Хорошо, уже поздно, сейчас поручу, чтобы вам предоставили ночлег. Утром поговорю с Фатали шахам, – сказав, посол пошел в свою опочивальню.

Посол, основываясь на 13-ю статью договора, всячески пытался убедить Фатали шаха помочь этим армянам. Но шах был неумолим и упорно настаивал на своем:

- Армянин Ходжа Якуб Мирза украл из казны половину моего богатства. А вы предоставили убежище вору, преступнику. Он должен вернуться и понести заслуженное наказание. Все! Господин посол, вам и трем армянам, незаконно получившим у вас убежище, даем время - до завтрашнего восхода солнца они должны вернуться во дворец, иначе будут применены другие меры. Особое недовольство вызывает то, что вы предоставили убежище двум женщинам из гарема Аллахяр хана.

Фатали хан тревожно ждал окончания отведенного времени, но не получив никаких вестей из Русского посольства, в скверном настроении покинул Тегеран. Он отправился «отдыхать» в расположенное близ Тегерана местечко Нава. Дела во дворце он поручил своему зятю Аллахяр хану, который был известен лютой ненавистью к русским. Тот, воспользовавшись отсутствием Фатали шаха, призвал служителей религии на газават, разослав гонцов в мечети, базары и густонаселенные районы Тегерана, чтобы известить людей о том, что в русском посольстве прячут несколько женщин-мусульманок и, мол, их увезут в Россию и принудят принять христианство. А Ходжа Якуб Мирза украл из казны Фатали шаха золото и драгоценные камни на сорок тысяч туманов.

Озлобленные жители города, вооружившись кто чем мог, стали стекаться к русскому посольству. По поручению меджлиса Тегерана хаджи Мирзы Мисиха в джами (мечете) собирались сеиды и улемы. Аллахяр хан приказал закрыть рынки и магазины. В город прибывали люди из близлежащих деревень. Постепенно разрастающаяся толпа стекалась к посольству.

Старший евнух дворца Манучар хан (*Манучар Ениколоп-*

яни, тифлисский армянин. В 1804 году при нападении генерала Цицианова на Эривань, сражался в грузинской коннице, попал в плен к иранцам. Он также, как Яков Маркарян, очистируется в Тебризе. Служа в дворцовом гареме Манучар, завоевывает уважение и постепенно занимает более высокие должности. Заслужив особое уважение Фатали шаха, Манучар Ениколопьяни в 1815 году занял должность первого министра дворца. В 1820 году как самый преданный шаху человек, Манучар назначается наместником известной своими богатствами Гилянской губернии. Шах присвоил ему звание мотемедиддовле — испытанный, доверенный. В Туркменчайском мирном договоре стоит подпись Манучара Ениколопьяни, что свидетельствует о его высоком статусе в Иране - Ш.Н.) послал своего племянника Соломона Меликова, с отрядом шахских всадников, разогнать толпу. Он поручил племяннику во что бы то не стало спасти Якова Маркаряна и вывезти его из русского посольства. Манучар хан считал, что когда мятежники успокоятся, тогда и Грибоедова можно будет спасти.

Но было поздно. Разъяренная толпа, увидев Соломона Меликова, накинулась на него и до смерти забила, а труп поволокли по улицам.

Народ требовал выдать Якова Маркаряна. Александр Грибов и личный его слуга, заведя неладное, были вынуждены вытолкнуть на улицу Маркаряна. Толпа, сразу же схватив Маркаряна, вздернула его на дереве.

Однако этим толпа не утихомирилась. Еще недель раньше Грибоедов самодовольно говорил о величии своей империи на приеме Фатали шаха, когда возвращали пленных армян и поданных России, захваченных в ходе русско-персидской войны. Но теперь посол понял, что он не так уж и силен, и его жизнь находится в руках «диких азиатов». Он стал вспоминать с какой злобой и ненавистью смотрели на

него во дворце в Тегеране 10 февраля 1828 года во время подписания Туркменчайского договора. Вспомнил слова Алла-хья хана, сказавшего, что *«этому непослушному послу нужно указать свое место»*. А иранский министр иностранных дел Мирза Абдулгасан хан обращаясь к Меджлису, сказал возмущенно: *«Надо написать русскому правительству в Петербург. Вы прислали нам человека, который не умеет вести себя у нас. Смотрите, чего он придерживается. Как бы ни случилось великого несчастья! Отзовите его, ежели желаете сохранить доброе согласие между двумя странами. Поверьте мне, я знаю Европу и, особенно, Россию: он будет отозван»*. Посла охватил страх, когда он вспомнил проклятия в свой адрес меджлихиды Мирза Мисиха в Тегеранском джаме. И наконец-то он стал догадываться, почему это после восстания декабристов царь, в наказание, сослал его не в Сибирь, а на юг. Еще тогда, в Петербурге, он внутренним чутьем предвидел, что смерть найдет его в Персии.

Опасаясь за жизнь посла, Грибов, который приходился его молочным братом, стал уговаривать Александра Сергеевича укрыться в армянской церкви.

- Большинство напавших на нас — это служители культа и их последователи, - говорил он. - Если мы там спрячемся, они в церковь не войдут, потому что мусульмане считают церковь оскверненным местом, где собираются неверующие. Во-вторых, они лучше нас знают о неприкосновенности церкви.

- Это бегство будет для меня пятном на всю жизнь, - возразил Грибоедов. - Господа, я полномочный министр великой Русской империи и прятаться в церкви — позор для меня, - а затем пренебрежительно добавил: - Однако кому мило, может идти в армянскую церковь. Естественно, у этой массы есть глава. Ему объясним, а он передаст наши слова толпе.

После этих слов посла никто не решился отправиться в

армянскую церковь.

Тем временем толпа продолжала осаждать здание посольства. Наконец, ворвавшись во двор посольства, люди стали требовать выдать им женщин, сбежавших из гарема Аллахья хана.

Вооруженные казаки открыли выстрел по взбунтовавшейся толпе. Несколько человек упали намертво. Тогда разгневанная толпа обезоружила казаков и, взломав двери и окна, вошла на территорию посольства. Были убиты 53 сотрудника посольства.

Фатали шах приказал найти тело Грибоедова. Обезображенное и изуродованное тело посла обнаружили на третий день в груде трупов. Поскольку Грибоедов был без мизинца, в 1818 году на дуэли будущий декабрист А.И. Якубович выстрелом из пистолета отсек ему мизинец, опознать его труп не составило особого труда.

АРМЯНСКОЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ПОСЛА

«У этого смелого принца доброжелательный и мужественный характер. Никто не мог сравниться с Аббас Мирзой в умении метко стрелять и скакать на коне. Мчась на коне, он мог из ружья или лука убить зверя, даже сосчитать в небе пролетающих птиц. Действительно, нужно признать, что характер иранцев, описанный Ксенофонтом, целиком воплощен в этом храбром принце».

Жак Морис,
заместитель посла Англии в Тегеране

По сведениям русских и иранских исследователей, приказ Фатали шаха был в грубой форме нарушен. Причиной тому, считают они, послужила ненависть Аллахяр хана к русским. Шах велел не трогать Грибоедова и требовал выдать Якуба Маркаряна, украденное им золото и драгоценности, а также женщин-армянок, ибо сам возжелал их наказать. Фатали шах считал, что русский император Николай I отзовет Грибоедова и накажет за допущенные ошибки.

Но свершилось неожиданное. Напав на посольство, разгневанная толпа перебила сотрудников дипмиссии. В живых осталось только трое, в том числе первый секретарь посольства Иван Мальцев, которому удалось перебежать в соседний двор, где жили азербайджанцы, и спрятаться в стое сена.

Грибоедов презрительно относился к местному населению. Да и народ ненавидел русского посла. Причиной неприязни являлся тот факт, что текст Туркменчайского договора был подготовлен Грибоедовым. Именно по его настоянию перекочевали в Петербург редкие рукописи, хранившиеся в мечети шейха Сефиеддина в Ардебиле. Недовольство населения вызывало также покровительство посла армянам. Из-за его благосклонности к ним около 50

тыс. армян с северо-запада Ирана были переселены в Азербайджан. В августе 1828 года в своем дневнике Грибоедов написал: «Здесь пленные свели меня с ума. Некоторых не возвращают. Готов голову сложить ради несчастных соотечественников (армян — Ш.Н.)».

Основываясь на подлинники, известный иранский историк Насир Наджими в книге «Аббас Мирза» (или «Патриот, герой, сын рода Каджар и руководимая им Ирано-Русская война») дал исчерпывающую картину пребывания Александра Грибоедова на посту посла в Иране. В частности он отмечает, что «Грибоедов не считался с местными законами и порядками, высокомерно вел себя во дворце, надменно говорил с шахом во время приема. Фатали шах, не обращая на грубый тон разговора, слушал посла до конца. Русский посол, не изменяя свою грубую форму поведения, стал оказывать давление на народ. Он больше всего заботился о переселении армян на Кавказ. После того как Фатали шах вернулся из «отдыха», тела армян бросили в церковь».

Фатали шах был хорошо осведомлен о царившем в государстве тяжелом положении. И смерть посла Грибоедова, чего нельзя было допустить, могла вызвать новое военное противостояние с Россией.

Персия стояла перед трудным выбором - в 1828 году началась война между Россией и Турцией. С одной стороны, Турция всячески пыталась склонить Персию к войне против России, с другой, согласно Туркменчайскому договору, Тегеран должен был выплатить царской империи контрибуцию в 600 тысяч туманов.

Предвидя исход событий, Фатали шах созвал совет визирей, на котором решили «тело Грибоедова передать родным, а Российской империи преподнести в дар алмаз «Шах» в 88 каратов и тем самым искупиться за смерть посла». Предложение исходило от наследника шахского престола принца Аббаса Мирзы. Не только придворная знать, но и сам

шах по многим вопросам советовался с ним.

«Шах» является одним из самых крупных и редчайших по красоте алмазов мира. Он был найден в 1591 году в Индии. Драгоценный камень был выкуплен у индусов правителем Ахмаднагара Бурхан Низам шахом. На камне высечено его имя. В 1595 году драгоценный камень попал в руки монгольских правителей. Поэтому на алмазе выгравировано «Сын Джахангир шаха Джахан шах». В 1738 году, когда Надир шах завоевал Индию, алмаз был вывезен в Иран. В 1827 году Фатали шах Каджар выгравировал на алмазе свое имя. В настоящее время алмаз хранится в Московском алмазном фонде.

С подарком определились, однако возник другой, не менее важный вопрос – на кого возложить миссию «примирения» и с кем отправить подарок в Петербург? Фатали шах предложил поручить эту ответственную миссию Аббасу Мирзе. Однако против этого шахского решения выступила придворная знать, оперирующая тем, что проживающие на Кавказе армяне озлоблены на Аббаса Мирзу – принц учинил расправу над ними в Лори и Дилиджане, а также в окрестностях Эривани. Кроме того, было принято во внимание то, что в Тифлисе проживают родственники штабс-капитана Мелик Шахназарова, убитого в ходе нападения на посольство, что также вызывало большие опасения за жизнь принца. Эти люди были замечены в терроре.

Потеря наследника престола Аббаса Мирзы было равносильно лишению Ирана умелого руководителя. Фатали шах гордился сыном, слушая как видный политический деятель Ирана, дворцовый учитель Аббаса Мирзы – Абдулгасым Фаргани-Гаиммегама с гордостью заявлял о том, что европейцы знают наследника гаджаровского престола как достойного, отважного воина, мудрого дипломата. Найдя приведенные доводы убедительными, Фатали шах отказался от своего намерения направить в Петербург Аббаса Мирзу.

В период пребывания А.С.Грибоедова в должности посла России в Тегеране большинство сотрудников посольства были армяне. Правда, носили они мусульманские имена. К примеру, Дадаш бек на самом деле был Василием Дадашяном, Мирза Салман – Соломоном Меликьянцем, Мирза Нариман – Меликом Шахназаряном, Ибрагим бек – Амбарцумом, Рустам бек – Рустамом Беджаняном. Грибоедов назначил на высокие должности в посольстве Исака Саркисова, Хачатура Шахназарова, Абрама Дадашяна, Шермазяна, Арутюна Казаратова, Амбарцума и других армян. Естественно, хотя армяне и носили мусульманские имена, однако лютой ненавистью презирали азербайджанцев и персов. Просто, так им легче было осуществлять свои грязные планы в Тебризе и Тегеране.

Чудом выживший первый секретарь Российского посольства Иван Сергеевич Мальцев (1807 – 1880 гг.), вскоре после возвращения на родину в своих воспоминаниях о пребывании в Тегеране написал: *«Мелик Шахназарян был подкуплен Мирза Якубом (Яков Маркарян). Получив драгоценности у Мирза Якуба, Шахназарян обещал ему помочь при содействии посла вернуться в Эривань. Именно Шахназарян 30 января в два часа ночи помог Мирза Якубу попасть в посольство. И напоминание о 13-й статье, что говорить, как просить и умолять – все это Шахназарян объяснил ему».*

После смерти Грибоедова в русской прессе один за другим появились многочисленные публикации с различными версиями убийства посла. Характерно, что во многих из них, где прямо, а где весьма косвенно, говорится о роли армян в смерти Грибоедова. О том, что именно благосклонность к армянам привела к гибели посла, писали граф И.О.Симонич, сменивший Грибоедова на посту полномочного министра при персидском дворе, и барон К.К.Бодэ, ставший первым секретарем миссии при Симониче.

Не обошли вниманием события 30 января 1829 года и ар-

мянские авторы. Однако в их интерпретации, разумеется, «армянский след» в убийстве Грибоедова отсутствовал. Много позже, в 1901 году, издававшаяся в Тифлисе (1872-1920 гг.) армянская литературно-политическая газета «Мшак» («Труженик») опубликовала статью «Рассказ Амбарцума» анонимного автора, подписавшегося как Г.А. Устами некоего Амбарцума он повествовал о том, как тот, по собственному утверждению, служил курьером посольства и чудом остался жив во время погрома, устроенного населением Тегерана. По словам Амбарцума, к послу, который был добродушным и милостивым человеком, часто обращались лица, которые желали возвращения на родину. Были среди них и евнухи шахского двора, и женщины из шахского гарема (конечно, не армяне - **Ш.Н.**). В числе последних была очень красивая грузинка, принявшая мусульманство. Эта женщина, рассказывает Амбарцум, тайно посещала посла по ночам. *«Когда узнали об этом, то, как шах, так и народ страшно возмутились; подумали, что эта грузинка находится в любовных связях с вазир-мухтаром (т.е. с послом - Ш.Н.); в глазах мусульман такой поступок может быть смыт только убийством нарушителя закона».* А остался в живых Амбарцум потому, что после нескольких ударов по голове упал и притворился мертвым.

Разумеется, ни один серьезный исследователь не воспринимает «Рассказ Амбарцума» всерьез и все считают его выдумкой.

Александр Грибоедов еще в Петербурге в день назначения его послом, словно предчувствуя свою близкую смерть в Иране, пытался отказаться от этой должности: *«Отказаться от этого (назначения послом - Ш.Н.) под каким-нибудь предлогом, после всех милостей царских, было бы с моей стороны самой черной неблагодарностью. Да и само назначение меня полномочным послом я должен считать за милость, но предчувствую, что из Персии живым не возвра-*

щусь».

Из уцелевших писем и путевых заметок Грибоедова становится ясно, что мрачные мысли постоянно преследовали его. Проводя в Персии колониальную политику России, разделившей азербайджанскую землю, Грибоедов прекрасно знал, что не далек тот день когда он окажется жертвой своей же коварной политики. Направляясь в Персию во второй раз, он подвергал себя крайней опасности.

25 апреля, в день когда был издан Указ императора о назначении Грибоедова послом в Персию, Александр Сергеевич во время беседы с другом Андреем Жандром сказал: *«До свидания, Андрей. Я назначен послом в Иран. За это назначение меня поздравлять не стоит. Мы более не увидимся».*

По дороге в Персию, Грибоедов встретился в Москве со своим другом Степаном Бегичевым. Последний, вспоминая про ту встречу, пишет, что Грибоедов был мрачным: *«Почему без настроения? - спросил я. Он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал: «Прощай, брат Степан, вряд ли, мы с тобою увидимся... Я знаю персиян, Аллахяр хан мой злейший враг, он меня уходит. Не подарит он мне заключенного с персиянами мира. Видишь, живым я не выйду оттуда. Над моей головой витает тяжелый туман атмосферы Кюхельбекера».*

А вот что написал о своей встрече с Грибоедовым великий русский поэт А.С.Пушкин: *«Я в прошлом году в Петербурге увиделся с Грибоедовым до поездки в Персию. Он что-то чувствовал, ему было плохо. Я хотел его утешить, он сказал мне, что вы еще этих людей (персов) не знаете. Увидите, все это кончится кровью. Там меня ждет смерть. Чувствую, что больше Россию не увижу. К сожалению, чувства не обманули Грибоедова».*

А в беседе с Ксенофонтом Полевым Грибоедов сказал: *«Новая поездка в Иран меня очень огорчает. Я больше не*

хочу видаться со старыми знакомыми, особенно с зятем шаха Аллахяр ханом».

После заключения Туркменчайского договора Аллахяр хан питал ярую ненависть к русским, особенно к Грибоедову. Во время встречи с секретарем Британского посольства в Тебризе капитаном Джоном Кемпбелом тот, точно предупреждая Грибоедова, сказал: *«Берегите себя, мусульмане не простят вам Туркменчайский договор»*.

Современник Грибоедова, известный востоковед Адольф Берже открыто писал, что *«посол, взявший под покровительство армянина Якова Маркаряна и некоторых других армян, восстановил тем самым против себя шаха и всю дворцовую знать. Это стало причиной его трагической смерти»*.

Большинство иранских исследователей того периода отрицали политическую подоплеку нападения на русское посольство. Ахмед Таги Бахшы, Аббас Эгбал, Али Акбар Бина считают, что русский посол сам виновен в своей смерти. К примеру, историк Абдул Рази отмечает: *«Грибоедов стал жертвой своей чрезмерной гордости и высокомерия»*, а Шафи Джавади пишет: *«Грибоедов сам был виноват в гибели»*.

О смерти Грибоедова и нападении на русское посольство написаны сотни научных, публицистических работ и художественных произведений. Авторы некоторых, тенденциозно написанных произведений, виновниками гибели посла считают дворцовую знать и азербайджанцев, особенно род Каджаров. Такого мнения придерживается, к примеру, Людмила Назарова, издавшая через 126 лет после смерти посла книгу *«Грибоедов»*. Основываясь на беседе с неким князем Сулейман ханом Меликовым (Меликян), она пишет: *«Из всего персонала русского посольства остался живым только один человек — первый секретарь Мальцев. Информация о трагической смерти Грибоедова, обвинение его самого в случившемся, все это было получено из ложных*

рассказов Мальцева. Это не только предательски покинувший посольство в опасный момент первый секретарь, но и прячущий чисто политический в истории международных отношений и невиданный террористический акт, что удовлетворяет персидских аристократов. Описывающие настоящий смысл событий воспоминания Мальцева были приняты и царским государством. Продолжающий войну с Турцией император Николай I не рискнул начать войну с Ираном».

Возникает вопрос, на какие достоверные источники и свидетелей-очевидцев тех событий опирается Людмила Назарова, называя Мальцева обманщиком и беглецом?

Арменин Амбарцум пишет: *«Я сказал Грибоедову, чтобы он через дымоход печи залез на крышу. Посол залез на крышу и сделал выстрел в сторону собравшихся у посольства. Нескольких убил и ранил. Я же сражался у двери. Был ранен в голову, упал»*.

В свою очередь Мальцев, опровергая слова Амбарцума, пишет: *«На самом деле, на какой должности в посольстве был Амбарцум, никто не знал. Этот негодный человек везде совал свой нос и лез во все дела. После того, как стих мятеж, стало ясно, что во время события Амбарцум лег среди трупов и притворился мертвым. Живой Амбарцум, быстро прибыв в Тебриз, сделал себе поддельные документы, от русского государства получал 120 голландских червонцев пенсии»*.

Армянский исследователь Грибоедова Борис Балаян в монографии *«Кровь за «Шах» алмаз»* виноватым в этом событии считает потомков Гаджар. По его мнению, потомки Каджаров убили Грибоедова за то, что он пытался соединить Южную Армению с Россией. И это еще одно свидетельство о наглых притязаниях армян и мифе «Великая Армения».

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПРИНЦА

«Шах» - один из самых крупных и редчайших по красоте алмазов мира (масса 88 каратов), подаренная Фатали шахом российскому императору Николаю I в знак искупления вины за смерть посла А.С.Грибоедова.

Обезопасив сына от возможного покушения на него армян в Тифлисе, Фатали шах решил послать подарок русскому императору с внуком, принцем Хосровом Мирзой. Последний был сыном наследника престола Аббаса Мирзы от служанки Хырда ханум. Шестнадцатилетнего Хосрова Мирзу шах считал незаконным потомком и, по его мнению, в далеком пути от Тегерана до Петербурга, чтобы там с ним не случилось, Каджаровский род ничего не потеряет.

В конце апреля 1829 года принц Хосров Мирза с посольской миссией в 140 человек отправился из Тегерана в Тифлис, куда прибыл 15 мая. Состав миссии был внушительным: учитель Хосрова Мирзы - поэт Фазиль хан Шейда, историк Мирза Мустафа хан Афшар, гражданский советник, переводчик Мирза Магсуд Амире-Низам, личный телохранитель принца Эхташам, занимающий высокое звание во дворце Мирза Мухаммедтаги Фярахани, группа врачей, казначей, ювелир, повар, кавалеристы и др.

Написание путевых заметок было поручено секретарю принца Мустафе хану Афшару. Подающий большие надежды он пользовался особым уважением при шахском дворе: в совершенстве владел русским языком, был сторонником распространения в Иране европейской и русской культуры.

В Тифлисе делегация побывала в достопримечательных местах города, посетила ряд учреждений. Мустафа хана Аф-

шара больше интересовало состояние дел в области просвещения, культуры и экономики, нежели официальные приемы и визиты. В произведении «Путешествие Хосрова Мирзы» он с болью в сердце писал об отсутствии у детей своих единокверцев возможности получения образования в светских школах: *«Здесь - в Тифлисе, кроме бесплатного обучения, дети обеспечены бесплатным питанием, одеждой и спокойным местожительством. Государство воспитывает и обучает их как своих родных. Даже не верится, что эти счастливые и веселые дети - братья тех мусульманских детей по ту сторону Араза, которые в поисках пропитания с утра до позднего вечера копошатся в мусоре, попрошайничают у ворот мечетей, на базарах. Этим голодным и больным детям и не снятся, что такое книга, уроки и школа. Убедить иранца в том, что в Тифлисе для мусульманских детей есть такая школа, - задача не из легких».*

В Тифлисе принц встретился с известным аристократом Мирзой Садыхом и внучкой карабахского хана Азад Бейим ханум.

После восьмидневного пребывания миссии в Тифлисе, наместник Кавказа И.Ф.Паскевич организовал 23 мая торжественные проводы Хосрова Мирзы. Принц подарил ему арабского скакуна, а его супруге - *Елизавете Алексеевне (двоюродной сестре Грибоедова - Авт.)* - две дорогие шали, сыну - избранные труды Саади Ширази.

Для безопасного прохождения по Военно-Грузинской дороге И.Ф.Паскевич выделил Хосрову Мирзе отряд из двенадцати казаков. С российской стороны миссию сопровождал генерал-майор П.Ю.Реннекамф. На сложных для передвижения ущельях Дарьял и Ларс посольство несколько раз подвергалось нападению горцев. Мирза Мустафа хан Афшар пишет, что *«при нападении горцев, после первого выстрела принц пересел с экипажа на коня и стал сражаться как бес-*

страшный боец. Все, особенно казаки, были поражены его храбростью».

Не только иранский историк, но и автор посвященного Грибоедову исторического романа «Убийство посла» Юрий Тынянов в своих описаниях представляют принца как умного дипломата и бесстрашного воина. В 1829 году, повстречавший во время путешествия по Эрзеруму принца А.С.Пушкин написал: *«В Пайсануре остановился я для перемены лошадей. Тут я встретил русского офицера, провожающего персидского принца... В полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозров-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул со своей коляски и кивнул мне головою. Несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище».*

Интересной была и другая встреча А.С.Пушкина с нашим соотечественником (24 мая 1829 г.). Дворцовый поэт Фазиль хан Шейда устыдил Пушкина своей тактичностью и высокой культурой поведения. Об этом Александр Сергеевич упоминает в своих записках «Путешествие в Эрзерум»: *«Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамest экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазиль хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазиль хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он ждал, что знаком-*

ство наше будет непродолжительно и пр.» Со стыдом я принужден был оставить шутливо-важный тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по бараньей папахе и по крашеным ногтям».

Азербайджанский поэт Фазиль хан Шейда произвел довольно приятное впечатление на Александра Сергеевича. Пребывая под этими впечатлениями, на почтовой станции Коби Пушкин пишет стихотворение:

*Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы... имена.
Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след ...
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.*

К сожалению, в трудах А.С.Пушкина, как и в других русскоязычных источниках азербайджанский поэт Фазиль хан Шейда и принц Хосров Мирза Каджар представлены как персы.

Фазиль хан Шейда родился в 1784 году в Тебризе. Учился он сначала у своего отца Мамеда Гусейна, потом у шейха Абдуллы и, наконец, у известного тебризского муштехиды Мирзы Ахмеда. «Назначая себя к духовному званию, он ревностно изучал арабский язык, но тревожный призыв поэзии отвлекал его от сухого учения мусульманских богословов, стих невольно вплетался в метафизические богохваления. Наконец, при занятии Тебриза русскими войсками, одно незначущее обстоятельство решило его разрыв с духовен-

ством. Пораженный подвижностью преданности многих персидских вельмож, которые раболепно льстили прежде Аббасу Мирзе, - а потом первые предались, заклеили их имена едкими стихами сатиры, имевшей большой успех в народе, но принудившей его бежать из Тебриза.

В изодранной шубе и с легкой ношею таланта и знания отправился он в Дех-Арган, где в это время Аббас Мирза вел переговоры о мире с князем фельдмаршалом Паскевичем. Здесь он скоро сблизился с некоторыми из мусульман, и полковник Аббас Кулу ага Бакиханов имел честь представить его князю Паскевичу, удостоившему его самым благосклонным приемом. Вместе с тем он понравился и Аббасу Мирзе, который скоро оценил его редкие познания в персидской и арабской литературе и назначил его учителем к принцу Хосрову Мирзе. Когда Хосров Мирза отправили к высочайшему двору в Петербург, Фазиль хан был помещен в его свиту в качестве придворного поэта» (газета «Кавказ». 1852, № 49)

О пребывании принца Хосрова Мирзы и поэта Фазиль хана в Петербурге очень интересные сведения сообщает в своих воспоминаниях О.А.Пржелищавский («Русская старина». 1883, август). По словам мемуариста, Фазиль хан вел в Петербурге вместе с принцем очень широкую жизнь, «влюблялся в разных петербургских барышень и писал в альбом стихи на своем языке».

Из петербургских знакомых Фазиль хана особенно интересна его связь с графом Д.И.Хвостовым. В «Невском Альманахе» за 1830 год было напечатано «Послание гр. Хвостова к Фазиль хану Шейда по случаю воздухоплавания Робертсона, на котором автору случилось быть с персидским поэтом». Во время пребывания в Петербурге, поэт посвятил оду Николаю I.

По возвращении в Иран Фазиль хану часто изменяло

счастье и он, после многих злоключений и неприятностей, созданных ему благодаря визирю Мамед шаха Мирзе Гаджи Агасы, бежал «морем в Баку, откуда он и прибыл в Тифлис при генерале Головине. Здесь вначале терпел он большую нужду, но потом по временам получал вспомоществование от казны... В 1846 году ездил с Н.Ханыковым, в качестве переводчика, в Трабизон, а в 1847 году, привлеки на себя благосклонное внимание князя-наместника, был назначен учителем мусульманского курса в здешнее Тифлисское шиитское училище и в этой должности оставался до смерти».

Не смирившись с шахским режимом, в 1844 году поэт покидает родину своих предков и находит пристанище в Тифлисе. Здесь он работает в «Школе Али», поддерживает творческие связи с М.Ф.Ахундзаде, М.Ш.Вазехом, известным востоковедом Н.Ханыковым.

Вот, что говорится в сообщении газеты «Кавказ» об открытии 12 декабря 1847 года первого «татарского» училища в Тифлисе: «По прочтении учителем русского языка Г.Григорьевым высочайшего позволения об открытии училища и утверждении устава и штата его, тут же переведенного на татарский язык учителем мусульманского курса Фазиль ханом, здешний шейх-уль-ислам Ахунд Мола Мухаммед прочел на персидском языке хутбу, после того Мирза Фазиль хан произнес хутбу на арабском языке»

«Фазиль-хан отличался большим трудолюбием и чрезвычайной легкостью редакции на персидском, арабском и турецком языках, - замечает далее Ханыков в своем некрологе, - кроме множества стихов он оставил в более или менее отделанном виде «Выбор Хадисов», «Толкование трудных мест Корана», «Основания арабского языка», «Персидскую грамматику» и «Мусульманский катехизис на турецко-азербайджанском наречии», принятый за руководство в здешних шиитских школах».

Фазиль хан Шейда скончался в Тифлисе 1 марта 1852 года.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Побыв несколько дней в Тифлисе, посольство принца Хосрова Мирзы прибыло в Пятигорск, где познакомилось с чудными свойствами Кавказских минеральных вод. В честь приезда высокого гостя на горе Машук соорудили специальный памятник-монумент, на котором по предложению принца высекли слова великого поэта Саади Ширази:

*Брат! Этот мир никому не останется!
Привяжись сердцем к создателю мира*

*Не полагайся на мирское царство, за спиною которого
Рождено и убито много лиц, подобных тебе!*

*Слава доброго дела, оставленная человеком,
Лучше, чем оставшийся дворец золотой.*

**Начертал покорный Хосров Мирза.
1244 год хиджры**

Всюду, где только не побывал высокий гость - в Ставрополе, Новочеркасске, Воронеже, Рязани - ему был оказан торжественный прием. Таков был приказ императора Николая I, желавшего продемонстрировать персам, что русские не злопамятны и быстро забывают обиду.

В Новогорске специальный вестовой шаха, догнав посольскую миссию, передал принцу личное письмо Фатали шаха императору Николаю I. Через шесть недель миссия прибыла в подмосковное село Коломну. Отсюда их в Москву сопровождал выделенный императором специальный конвой

конного полка.

Торжественная встреча высокого гостя состоялась у Серпуховских ворот, на Тверском бульваре в Москве, под звуки императорского оркестра и орудийных залпов. Затем гостей проводили до особняка графини Разумовской, который предназначался для принца и его свиты в качестве резиденции в дни пребывания на московской земле.

На встречу с принцем в Москву прибыли известные аристократы, купцы, во главе с генерал-губернатором города князем Голицыным. Князь поздравил принца с благополучным прибытием в Москву и вручил ему дорогой подарок.

В Москве помимо Кремлевского дворца, Оружейной палаты, Большого театра он посетил Университет, кадетский корпус, архив коллегии иностранных дел и т. д. После непродолжительного отдыха принц изъявил желание нанести визит к матери А.С.Грибоедова Настасье Федоровне. Принц просил прощения за смерть сына от имени своего народа. Из агентурных записок, представленных в III отделение Бенкендорфа: «Она никак не ожидала Его приезда! Свидание их было, как сказывают, очень чувствительно и интересно, разумеется, она как мать не могла быть равнодушною, увидя единоплеменника народа, который лишил ее сына. Принц со слезами у нее просил за них прощения ее, чтоб она сказала ему, в чем он может ей быть полезен, жал ей долго руку и в это время слезы катились по лицу Его».

Этот поступок принца вызвал сочувствие и понимание в обществе и расположил москвичей к нему. Природная статья Хосрова Мирзы, его добродушие и порядочность очаровали высокопоставленных московских аристократов. Бытовавшее до этого нелестное мнение графов и графинь, князей и княгинь о восточном воине изменилось.

Несколько дней принц знакомился с достопримечательностями города. 4 августа 1829 года он прибыл в Петербург.

Несмотря на прослужившие многие лет в государственных архивах Грузии и дореволюционных исторических произведениях сохранились интересные материалы о путешествии принца Хосрова Мирзы в Петербург. Но наиболее реальны воспоминания, описанные участником этого путешествия, историком Мирзой Мустафа ханом Афшаром. Вот как описал встречу наследного принца Хосрова Мирзы с императором Николаем I: *«В Петербурге наше посольство остановилось в Таврическом дворце. На день раньше, до официальной встречи с императором, на прием к принцу пришел генерал-адъютант граф Сухотелин. Он попросил Хосрова Мирзу написать текст речи, с которым тот должен был выступить на приеме у императора. Личный сопровождающий принца Эйташам и гражданский секретарь-переводчик Мирза Магсуд вместе приготовили выступление, перевели его на французский язык и передали генералу Сухотелину. Генерал сказал, что это торжественное выступление на много смягчит вину Ирана».*

Граф Сухотелин, получив в 10 часов личный приказ царя, отправился в Таврический дворец и от имени российского императора пригласил персидского посла на аудиенцию. Принц и его свита сели в присланные кареты, и парадное шествие началось.

Шел мелкий дождь. Процессию открывали 300 конно-гвардейцев в медных и позолоченных доспехах и касках, с обнаженными палашами, распущенным штандартом, играющими трубами и литаврами. Они ехали верхом на вороных конях. Далее шествовали берейторы и конюхи в парадных статс-ливреях, ведя на поводу дюжину отборных коней в богатых уборах. Следом вереницей двигались семь четырехместных карет со свитой принца. За ними шли парами 36 дворцовых слуг, и ехала золоченая карета с гнедым

цугом, в которой сидел персидский принц и предводитель граф Сухотелин. Почетный конвой окружал посольскую карету, близ которой ехал верхом переводчик Шаумбург в парадном мундире. Замыкали процессию 300 кавалергардов в медных и позолоченных доспехах и касках, на гнедых конях.

Привлекая внимание, длинная процессия проследовала по Литейной и Пантелеймоновской улицам. Из-за дождика только центральные улицы, по которым проезжал принц, были полны народом. Многие люди выглядывали из открытых окон домов и стояли на балконах. Свернув на Малую Миллионную улицу кортеж проехал под огромной триумфальной Аркой Главного штаба и выехал на мощеную камнем Дворцовую площадь, через центр которой двинулся к желтому Зимнему дворцу.

Император, получив от обер-камергера графа Литта известие о прибытии персидского посла, повелел проводить его до дверей Тронного зала. Следуя между шеренгами лейб-гвардии, принц Хосров Мирза и свита прошли вначале через залы, где собрались именитое купечество первых двух гильдий и старшие армейские офицеры.

Принц бережно нес в руке шахскую грамоту в драгоценном футляре с печатью. Этот ценный документ, действительно, стоил больших усилий. С правой стороны Принца шел обер-гофмаршал Нарышкин, а с левой - предводитель Сухотелин. За послом попарно двигались Мамед хан, Мирза Масуд, Мирза Сале и Мирза Баба, адъютант Семино и переводчик Шаумбург. Остальные члены свиты принца остались в Концертном зале. Во всех залах дворца, где проходил персидский посол, ему отворялись обе половины больших тяжелых дверей. Процессия была остановлена в Военной галерее у закрытых дверей Георгиевского зала.

К этому времени в Георгиевском тронном зале собрался весь высший свет России. Император и императрица встали

перед последней ступенью трона, как символ снисхождения, а цесаревич и великие княжны со статс-дамами взойшли на особый помост с балюстрадой, справа от трона. Поблизости от государя находились министр Императорского двора князь П.М.Волконский, вице-канцлер граф К.В.Нессельроде и дежурный генерал-адъютант П.А.Клейнмихель. Справа от трона стояли члены Государственного Совета и Сената, Главный штаб, наличный генералитет и старшие офицеры гвардии. С левой стороны трона находился Дипломатический корпус, весь Двор, персоны первых четырех классов. На хорах зала стояли дамы разных классов.

Обер-камергер граф Ю.П.Литта в парадном мундире вышел в центр зала.

Стало тихо. Ударами длинного жезла и громовым, как иерихонская труба, голосом он объявил: «Посол Его Величества персидского шаха, принц Хосров Мирза».

Тяжелые дубовые половины главных дверей, украшенных золоченым декором, бесшумно распахнулись. Сопровождаемый придворными принц Хосров Мирза со свитой вступил в Георгиевский зал. Чины двора, сопровождающие посла, сразу отошли вправо и встали вместе с другими придворными.

Войдя в зал, принц и его свита сделали у дверей первый низкий поклон и посреди зала - второй. Здесь особы персидской свиты замерли на все время аудиенции и, почтительно опустив головы, «превратились в слух». Все персы, кроме офицера Семино, были в длинных богатых одеяниях из узорчатого индийского кашемира, с каракулевыми колпаками на головах. Далее Хосров Мирза отделился от своей свиты и, пройдя несколько шагов к императорской чете, отвесил особо глубокий, по-восточному почтительный поклон.

Двери залов дворца были широко открыты, чтобы всем присутствующим на аудиенции, а их было около 5 тысяч че-

ловек, были слышны извинения посланца Персии. В наступившей тишине принц, стараясь не смотреть на императора, начал громко читать свою извинительную речь от имени персидского шаха на родном языке. Он читал с видимым волнением. Гортанные непонятные иноземные звуки наполняли все пространство Георгиевского тронного зала и через широко открытые двери уносились в соседние залы дворца. Застывший, как величественная статуя, император спокойно и, почти не мигая, пристально смотрел на персидского принца. Когда Хосров Мирза закончил свою речь, глава азиатского департамента К.Родофиникин громко зачитал ее перевод, подготовленный вместе с Сухотелиным (последний хорошо знал персидский и азербайджанский языки, которые изучил за долгие годы пребывания на военной службе в Иране):

«Могущественный Государь Император! Спокойствие Персии и священный союз между Вашим Императорским Величеством и великим обладателем Персии, дражайшим моим повелителем и дедом, были противны духу зла. Он воздвиг в Тегеране толпу неистовую, совершившую в начале текущего года неслыханное злодеяние, жертвой которого стала российская миссия. Такое злополучное происшествие покрыло глубоким мраком скорби весь наш дом и всех его верноподданных. Ужаснулось праведное сердце Фетх-Али-шаха при мысли, что горсть злодеев может нарушить мирные и союзные отношения между Его Высочеством и Великим Государем России. Он повелел мне, внуку своему, поспешить в столицу Вашей державы. Он уверен, что глас мой, глас правды, обратит на себя милостивое внимание Вашего Императорского Величества и сделает дружбу между двумя величайшими и могущественнейшими государями мира - незыблемой. О сем мне поручено именем могущественного моего повелителя просить об этом Вас, Великий Государь, предать вечному забвению происшествие,

оскорбившее равно двор российский, как и двор персидский. Пусть познает Вселенная, что и при сем самом ужасном случае два мудрых монарха откровенно объяснились и все недоумения и подозрения исчезли, всему положен возжеланный конец. Наконец я, избранный для ходатайства по сему важному обстоятельству, признаю себя достигшим высочайшего счастья, удостоясь предстать перед Вашим Императорским Величеством и, исполнив волю прародителя моего, утвердить навеки доброе согласие между двумя народами, коих само Провидение ведет к взаимной непоколебимой дружбе».

Послание заканчивалось четверостишьем шейха Саади:

Пришла пора опять скрепить
Союз приязни снисхожденьем -
И все минувшее затмить
Благотворительным забвеньем.

По прочтении перевода, принц Хосров Мирза почтительно подошел к ступеням трона и с поклоном подал двумя руками царю извинительную грамоту шаха. Император принял ее и передал вице-канцлеру. Граф Нессельроде осторожно принял от государя грамоту и бережно положил ее на небольшой стол, покрытый малиновым бархатом с золотым галуном. Затем, с этого же столика, он взял папку с приготовленным кратким ответом послу от Высочайшего имени и прочитал его с легким акцентом: «Его Императорское Величество повелевает мне уверить ваше высочество в том совершенном удовольствии, с каким он внимал объяснениям вашим и изъяснению праведного сетования от лица Вашего Государя. Движимый чувствами великодушными, Его Величество Шах не мог, конечно, без ужаса взирать на злодейство, имевшее целью расторжение дружественных связей

между двумя державами, еще недавно примирившимися. Он ознаменовал сие Посольством вашим, долженствующим рассеять всякую тень, которая могла бы помрачить взаимные сношения России с Персией после происшествия столь плачевного. Да будет уверение это принесено вами Его Величеству Шаху: да будет он убежден вами в непоколебимой воле Его Императорского Величества всегда сохранять мир и утверждать узы дружбы и соседского согласия, благополучно возобновленные в Туркманчае. Избрание вашего высочества для этих изъяснений крайне приятно Государю Императору. В этом вы благоволите удостоверить теми чувствами, которые теперь изъявлены мною от имени Всемилостивейшего моего Государя».

В знак дружбы император объявил о том, что отказывается от девятого курура контрибуции и на пять лет откладывает уплату десятого курура (один персидский курур равен двум миллионам русских рублей серебром), которые Персия должна была платить России по условиям Туркменчайского договора.

Затем этот ответ был прочтен Мирза Масудом по-персидски. Потом, отступая от утвержденной процедуры, царь вышел из-под балдахина трона, подошел к Хосрову Мирзе и, подав принцу правую руку, неожиданно звонким голосом, близким к тенору, сказал скороговоркой: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Большая и жесткая ладонь российского императора довольно сильно, но осторожно пожала небольшую и пухлую ручку персидского принца. Таким образом могущественный император России всепрощением ответил на злодейское убийство своего полномочного министра.

Затем слово было предоставлено поэтам двух государств. Дворцовый поэт, граф Дмитрий Хвостов (1757-1835), поклонившись принцу Хосрову Мирзе, прочел стихотворение

«Внуку правителя Востока», написанное в его честь:

*«Не умолчит правдивое потомство
Высоких душ прямое благородство
И огласит, остепеня молву,
Что внук царей державного Востока,
Едва узрел седмьхолмную Москву,
Средь быстрого любви и чувств потока,
Искал в ней мать-печальную жену,
И лет числом и горем удрученну.
Он, оценив потерю драгоценну,
С родившею тоски ее вину,
О сыне скорбь, рыданье разделяет
И слез поток, состраждя, отирает.*

Граф Хвостов

10 августа 1829 г.»

Хвалебную оду в адрес русского престола зачитал и азербайджанский поэт Фазиль хан Шейда.

Таким образом была предотвращена новая война между Россией и Ираном.

Вот как описал принца Хосрова Мирзу журнал «Русская старина»: «Принц был среднего роста, строен, имел очаровательные глаза и необыкновенную приятную улыбку; обладал живостью в разговоре, и был замечательно приветлив в обхождении».

- Ого, принц, какой гордый, скорее самодовольный, - с намеком сказал граф Алексей Чечурин.

- Дорогой, видимо вы не хорошо знаете восточных людей. Ведь он принц, хоть он вам показался гордым, он очень умный и тактичный человек. И еще, чему удивляетесь? В на-

стоящее время властелинами Персии являются Каджары, а он из представителей этого знатного рода. Я думаю, любому нашему графу, князю далеко ему в благородности.

- Будьте добры, откуда у вас такая благосклонность к принцу, сударыня?

- Мне повезло с ним увидеться на бале, удалось потанцевать во дворце Потоцкого... Особенно меня очаровали его тактичность, восточное добродушие.

- Ого, сударыня, Вы очарованы им. Вернее, вы влюбились в принца. Это мое мнение, наверное...

Графиня Ольга Лихерева, играя нежным всером, нежно сказала:

- Верно нашли граф, с тех пор как я его увидела, мой дух плывет в небесах с ангелами. Во сне вижу таинственный восточный пейзаж. Вижу сказочный дворец, слуги, служанки и их властитель принц Хосров Мирза со мной. Ах, лишь бы мучающая меня тоска сбылась...

Она приняла вид бедного, несчастного человека.

- Не мучайте себя, сударыня, эта любовь не сбудется. Не забывайте, что на совести принца кровь нашего любимого поэта Александра Сергеевича Грибоедова...

- Граф, принц не провокатор как армянин, чтобы напрасно пачкать руки кровью. Все аристократы дворца, вся Россия знает, что виновником напрасно пролитой крови, вернее, виновниками трагической смерти Грибоедова были казначей шахского дворца Яков Маркарян и штабс-капитан Мелик Шахназарян. Ради Бога, прошу вас, граф, не говорите при мне плохо о принце. Вы сами свидетель, как торжественно принял его сам император. Все вины Ирана он ему простил.

- А принц взамен подарил России один из драгоценных бриллиантов мира.

- Вы видите холодный алмаз как музейный экспонат и не замечаете красоту принца. Какой вы бессердечный, - сказала

графиня Ольга Лихерева и медленно удалилась от собеседника...

Из исторических документов, воспоминаний современников становится ясно, что принц Хосров Мирза Каджар, несмотря на свой юный возраст, был достаточно эрудированным и талантливым в областях литературы, истории и музыки.

Великий русский композитор Михаил Глинка использовал мотивы азербайджанской народной песни «Qalanın dibində» в опере «Руслан и Людмила». В частности, он отмечает: *«Осенью того же года (1829 г.) у Штерича я услышал персидскую песню, спетую секретарем министра иностранных дел Хозрева Мирзы. Этот мотив послужил мне для хора «Ложится в поле мрак ночной» в опере «Руслан и Людмила»»* (М.И. Глинка «Литературное наследие» художественные мемуары. Москва, 1952 г., т. 1, стр. 112 и 416).

Находившийся до 18 октября 1829 года в Петербурге принц Хосров Мирза Каджар был с любовью и почетом принят в высших кругах.

В начале 1830 года принц прибыл в Тифлис, откуда благополучно вернулся в Персию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕРСИЮ

Обратный путь принца на родину пролегал через Карабах. По приказу кавказского наместника, Шекинские, Ширванские и Карабахские беки, ханы, агалары выходили встречать принца. Расквартированный в Тертере мусульманский (азербайджанский) кавалерийский полк сопровождал принца до границ Гянджинского ханства.

Супруга известного просветителя Гасан бека Зардаби Ганифа ханум Меликова в своих воспоминаниях пишет: «Дядя Гасан бека, Рагим бек вместе с другими знатными людьми Ширвана был в числе тех, кто встречал возвращающегося из

Петербурга принца Ирана Хосрова Мирзу. Рагим бек, увидев разодетого в дорогой атлас, разукрашенного драгоценными камнями принца, сказал рядом стоящему беку: «Я бы надел на этого принца короткий бешмет, посадил его на неоседланного коня и отправил его изучать управляемое им государство. Вот тогда он стал бы настоящим шахом».

15 февраля 1830 года Хосров Мирза вернулся в Тегеран и был благосклонно принят дедом Фатали шахом. Принц передал шаху грамоту императора России Николая I.

Познакомившись с содержанием письма императора, Фатали шах приказал немедленно созвать собрание, дабы «вслух его зачитать» придворной шахской знати. В коротком письме император писал: *«Мне приятно, что Хозрев-Мирза был избран вашим величеством для укрепления союза Персии с Россией. Похвальные качества его в непродолжительное пребывание в России приобрели ему не только Мое благоволение, но и любовь всеобщую. Я поздравляю вас, державный государь, со внуком, подающим блестящие надежды: он явился здесь достойным сыном любимого вами наследника вашего. В заключении я долгом считаю поручить Хозрев-Мирзу особенному вниманию и милостям вашего величества»*.

В одночасье разнеслась по государству слава юного принца Хосрова Мирзы, предотвратившего новую войну между Персией и Россией. Выросла популярность его среди простого народа.

После успешного визита в Петербург, Фатали шах стал относиться к принцу уже как к полноправному представителю Каджаровского рода. Но больше других успехи принца радовали его отца, наследника престола Аббаса Мирзу.

В 1831 году Хосров Мирза стал самостоятельным правителем города Кирман, а затем – Ак-Дербента. У него были все шансы занять высокое положение в государстве. Однако судьбе угодно было распорядиться иначе. В 1833 году скончался его отец, наследник шахского трона Аббас Мирза. Через год не стало и Фатали шаха. На престол взошел его

внук Мамед Мирза. И как часто случается на Востоке, окружению удалось убедить молодого, неопытного шаха, что брат Хосров Мирза с другим братом Джахангиром плетет интриги с целью завладения престолом. В 1834 году по приказу Мамед Мирзы оба брата были ослеплены и поселены в местечке вблизи Хамадана.

Принц Хосров Мирза умер в 1875 году, на шестьдесят третьем году жизни, на 27 лет пережив брата Мамед Мирзу шаха. Его с почестями похоронили в Кербале. После него остались сын Мухаммедали Мирза и дочь Шукрия Афаг, известная своей красотой на всем Востоке.

Сын наследника престола Ирана Аббаса Мирзы от невольницы Хырда ханум принц Хосров Мирза Каджар оставил заметный след в истории русско-иранских отношений, его имя с благодарностью и уважением произносилось во все времена.

В 1869 году, через сорок лет после его посещения России, русская графиня и писательница А.Д.Блудова написала: *«Принц Хосров Мирза действительно был красивым юношей. Его ум и внешний вид очаровывали человека. С тех пор прошло 40 лет, но я не могу забыть этого черноглазого привлекательного принца».*

Подполковник принц Аликулу Мирза Бахман
Мирза оглы Каджар (1854-1905)

Генералы - сыны династии Каджар

Фатали шах Каджар (1766-1834)

Наследник Фатали шаха
принц Аббас Мирза Каджар
(1789-1833)

Cabinet Portrait.

Ага Мухаммед шах
Мухаммед Гасан
хан оглы Каджар
(1741-1797)

Принц Бахман
Мирза Каджар
(1811-1884)

شیخ صاحب خیر علی آذربایجان کرمانی میرزا ابوالفتح آصفی همدانی

Поэт Фазил хан Шейда (1792-1852)
Родился в Тебризе, скончался в воз-
расте 60 лет в Тифлисе

К. Ханов, портрет 3. 1. 18

Генерал принц Рзакулу
Мирза Бахман Мирза оглы-
Каджар (1837-1894)

Генерал принц Амир Кязым
Мирза Бахман Мирза оглы
Каджар (1853-1920)

Правители Ирана из династии Каджаров,
правили в период с 1796 по 1925 год

نادرشاه قاجار و کریم خان زند و تمامه سلطان قاجار
السلطان

Шах Ирана Фатали шах и придворные 1829-ый год

*Генерал-майор
Аманулла хан Мирза Каджар
(1857-1937)*

*Генерал-майор Фейзулла
Шафи хан оглы Каджар
(1872-1920)*

*Принц генерал Кямран
Мирза Каджар (1855-1928)*

*Генерал Гасан хан Каджар
(? - 1855)*

Генералы - жертвы 37-го

Принц Хосров Мирза Каджар
(1813-1875)

Комиссар Гейдар Садыг бек оглы Везиров
(1893-1937)

*Комиссар Гейдар Садыг бек оглы Везиров
вместе с супругой Лейла ханум (1898-1938)*

*Впереди генерал-майор Гамбай Везиров (1899-1937)
1-ый справа полковник Муртуз Талыбзаде (1902-1937)*

*Генерал-майор Гамбай
Мамед оглы Везиров
(1899-1937)*

*2-ой справа генерал
Гамбай Везиров (1899-1937),
3-ий полковник Муртуз Талыбзаде
(1902-1937) Гаджикенд
13-е сентября 1928 года*

*Джамшид хан Джафаркулу
хан оглы Нахичеванский
(09.08.1895-26.08.1938)*

1922-ой год, 2-ой ряд, 4-ый слева Джамшид хан Нахичеванский

*Джамшид хан Нахичеванский
1930 год*

*Мать Джамшида хана Нахичеванского Фярянтадж ханум вместе со своими детьми. Фотография сделано в 1898-ом году.
Джамшид снизу, слева первый, сидит на подушке*

Джамшид хан Нахичеванский

Джамшид хан Нахичеванский

Генерал Абдулгамид бек Гайтабаши

*1918-ой год 27 сентября.
Еленендорф. Генерал-майор
Абдулгамид бек Гайтабаши
(1884-1920)*

*Подполковник Шариф бек
Гайтабаши, (19.04.1835-?)
отец Абдулгамид бека*

Первый справа Абдугамид бек Гайтабаши,
его брат, сестры и мать

Удостоверение № 97

Предъявитель сего действитель-
но есть *ид. Дежурного*
Генерала Главного Штаба
азербайджанской Республики
Молловник Гайтабаши

что подписью и приложением
казенной печати удостоверяется

14. Декабря 1918 г.
Ахмедович Главного Штаба
Молловник Сали

ГЕНЕРАЛЫ - ЖЕРТВЫ 37-ГО...

Овладевшие полководческим искусством в мусаватской армии генералы Гамбай Везиров, Джамшид хан Нахичеванский, полковники Сейфулла Мехтиев, Муртуз Талыбзаде, Мамед Вейсов в тридцатые годы стремительно продвигались по служебной лестнице, командовали национальными полками и дивизиями.

Преданные Родине, обладавшие необыкновенным талантом наши высшие офицеры вышли из «шинели» таких знаменитых генералов как Самед бек Мехмандаров, Али ага Шихлинский, Мамед бек Сулкевич, Ибрагим ага Векилов, принц Эмир Кязым хан Каджар, Габиб бек Салимов.

Молниеносное возвышение азербайджанских военачальников стало причиной беспокойства в высших кругах советской империи. Чтобы уничтожить их, придумывались различные предлоги: пантюрист, мусаватский офицер, троцкист-зиновьевец и т.д. и т.п.

Началась массовая ссылка азербайджанских офицеров в Сибирь и на Соловецкие острова. Высокопоставленные офицеры - генералы были расстреляны в тюремных застенках. Национальные азербайджанские дивизии распущены.

В начале Великой Отечественной войны азербайджанские солдаты и офицеры, служившие в составе русских дивизий, подвергались неслыханным издевательствам, уничтожались. Тогда (в 1942 году) перед своей кончиной наш легендарный генерал Али ага Шихлинский выступил с предложением создать национальные дивизии.

Весьма прискорбно, что «хозяин республики» М.Багиров прозрел тогда, когда увидел, что для командования национальными дивизиями нет ни одного азербайджанского генерала, все расстреляны...

Меня давно волновала судьба наших военных деятелей,

безвинно арестованных и расстрелянных в тридцать седьмом году. В тот период с особой жестокостью уничтожались самые искусные полководцы, во время следствия их безжалостно истязали, заставляли наговаривать друг на друга. Ни в республике, ни в азербайджанской дивизии не существовало «контрреволюционной организации», однако следователям удалось получить клеветнические, ложные показания. Все это произошло в результате применения силы, бесчеловечных пыток и свирепого наказания.

Когда сыновья, дочери, спутницы жизни, дальние и близкие родственники репрессированных рассказывают об ужасных муках, которым подвергались наши офицеры, мне невольно вспоминаются слова Федора Достоевского: «Животное никогда не сможет стать таким жестоким как человек, не сможет так искусно и творчески совершать жестокости».

Дорогой читатель, если вы найдете время и прочтете эти заметки, то станете свидетелями непереносимых мучений и уничтожения наших достойных сыновей в военных мундирах.

В середине Самед ага Агамалы оглы, справа от него Гамбай Везиров, слева Алигейдар Караев справа во втором ряду первый в будущем генерал, курсант Гаджибаба Зейналов (1906-1969). Фотография сделана в 1921-ом году.

Генерал-майор Гамбай Везиров

*Если не дотронешься до огня,
То как ощутишь его тепло.*

Низами Гянджеви

В тридцать седьмом году, когда начались аресты среди высшего военного командного состава, командующий армией Ока Городовиков (1879 – 1960) сказал маршалу Семену Буденному:

- Семен, забирают всех подряд. Чем все это закончится?

Не теряя сдержанности, Буденный отвечает:

- Забирают не всех, а только умных. Ни тебя, ни меня это не касается...

Ознакомившись с этим эпизодом, вспомнил о невинных жертвах среди наших высших офицеров. Такими умными, даровитыми военачальниками были командир дивизии генерал-майор Гамбай Везиров, командир бригады Джамшид хан Нахичеванский, комиссары Гейдар Везиров, Джабир Алиев, полковники Сейфулла Мехтиев, Джалил Алиев, Муртуз Талыбзаде, комиссар Шамистан Эюбов и десятки других... Эти полководцы имеют неоценимые заслуги в подготовке национальных военных кадров в двадцатые-тридцатые годы, укреплении обороноспособности нашей Родины. Среди них особое место занимает Гамбай Везиров. Этот доблестный командир выходец из авторитетного рода Кенгерли из Нахичевана, давших военной истории Азербайджана пять отважных генералов.

Арестованный в тридцать восьмую весну своей жизни Гамбай Мамед оглы Везиров родился 19 августа 1899 года в армянском городе Гюмри (впоследствии Ленинакан). Окончив семилетку в Эриванской гимназии, Гамбай в 1918 году был мобилизован и шесть месяцев проработал в Турции. В

Фото - казютогла обвиняемого
Везирова Гамбая Мамед оглы,
п/д № 141
Суд. Дело № 13896/1.

1919 году, окончивший военное училище Гамбай, служит в национальной армии Азербайджанской Демократической Республики. С 1920 по 1922 год участвует в боях против дашнаков, ведущих борьбу против большевиков в Казахе, Джебраиле и Карабахе.

В чем же состояла вина Гамбая Везирова в тридцать седьмом году, добровольно перешедшего в большевистскую армию в 1920 году, удостоенного впоследствии высшего звания генерал-майора и занимавшего ответственную должность командира дивизии?

Архивные документы указывают, будто он являлся руководителем националистической контрреволюционно-террористической организации. Основная ее цель состояла в организации вооруженного мятежа в Бакинском гарнизоне 77-й дивизии с последующим отторжением Азербайджана от СССР.

Хоть и с опозданием, но история доказала лживость подобных обвинений. Но когда внимательно анализируешь, размышляешь, приходишь к выводу, что «вина» такого талантливое военачальника как Гамбай Везиров состоит в стремительном продвижении по служебной лестнице. Этого страшилось всякого рода отребье, внутренние враги, занимавшие важные посты. Ведь был период, когда Гамбай служил рядовым в мусаватской армии. К тому же, в те годы он непосредственно участвовал в уничтожении дашнакских элементов в Карабахе, Казахе. А теперь, в 1937 году ему мстил начальник пятого отдела УГБ НКВД Азербайджана Аванесян. Этот дашнак был инициатором ареста и выдвижения необоснованных обвинений против Гамбая Везирова.

Невольно чувствуешь боль в сердце, когда читаешь об эпизоде из статьи академика Зии Бунятова «Следственное дело номер 13896» о капитане Кеби Саниеве, репрессированном в тридцать седьмом году. 2 сентября 1955 года следователь Генеральной Прокуратуры СССР спрашивает у одного из подследственных:

Вопрос: - Скажите, применялись ли в отношении заключенных карательные меры в период вашей работы в НКВД Азербайджанской ССР?

Ответ: - Карательные меры (репрессии) в отношении заключенных применялись в возглавляемом мною отделе, но сейчас не могу сказать конкретно против кого. Помню, что били начальника политического отдела Азербайджанской дивизии Алиева Джабира. Другие фамилии не помню. Алиева избивали, чтобы он дал нужные показания следствию, показания о «контрреволюционном центре», управляемом Везириным, Ахундовым и другими.

Вопрос: - Вы знаете Гамбая Везирова?

Ответ: - Знаю. Он был командиром Азербайджанской дивизии. Был арестован нашим отделом. Его дело вел лично бывший начальник пятого отдела Аванесян. Во время допросов Гамбая Везирова сильно избивали. Его бил лично Аванесян при мне и других сотрудниках отдела. Аванесян хлестал Гамбая плеткой и требовал, чтобы он дал показания о возглавляемом им контрреволюционном террористическом центре. Вначале Гамбай не признавал себя виновным, затем подвергшись сильным избиениям принял вину на себя и дал нужные показания. Я не бил Везирова Гамбая, но еще раз говорю, что являюсь свидетелем избиения его Аванесяном.

Вопрос: - Были ли основательными арест и обвинение Везирова Гамбая?

Ответ: - В то время среди дел, о которых я знал, не было ничего достойного внимания. Все дела фабриковались после

допросов обвиняемых с применением пыток, и все эти дела были необъективными. В том числе дело Везирова Гамбая фабриковалось на ложных показаниях, полученных путем применения насилия и пыток в отношении его самого и арестованных лиц. Во время следствия заключенные не раз отказывались от своих показаний, однако их признания не принимались во внимание, не подшивались к делу. К делам подшивались только показания, выгодные следствию. Другие заявления и отказы арестованных никогда не подшивались к делам».

Был арестован не только Гамбай Везилов. Вместе с ним были подвергнуты аресту сорок человек из Азербайджанской дивизии, двадцать высокопоставленных азербайджанских офицеров военного комиссариата республики. Все они были расстреляны как «члены контрреволюционной военной организации».

Командира 77-й Азербайджанской дивизии, генерал-майора Гамбая Везирова расстреляли 13 октября 1937 года. Пули попали не только в Гамбая, но и в военную историю Азербайджана. В его лице мы потеряли одного из лучших азербайджанских военачальников. Рассказывают, что знаменитый генерал Али ага Шихлинский после гибели Гамбая держал траур и когда его спрашивали о причине печали, отвечал: «расстреляли моего сына Гамбая, согнулась моя спина».

После ареста генерал-майора Гамбая Везирова такой же каре подверглись его жена - председатель женсовета Азербайджанской дивизии Иззет ханум Гиясбейли-Везирова и единственный сын Явуз, сосланные впоследствии в Казахстан. Пробыла она там восемь лет, вернулась больной и скончалась в Баку в 1976 году.

22 октября 1937 года Иззет ханум Исмаил ага кызы Вези-

рова содержалась в Бакинской общей тюрьме. Была допрошена старшим оперуполномоченным 18-го отдела, лейтенантом государственной безопасности Мошечковым.

Вопрос: - С какого времени вы создали семью с Гамбаем Везиловым?

Ответ: - Создали семью в 1920 году и с ним я прожила до его ареста, то есть до 27 июня 1937 года.

Вопрос: - Что вам известно о контрреволюционной деятельности вашего мужа Гамбая Везирова?

Ответ: - Мне ничего неизвестно о контрреволюционной деятельности Гамбая Везирова.

Вопрос: - Что вы можете добавить по делу?

Ответ: - Добавить ничего не могу. Показания написаны с моих слов. Честность мужа подтверждаю своей подписью.

2 ноября 1937 года следственное дело Иззет ханум Везировой как жены изменника Родины направляется на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР. Выписка из протокола Особого Совещания при НКВД от 9 декабря 1937 года:

Заслушано: с 6 октября 1937 года Иззет Исмаил кызы, 1903 года рождения, заключить в исправительно-трудовую колонию сроком на восемь лет, срок заключения считать с 6 октября 1937 года. Дело передать в архив.

После этого решения Особого Совещания Иззет ханум Везирова ссылается сроком на 8 лет в казахстанский город Акмолинск. Они поженились в 1920 году, спустя семнадцать лет расстались навсегда. Иззет ханум арестовали 5 октября 1937 года. 13-го числа того же месяца Гамбай был осужден по первой категории за контрреволюционно-террористическую деятельность и расстрелян.

Освобожденная из застенков в 1944 году Иззет ханум вернулась в Баку. Но ей не разрешили жить в столице, она вынуждена была уехать в Шемаху. Какой-то период проживала

в этом городе. В 50-е годы получила разрешение вернуться в Баку. Иззет ханум вела борьбу с «верхами» за признание невиновными себя и Гамбая Везирова.

В письмах из Казахстана Иззет ханум интересуется судьбой сына и признается, что сильно скучает по Родине. 14 апреля 1938 года она пишет письмо И.В.Сталину, где сообщает о невиновности своего единственного сына и просит его освободить.

Находясь в ссылке, единственный сын Гамбая Явуз Везиров пишет письмо Сталину. Пишет, что его отец расстрелян как «враг народа». Как представитель советской молодежи, желаю искупить вину отца. Разрешите в эти тяжелые для родины дни участвовать в сражениях за освобождение наших земель...

Воевавший в составе штрафного батальона Явуз Везиров героически погиб недалеко от Сталинграда в 1942 году. Ему тогда было всего двадцать два года.

Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 июля 1956 года командир 77-й Азербайджанской дивизии, генерал-майор Гамбай Мамед оглы Везиров посмертно реабилитирован.

В одной мудрой восточной поговорке сказано: слово, услышанное в детстве и изученная наука как письмо, нанесенное на камень. Ничто не может его стереть - ни ураганы лет, ни бури столетий. Когда в 37-м сгустились черные тучи, Фахраддину Везирову было 12 лет. Его детскую душу ранила невинная смерть дядей Гамбая и Гейдара Везириных. Навечно запечатлелись в памяти воспоминания о тех нелегких годах:

- Гамбай Везиров был сыном брата моего отца. Старший брат Садраддин был работником финансовой сферы. Имел даже ученую степень. Военнослужащим являлся и младший

брат Гусейн, носивший погоны полковника. Дядю Садраддина как брата врага народа расстреляли в 37-м. А дядя Гусейн бежал из республики, поговаривают, жил в Грузии под фамилией Везирашвили. До сих пор нет никаких сведений о нем...

После всего случившегося непрерывно преследовали нашу семью, весь род. Выслали дядей Хагги и Кямала Кенгерлинских, деда. Когда схватили дядю Гамбая, мы находились на даче. Вернувшись, увидели, что в доме все перевернуто верх дном. Вещи выброшены во двор, исчезли все ценности, книги, рукописи. Начались нескончаемые муки.

И сегодня становится стыдно, когда вспоминаю об одном событии. Учился в шестом классе. Придя утром в школу увидел, что все дети собрались перед входом. Директор позвал меня и сказал, что надо выступить, выразить свое возмущение по поводу того, что дяди являются «врагами народа» и прилюдно отказаться от них. От имени всех членов семьи надо заявить, что они по-праву расстреляны как «враги народа». Иначе тебя не пустят в школу. А я очень хотел учиться. Пришлось поступить так, как повелевал директор...

Всего семнадцать лет прослужил в армейских рядах Гамбай Везиров и за это время прошел путь от рядового солдата до генерал-майора. Надо признать, что такое удается не каждому военнослужащему. Пожалуй, это редчайший случай в истории советских вооруженных сил, когда в тридцать три года человек нерусской национальности становится командиром дивизии и удостоивается звания генерал-майора. Обычно, в советской армии представителю иного народа высшее генеральское звание присваивали после отправки в отставку, или уже в преклонном возрасте. И то в исключительных случаях...

Весной 1932 года народный комиссар обороны СССР К.Е.Ворошилов телеграммой вызывает Гамбая Везирова в Москву и высоко оценивает его военную деятельность в Белоруссии. Приказом народного комиссара обороны №886 он назначается командиром Азербайджанской горно-стрелковой дивизии.

Гамбай очень уверенно продвигался по трудным дорогам овладения военным искусством. Еще в 1922 году 23-летний Гамбай как наиболее отличившийся политический руководитель приказом Военно-Революционного совета Отдельной Кавказской армии направляется на учебу в Военную академию имени Фрунзе. Гамбай Везиров стал первым азербайджанцем, получившим образование в этом прославленном учебном заведении. Спустя три года, в августе 1925 года, он назначается начальником Объединенного азербайджанского военно-политического училища. После проведенной аттестации по результатам годичной деятельности Гамбая Везирова, главный инспектор высших Военно-образовательных учреждений Краснознаменной Кавказской армии Артамонов писал:

«За время работы в течение года начальником училища проявил только положительные качества. Обладает большой волей, инициативностью. Уважающий себя, решительный, деловитый и хороший методист-преподаватель. Завоевал уважение курсантов, преподавателей и командного состава. Активно участвует в общественных делах, особенно в работе военно-научного общества. Не имея большого административно-практического стажа, благодаря способностям и трудолюбию полностью справляется с должностью начальника училища» (Центральный Государственный Архив Советской армии, личное дело Г.М.Везирова №157-871. 1-я страница).

Напряженно трудившийся в сфере подготовки националь-

ных военных кадров Гамбай Везиров во время второго выпуска курсантов училища в статье под названием «Сто семнадцать» с гордостью отмечал, что слушатели из рабоче-крестьянских семей способны продолжить самые лучшие традиции армии. Мы верим, что в лице ста семнадцати слушателей наши воинские части будут укомплектованы командирами взводов, обладающими всесторонними знаниями и командирскими способностями.

Гамбай Везиров далее пишет: «Одна из главных задач - повышение боеспособности национальных полков. Выпуск 15 сентября ста семнадцати слушателей из Объединенного азербайджанского военного училища не только имеет огромное значение, это достойный факт, привлекающий внимание широких масс рабоче-крестьянского общества. Новый выпуск принципиально важный шаг в деле подготовки кадров для национальных полков и укреплении их ядра».

В связи с военной реформой в октябре 1927 года национальные высшие военные учебные заведения Закавказья объединяются и перебрасываются в Тифлис. В тот же год Гамбай становится начальником штаба 3-й Кавказской стрелковой дивизии, расквартированной в Ленинакане. Под командованием талантливого командира Гамбая Везирова Азербайджанская стрелковая дивизия в августе-сентябре 1929 года успешно участвует в первых маневрах Отдельной Кавказской армии. За проявленное в этих маневрах мастерство награждается именным оружием.

В ноябре 1930 года как лучший боевой офицер Гамбай Везиров назначается командиром 111-го стрелкового полка Белорусского военного округа и одновременно начальником гарнизона города Жиздра.

Начиная с 1925 года во всех аттестационных справках, выдаваемых Гамбаю Везирову, отмечается, что он хорошо освоил военное искусство, является отличным администра-

тором, аккуратным и чутким командиром. В представлении командира дивизии Джемшид хана Нахичеванского, военного комиссара дивизии Гусейна Рахманова, военного комиссара Коробкина подчеркивается, что Гамбай Везиров способен командовать дивизией и даже корпусом.

Необходимо напомнить, что в становлении Гамбая Везирова как талантливого военного деятеля большая заслуга принадлежит знаменитым генералам Алиаге Шихлинскому и Самед беку Мехмандарову. Именно благодаря их мудрым рекомендациям и помощи стрелки, артиллеристы и кавалерия Азербайджанской национальной дивизии не только на тактических учениях в Аджикинте и Караязы, но и на Северном Кавказе занимала первые места.

В «Моих воспоминаниях» Али ага Шихлинский пишет, что в 1924 году по просьбе начальника Азербайджанского училища комсостава его назначают заместителем руководителя этого учебного заведения. В следующем, 1925 году, личный состав училища отправляют в лагерь недалеко от города Сурами. Здесь собрались курсанты военных училищ со всего Закавказья. В предшествующий год на этой местности проводились соревнования по стрельбе. Из-за неподготовленности азербайджанское училище не выступало на данном мероприятии. Это меня сильно затронуло. Мне было тяжело от того, что хорошо владеющие оружием наши юноши не участвовали в стрельбах.

На первом заседании научного комитета сказал, что обучать таким образом нельзя. Каждому курсанту надлежит выдать один патрон, сообщив о результате выстрела разъяснить причину непопадания в цель, для исправления допущенной ошибки позволить выстрелить повторно и т.д. Начальник школы приказал «отметить в протоколе замечания моего заместителя и неукоснительно этому следовать». С этого периода на учебных стрельбах мы стали «задавать

работу» нашим курсантам. В конце лагерных сборов наш взвод завоевал первое место на соревнованиях по стрельбе. Таким образом, было удовлетворено мое азербайджанское самолюбие.

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание, что автор в своих воспоминаниях не упоминает имя начальника училища Гамбая Везирова. Этому есть причины: Али ага Шихлинский написал свои воспоминания в 1942 году. В то время прошло всего пять лет после ареста Гамбая Везирова. В его биографии все еще оставалось клеймо «врага народа».

30 декабря 1935 года отмечалось 15-летие со дня создания Азербайджанской стрелковой дивизии. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР дивизия удостоилась ордена Красного Знамени. А 27 января 1936 года группе азербайджанских солдат и офицеров были вручены ордена Красного Знамени. В числе награжденных находились командир дивизии Гамбай Везиров, комиссар Сабир Алиев, командир полка Сейфулла Мехтиев, младшие командиры Рагим Асланов и Ильяс Вердиев. В связи с этим состоялось торжественное прохождение частей Бакинского гарнизона.

По воспоминаниям современников, среди комсостава того времени Гамбай Везиров был самым грамотным, отважным и умелым. Его боевой друг, бывший военком республики Агали Исмаилов пишет, что Гамбай Везиров, не будет преувеличением сказать, родился военачальником. Он непосредственно участвовал в претворении в жизнь ряда важных мероприятий в сфере организации воинских соединений и повышении знаний военных кадров. Приезжавшие на инспектирование из центра члены военного совета восхищались его многогранным талантом.

В своих свидетельских показаниях 3 мая 1956 года быв-

ший офицер Азербайджанской дивизии Муса Гамид оглы Гейбатов сказал:

«Хорошо знал большинство командиров и политработников Азербайджанской дивизии. Я категорически отвергаю наличие какой-то контрреволюционной организации в нашей дивизии. Об этом говорил еще в 1937 году. Поэтому меня вначале исключили из партийных рядов. А затем как неблагонадежного человека уволили и из армии.

Гамбая Везирова знал как идейного, высококультурного, образованного, благородного и умелого командира. Наряду с требовательностью, генерал Гамбай Везиров проявлял заботу о солдатах и офицерах, искренне относился ко всему комсоставу, за что его любили и уважали все окружающие».

Славный сын нашего народа, ныне покойный генерал Аким Али оглы Аббасов прошел очень достойный армейский путь. В первые годы службы ему доводилось встречаться и работать плечом к плечу с доблестным командиром дивизии Гамбаем Везириным. Вот как вспоминает о своем начальнике генерал Аким Аббасов:

- Помню, в 1935 году наша дивизия только вернулась с военных учений. Часть совершила 420-километровый поход по хребтам Больших Кавказских гор. Проводили очередные занятия. Ко мне подошел боец и сказал: «Товарищ лейтенант, вас срочно вызывает командир дивизии Везиров». Не мешкая, направился в штаб. Кроме меня, здесь были еще четверо офицеров. Командир дивизии принял меня и сказал:

- Выражаю всем благодарность за активность, проявленную на летних учениях. Нарком обороны маршал Ворошилов награждает вас именными часами.

Гамбай Везиров поздравил нас. Вручил часы, пожелал новых успехов в боевой и политической подготовке. Подарок любимого командира и сегодня храню как бесценную реликвию.

В этом походе моя рота первой покорила вершину Казбека. За отличную подготовку бойцов к «наступлению» и «оборонительным боям» Гамбай Везиров лично вручил мне эту награду. Память о Гамбае Везирове очень дорога мне. В те годы его имя являлось символом самоотверженности, доблести для каждого азербайджанского бойца. На политических занятиях, военных учениях мы внимательно слушали каждое его слово. Он был не только пламенным оратором, искусно разбирался в тактических вопросах. В совершенстве знал боевую технику своей эпохи.

Большая заслуга незабываемого моего командира Гамбая Везирова в том, что в 1935 году меня, еще совсем молодого азербайджанского офицера, назначают на должность командира инженерной роты 4-го горно-стрелкового полка. Гамбай неустанно трудился над тем, чтобы повысить численность командиров-азербайджанцев в армии, национальных частях.

Появление журнала «Военные знания» связано с именем генерала Али аги Шихлинского. Журнал издавался по его инициативе. А газета «Красный боец» увидела свет благодаря инициативе комиссара Джабира Алиева. Гамбай Везиров и Джабир Алиев имели непосредственное отношение к открытию первого армейского клуба в Баку. Они были крепкими друзьями. Досадно, что оба стали жертвами тридцать седьмого года. Мы, молодые офицеры, с жадностью читали материалы на военную тему генерала Шихлинского, а также Гамбая и Джабира.

Генералы Гамбай Везиров, Джамшид хан Нахичеванский, комиссары Гусейн Рахманов и Гейдар Везиров прекрасно разбирались в вопросах военной теории. Гамбай переводил с русского на азербайджанский язык уставы, военную литературу. Выступал с публицистическими и научными статьями о национальной дивизии и соединениях в газетах «Красный боец», «Военные знания», «Коммунист» и «Ба-

кинский рабочий».

Посвятивший свою жизнь с 1920 года укреплению оборонной мощи своей страны Гамбай Везиров, принимал активное участие и в общественно-политической жизни республики. Неоднократно выдвигавшийся в Центральный Комитет Азербайджана Гамбай Везиров избирался также членом ЦИК Закавказья и Центрального Исполнительного Комитета СССР.

К сожалению, имя славного нашего военачальника было предано забвению. Один или два раза в семидесятые годы в газетах упоминалось о его дне рождения. Прискорбно, что автором сухих, бездушных, отдававших партийностью статей был армянин по национальности. Сегодня его имя увековечено лишь по одному адресу: средняя школа №6 в Нахичеване носит имя Гамбая Везирова.

В феврале 1989 года после телевизионной передачи «Хюняр» («Подвиг»), посвященном отважному командиру Гамбаю Везирову поступило множество писем. В редакцию пришла и бывшая соседка Иззет ханум Гиясбейли-Везировой Захида Мустафаева, которая рассказала о трагедии семьи генерала. Одно письмо было особенно трогательным и поэтому хотел бы вкратце ознакомить читателей с его содержанием. Письмо отправил хорошо известный в нашей стране аксакал ашуг Барат Ширванлы, служивший в свое время под командованием отважного военачальника. Он пишет: «14 января посмотрел вашу передачу (по просьбе телезрителей мы дали три передачи о генерале Г.Везирове). Одновременно и взгрустнул, и обрадовался. Обрадовался, что спустя хоть и пятьдесят лет вновь увидел своего любимого командира, теперь уже в эфире. Взгрустнул, потому что вновь вспомнил те годы. В этом пожилом возрасте не мог сдерживать слез. После передачи тряслось все мое существо. И сейчас пишу

вам письмо дрожащими пальцами...

В 1937 году проходил воинскую службу в Сальянских казармах. Вначале был денщиком капитана Шахтахтинского. Командиром нашей дивизии был Гамбай Везиров. У него была лошадь по кличке Човгун, за которой я также присматривал. Эта красивая лошадь будто понимала человеческий язык. Я ее научил: после оседлания и взнуздывания слегка прикрикивал на нее - «иди, привези командира». И Човгун с уздечкой на седле из Сальянских казарм напрямиком направлялся к квартире Везириных на улице Низами. Два-три раза лошадь ржала, чтобы сообщить о своем появлении. Вот так каждое утро Човгун привозил на работу нашего любимого командира Гамбая Везирова. Човгун ни разу не заблудился, не потерял уздечку или седло.

Во время одного из политзанятий пришло известие о том, что арестован командир дивизии Гамбай Везиров. Утром, когда настало время седлать Човгуна, невозможно было слушать его громкое ржание, он дергался, подрагивал на месте. Со слезами на глазах оседлал Човгуна, как всегда уздечку прикрепил к седлу. Проследил за тем, куда пойдет. Лошадь напрямиком направилась во двор дома командира на улице Низами. Приблизившись увидел, что Човгун стоит с низко опущенной головой, из глаз его льются слезы. Не мог удержаться и я, горько заплакал. С большим трудом потягивая за уздечку, привел лошадь в казарму. Човгун никого не подпускал к себе. Ржание вставшей на дыбы лошади разносилось по всей казарме. Подбегал к зданию штаба, оглушительно ржал, кидался в сторону клуба, тренировочной площадки, метался по двору. Будто Човгун стонал во весь голос: «Где мой командир?» Никто не мог спокойно смотреть на несчастную лошадь. Все затыкали уши и торопились скрыться в помещении. Около недели Човгун не принимал пищу, беспрестанно стонал и, зачавнув, умер.

Такое вот было событие. Вспомнил о нем после вашей передачи...

КОМИССАР ГЕЙДАР ВЕЗИРОВ

В одну из мрачных ночей «черный ворон» въехал во двор дома комиссара Гейдара Садых оглы Везирова. Из автомашины вышли три тени - один остался возле входных дверей, двое других торопливо взбежали на второй этаж. Перерыли весь дом, не обращая внимания на дрожащих от страха младенцев. Человек с начавшими сесть висками открыл папку из меховой кожи, выложил на стол ордер на арест и стволом нагана указал на страницу: «подпиши здесь». Не проронив ни слова, комиссар Гейдар Везиров поставил свою подпись. Он знал, что в такой ситуации бесполезно оправдываться, защищаться. «Забрали двоюродного брата Гамбая, арестовали его семью. Теперь настал и мой черед...» Одел шинель. Сначала поцеловал четырнадцатилетнюю дочь Эльмиру. Девочка вся тряслась, обвив руками шею отца, давилась от рыданий. С трудом оторвал ребенка от себя, передал матери Лейле. Поцеловал в лоб старшего сына Гейдара, тихо прошептал «береги маму, сестру. Хорошо, хорошо, перестань, стыдно, ведь ты же мужчина». Сказав это, он сам еле сдерживал слезы.

Так был арестован двоюродный брат Гамбая комиссар Гейдар Везиров. Как стервятники на добычу, враги набросились на лучших представителей нашего народа, людей со знатными родословными, проводили «чистку». В 37-м году был нанесен мощнейший удар по всем сферам жизнедеятельности азербайджанского общества - литературе, искусству, сельскому хозяйству, промышленности. Особо чудовищные удары пришлось на нашу военную историю. Каждую ночь уходили в небытие армейские политработ-

ники, высокопоставленные офицеры, военные комиссары. Если бы не безвинные жертвы тех лет, то славой скольких генералов, адмиралов гордились бы мы сегодня. Наши офицеры, ставшие жертвами страшных преступлений Сталина, Берии, Багирова, подвергались необоснованным арестам, выбрасывались в заснеженные, без признаков жизни бескрайние степи Сибири и Казахстана, заточались в тесные, душные камеры-одиночки, их расстреливали без суда на основе ложных, клеветнических свидетельств.

В 1937 году под именем «пантюриста» был арестован один из первых создателей в 20-х годах военных учебных заведений в республике и второй после Алигейдара Гараева военный комиссар Азербайджана Гейдар Везиров, работавший в то время народным комиссаром земледелия.

Из воспоминаний видного поэта, покойного ныне Касыма Касымзаде:

- Тогда мне было лет тринадцать-четырнадцать. Как сейчас помню беспокойные дни той эпохи. Пропускали через сито наиболее уважаемых, авторитетных в селе людей. Никак не забуду одно событие, имевшее место на моих глазах. Кажется, отмечалась годовщина установления Советской власти в Азербайджане. В селе проводилось торжественное собрание. В клубе, как говорится, яблоку негде было упасть. Мы, школьники, уступив свои места старшим, стояли в проходах. В то время после каждого доклада, выступления было в моде провозглашать здравицы в честь руководителей, комиссаров, начальников, начинавшиеся словами «да здравствует». Закончился очередной доклад, раздались аплодисменты. Вдруг вскакивает один колхозник - поливальщик Гусейн и громко кричит: «Да здравствует нарком земледелия Азербайджана товарищ Везиров!» Его приветствие было встречено жидкими рукоплесканиями. Оказывается, за день до этого Везирова разоблачили как

«врага народа». Несколько аплодирующих тоже не знали об этом. В президиуме начался переполох. Поднялся председатель:

- Гражданин, возьми свои слова обратно!

Поливальщик Гусейн растерянно спросил:

- Почему я должен взять свои слова обратно, что случилось с товарищем Везириным?

- Значит, не знаешь, что произошло?

- Не знаю...

- Растолкуют, тогда узнаешь...

Собрание подошло к концу. Все разошлись. И поливальщик Гусейн взял свою железную лопату, направился поливать хлопковые плантации. Не прошло и пары часов, как перед клубом притормозили два автомобиля. Из них выпали сурового вида люди с десятизарядными револьверами в деревянных кобурах. Вскоре милиционер привел поливальщика Гусейна с засученными до колен брюками, измазанными глиной башмаками. Заставили его помыться. Принесли из дома туфли, еду на неделю, затолкали в машину. Бедный Гусейн ничего не мог понять. Все спрашивал:

- А что случилось с товарищем Везириным?!

- Вот у самого товарища Везирова и спросишь, что случилось?

С тех пор и исчез бесследно поливальщик Гусейн...

В тридцатых годах немало было фактов жестоких, безжалостных арестов. Многие семьи лишились главы, разорились дома. Отец, поужинавший вечером со своей семьей, наутро объявлялся «врагом народа». Поганые руки сумбатовых, борщовых, маркарян, григорьянов пролили невинную кровь таких простых людей как поливальщик Гусейн. Из семей Гамбая и Гейдара Везириных, о которых мы повествуем, никто не остался в живых. Ссылки, тюремный режим на-

несли непоправимый вред их здоровью, заставили преждевременно распрощаться с жизнью.

Имя Гейдара Везирова, верно служившего своему народу с 1913 года и до последних дней жизни, незаслуженно забыто, предано забвению. Его деятельность не нашла отражения и в Азербайджанской Советской Энциклопедии. Одна из причин ареста в составлении документов на русском языке. Очень часто его путают с Гамбаем Везириным. На русском языке имя Гейдар тоже начинается с буквы «г», как и Гамбай. Оба были военнослужащими. Поэтому многие исследователи иной раз приписывают Гейдару заслуги Гамбая Везирова. До сих пор ни разу не отмечалась годовщина со дня рождения Гейдара Везирова, не увековечено его имя.

Гейдар Садыг оглы Везири родился в 1893 году в семье интеллигента в старинном нахичеванском селе Нехрам. Начальное образование получил в передовом очаге просвещения того времени - школе с особым уклоном под названием «Воспитание». В этой школе Гейдар Везири учился с будущими знаменитыми литературоведом Азизом Шарифли, театральным деятелем Рзой Тахмасибом. Попечителем учебного заведения был известный просветитель Мамед Таги Сидги.

После окончания школы в Нахичевани, по совету Мамед Таги Сидги, отец Гейдара Садыг киши определяет его в Эриванскую гимназию. Успешно завершивший учебу Гейдар в 1913 году сдает экзамены в восьмой класс гимназии. Но в связи с началом первой мировой войны Гейдар Везири оказался в числе мобилизованных и короткое время получал образование в военном училище. В июне 1915 года сражавшийся в Галиции младший офицер Гейдар Везири попадает в плен.

Три года пришлось Гейдару Везири провести в неволе. В 1918 году между Россией и Германией произошел обмен

военнопленными и он в рядах получивших ранение через Турцию вернулся на Кавказ.

С ноября 1918 года работает преподавателем в училище, готовившим младших командиров для Национальной армии Азербайджанской Демократической Республики. После апрельского переворота 1920 года Гейдар Везиров и личный состав военного училища переходят на сторону большевиков. В июне того же года вступает в ряды Коммунистической партии.

С той поры вся сознательная жизнь комиссара Гейдара Везирова была посвящена подготовке национальных военных кадров. Он назначается начальником военного училища.

В документах двадцатых годов указывается, что комиссар Гейдар Везиров с достоинством носит звание командира. Выпускники умело возглавляемого им Азербайджанского объединенного военного училища активно участвуют в боевых операциях против грузинских меньшевиков и армянских дашнаков. Это отчетливо проявляется в приказах председателя Азербайджанского Революционного Комитета Наримана Нариманова, народного комиссара по военно-морским делам Алигейдара Караева.

В рапорте, посланном Алигейдаром Караевым в Центральный Исполнительный Комитет 29 июня 1929 года, говорится: «Начальник военного училища, носящего мое имя (в те годы военное училище носило имя командира корпуса Алигейдара Гараева - Ш.Н.) товарищ Везиров Гейдар Садых оглы до сего времени с исключительной самоотверженностью выполнял задачи по организации учебного заведения. Прошу наградить Гейдара Везирова как командира, умело справляющегося со своими обязанностями.

Училище во главе с товарищем Везириным в полном составе принимало участие в боях с дашнаками в Губинском, Гянджинском и Казахском уездах, а также в Карабахе, поте-

ряв несколько курсантов и одного командира. Последний поход училища состоялся в Грузию, во время наступления Красной Армии на Тифлис. Поэтому военное училище удостоилось Красного Знамени. Считаю целесообразным наградить командира училища Гейдара Садых оглы Везирова орденом «Красного Знамени».

В 1923 году Гейдар Везиров удостоился ордена «Красного Знамени» и почетной грамоты №6197. Комиссар Гейдар Везиров неоднократно награждался ценным именованным оружием за активную деятельность в военной сфере и борьбу с бандизмом в уездах Азербайджана. В тяжелые для республики годы Гейдар Везиров совместно трудился с мужественными государственными деятелями и знаменитыми генералами Али агой Шихлинским, Самед беком Мехмандаровым, майором Гаджи агой Ибрагимбейли. Служивший в двадцатые годы в Азербайджане генерал-лейтенант Александр Тодорский впоследствии в газете «Бакинский рабочий» (22 февраля 1958 года) писал о бесценных заслугах ряда выдающихся сыновей нашего народа: «Несмотря на прошедшие годы, я хорошо помню тогдашнего военного комиссара Азербайджана, обладавшего всесторонними военными знаниями, красивого, степенного Гейдара Везирова. Гейдар был порядочным, очень трудолюбивым человеком, горячо любившим свой народ».

В марте 1925 года для проверки тактической подготовки военных училищ и Азербайджанской дивизии в республику приехал начальник Главного управления военно-учебных заведений СССР, комкор И.Э.Якир. Талантливый военачальник особо отметил заслуги Гейдара Везирова в подготовке национальных военных кадров.

Напомним, в те годы Гейдар Везиров работал на нескольких ответственных должностях: был военным комиссаром Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Он регулярно выступал со статьями по злободневным

в периодической печати, посвященными военной тематике. Гейдар Везиров - автор интересных публикаций о подготовке к проведению военных учений, качестве боевых занятий, боевой тактике, разработке и печатании военных уставов.

Всего 44 года прожил комиссар Гейдар Везиров, но как военный деятель он имеет неоценимые заслуги перед нашим народом. В 1925 году работает председателем Гейчайского уездного исполнительного комитета, спустя два года назначается народным комиссаром земледелия Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, а в 1933 году народным комиссаром земледелия Азербайджанской ССР.

Карательные акции Сталина в стране обескровили промышленность, сельское хозяйство, науку и просвещение. И Красная Армия, и Азербайджанская дивизия лишились лучших своих командиров. Под жернова репрессий попали командиры дивизий Джамшид хан Нахичеванский, Гамбай Везиров, комиссар Шамистан Эюбов (Сары Шамистан - Ш.Н.), полковники Сейфулла Мехтиев, Муртуз Талыбзаде, Абдулла Меликов и сотни других мужественных сынов Азербайджана.

В 1937 году в адрес народного комиссариата земледелия Азербайджанской ССР было выдвинуто нелепое обвинение в создании «контрреволюционно-буржуазной, националистическо-повстанческой, террористическо-вредительской организации». Этого показалось недостаточно, и руководителю комиссариата Гейдару Везирову прикрепили еще и ярлык «пантюркиста». Сотрудники НКВД добавили это слово, чтобы во время допроса наркома иметь на руках «основательные» улики. Ведь возвращаясь с первой мировой войны, Везиров прошел через территорию Турции. В 1918 году работал в мусаватском военном училище, к тому же большинство его сослуживцев по мусаватской армии нашли

пристанище именно в Турции. На основе этих вымышленных доводов были уничтожены несколько работников комиссариата и нарком Гейдар Везиров вместе с семьей.

В ночь с 13 на 14 октября 1937 года вместе с генералом Гамбаем Везириным были расстреляны 26 высокопоставленных азербайджанских военно-служащих.

Не веришь своим глазам, когда читаешь отчет, отправленный Мирджафаром Багировым в Москву в 1937 году. К глубокому сожалению, это факт, а самое главное - документ. И у нас нет оснований не верить этому документу. Там указано, что как «враги народа» арестованы и впоследствии ликвидированы 32 секретаря районных партийных комитетов, 28 председателей районных исполнительных комитетов, 18 народных комиссаров и их заместителей, 88 командиров и военных политработников национальной дивизии.

БЕСЕДА С САХИБОЙ ХАНУМ

Баку, улица Алескера Алекперова, квартира Дадашевых. Здесь живет зять комиссара Солтангамида Пашаева - Хейрулла. Узнав о том, что жена необоснованно репрессированного в 1937 году Солтангамида Пашаева Сахиба ханум отправилась навестить внуков и правнуков к дочери Рафиге, решил встретиться с ней, ибо пока невозможно было найти второго человека, который хорошо знал бы о жизни и деятельности этого военного деятеля. Неслучайно говорим «пока», может после публикации нашего материала кто-то из бывших боевых друзей Солтангамида напишет более обстоятельное письмо.

Отмечу, что Сахиба ханум с 1932 года являлась членом коммунистической партии. Спустя двадцать три года после ареста мужа ее восстановили в партийных рядах.

- Сахиба ханум, когда арестовали вашего мужа Солтангамида, сколько лет было детям?

- Сыну Рафику было 10 лет. Я очень рано потеряла его. Розе - 8, Эльмире - 5, а Рафиге всего годик. Одним словом, была матерью одного сына, троих дочерей. После ареста Солтангамида не растерялась. Сохранила стойкость. Несмотря на все тяготы, вырастила детей. Все они учились, получили высшее образование. Потеряла только горячо любимого Рафика. Сейчас у меня семь внуков, четыре правнука. Спасибо им, не уронили честь семьи. Все с высшим образованием. Таир - врач, а Гюльнара - кандидат наук.

- Что запечатлелось в вашей памяти от тех кошмарных дней?

- С Солтангамидом поженились в 1926 году. Жили, что называется, душа в душу. Он работал в комиссариате. Пользовался уважением и почтением среди окружающих. Прошло немного времени и его назначили военным комиссаром в Шемахе. Наступил 37-й год, каждый день доносились вести: «Такого-то забрали, такой-то оказался врагом народа». И все эти люди были почитаемы в обществе, верой и правдой служили партии и народу. Все пребывали в оцепенении, тревожном ожидании. Когда наступал вечер, подкрадывались сумерки и раздавались шорох или треск говорили, что пришли за очередной жертвой. Скольких достойных сыновей увез в небытие этот проклятый «черный ворон». Эх, большое это горе, сынок. Сколько наших безвинных людей расстреляли с клеймом «враг народа».

- Наверное, помните день, когда арестовали Солтангамида. Когда произошло это ужасное событие?

- Был август 1937 года. Точнее сказать, 17 августа. Я с детьми отправилась в село Сулут. Солтангамид должен был вернуться к вечеру. В Шемахе проходило собрание, поэтому он задержался. 18 августа собирались отметить день рождения Розы. Солтангамид обещал явиться рано. В селе зашла к знакомому учителю, попросила патефон, чтобы повеселиться с детьми. Под разными предлогами отказал. Он как-

то загадочно, двусмысленно говорил со мной. В недоумении возвращалась домой. По дороге встретила работника милиции Алашрафа. Он возвращался из Шамахи. Давно не виделись, хотела поговорить с ним. Но Алашраф опустил голову и с тоской в голосе сказал: «Брата моего Солтангамида арестовали». Больше ничего не помню...

Наутро засобирались, приехали в Шемаху. Узнала, что мужа забрали во время собрания. Вместе с ним были арестованы первый секретарь райкома партии Халифа Гусейнов, второй секретарь Авалов, заведующий земельным отделом Юханов, директор винодельческого совхоза №6 Алисахиб Мамедов, прокурор района Ахмед Амиров, председатель Падарского сельского совета Бабалы Багиров.

Одним словом, будто метлой вымели всю шамахинскую интеллигенцию. Если в доме находили книги или рукописи с арабским алфавитом, то человека арестовывали и подвергали наказанию как пантюркиста, панисламиста.

Попросила председателя НКВД Шабанбекова вернуть ключи от дома. Здесь же находился Сумбатов-Топуридзе. Он с неприязнью посмотрел на меня: «Кажется, ты пришла своими ногами, убирайся отсюда, не то и тебя сейчас арестую». С того дня и начались наши мучения...

- Сахиба ханум, в чем заключалась «вина» Солтангамида?

- Потом мне стало известно, что какого-то кладовщика под пытками заставили оговорить Солтангамида. Будто он сказал, что в кабинете Солтангамида мы часто проводили собрания. Под руководством комиссара Пашаева готовились к вооруженному мятежу. Он учил нас стрелять. Комиссар Пашаев освободил меня от призыва в армию, чтобы я активно участвовал в работе организации. Я приобретал для организации оружие.

- Свидания разрешались?

- Нет. Дважды в месяц принимали «передачи». Было запрещено передавать еду, продовольствие. Разрешали лишь

приносить одежду для смены. Однажды каким-то образом неизвестный человек доставил от него клочок бумаги. Солтангамид писал: «Сахиба, я - не враг народа. Моя совесть чиста и ничем не запятнана. Объясни это детям, пусть ходят с высоко поднятой головой». Когда пришла в третий раз сказали, что Солтангамида осудили на 20 лет. А затем добавили, мол, муж ваш расстрелян, и больше нет смысла приходить сюда...

Когда услышала «расстрелян», потеряла сознание. Не помню, сколько времени находилась в беспомощности. Но взяла себя в руки. Вспоминала, что нахожусь в окружении врагов. Подумала о детях. Спасибо дальним и близким родственникам, в те годы хоть и скрытно, но помогали семье «врага народа».

Супруга Солтангамида Пашаева Сахиба ханум мужественно перенесла навалившуюся беду, вырастила и воспитала дочерей Розу, Эльмиру, Рафигу, достойно прошла по дороге жизни, не уронив чести мужа-комиссара, престижного интеллигентского рода.

Смотрел на побелевшие раньше времени от невзгод волосы Сахибы ханум, ее лучезарные глаза и вспоминал слова нашего мудрого просветителя Аббаскулу аги Бакиханова: «Порядочная женщина для мужчины ни с чем не сравнимое сокровище».

Напомним, что Солтангамид Джебраил оглы Пашаев родился в 1898 году в семье шемахинских интеллигентов. Начальное образование получил в реальном училище, впоследствии окончил Азербайджанское военное училище. Как офицер, верой и правдой служил в армии, работал председателем Баскальского районного исполнительного комитета, помощником комиссара в военкомате Гейчайского района (1925-1930 гг.). Неоднократно награждавшийся за военную деятельность Солтангамид приходился двоюродным братом знаменитому поэту Магомеду Хади (1879 – 1920).

Комиссар Солтангамид Пашаев был расстрелян в ночь с 3 на 4 января 1938 года.

ГЕНЕРАЛ ДЖАМШИД ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ

(последний генерал рода Кенгерли)

Если Азербайджан думает о своем суверенитете, полной свободе, он в первую очередь должен думать о собственной национальной армии, национальных офицерах. Обо всем этом я думал. Двадцать пять лет назад я высказал мысль о создании не имеющего подобия, не имеющего аналога специализированной военной школы. Мы создали эту школу. Действительно, спустя двадцать пять лет с того времени, в числе прочих дел я сам высоко оцениваю этот шаг, эту инициативу.

Гейдар Алиев, Президент
Азербайджанской Республики
(из интервью 1990 года)

Все, что свершается в первый раз, бывает красивым и запоминающимся. Первый учитель, первый генерал, первый космонавт, первая любовь... Они сладки и близки как первый ребенок. Сегодня, когда речь заходит об офицерском составе славной военной истории, невольно вспоминаются выпускники военного лицея имени Джемшид хана Нахичеванского.

Мы должны гордиться, что вышедшие из «шинели» Джемшид хана офицеры в рядах Национальной Армии Азербайджана с честью воевали за освобождение наших земель от захватчиков.

Известный полководец Али ага Шихлинский в июне 1918 года заложил основу юнкерской школы в Гяндже. Создание в тисках тоталитарного режима такой школы второй раз довелось Гейдару Алиеву в 1971 году. Безусловно, вдохлавшие горький вкус атмосферы тех лет прекрасно понимают, не то

что открытие школы для воспитания национальных офицеров, но даже попытка думать об этом, требовали огромного мужества и риска. Гейдар Алиев по справедливости достоин безграничной любви нации.

Джамшид Нахичеванский является последним генералом из рода Кенгерли. Его предки Эхсан хан, Кялбалы хан, Гусейн хан и Исмаил хан умерли своей смертью в преклонном возрасте. Судьба определила Джамшид хану жизнь в сорок три года. Двадцать три из них пришлось на военную деятельность. В расцвете сил и таланта стал одним из невинных жертв тридцатых годов. Против Джамшид хана было выдвинуто обвинение в организации и руководстве «группой диверсантов», которая якобы наладила тесную связь с братьями Давуд ханом и Кялбалы ханом, служившими в шахской гвардии Ирана. После установления советской власти в Азербайджане оба брата получили официальное разрешение, и уехали в Иран. Вскоре завоевали популярность там и получили высокие должности. Но в тридцатые годы шах потерял доверие к ним. Причина — их брат Джамшид хан Нахичеванский служит командиром бригады в Красной армии. Некогда их отцы-деды воевали против Ирана в составе русских войск. Видимо, об этом доложили шаху. По этому он приказал расстрелять братьев. А на этой стороне, в мае 1938 года арестовали Джамшид хана. 26 августа он был расстрелян. Это произошло через четыре года после убийства братьев в Иране. В то время Дж. Нахичеванский был начальником кафедры общей тактики Военно-политической академии имени М.Фрунзе в Москве.

Из обвинения двенадцатого августа 1938 года «злостного врага Советской власти» Джамшид хани Нахичеванского:

Первое — активный участник Азербайджанской антисоветской националистической организации Азербайджанский Национальный центр. Привлечен в организацию Караевым.

Второе — принимал активное участие в разработке плана свержения советской власти в Азербайджане и отторжении Азербайджана от Советского Союза, лично подготовил план военного восстания в Азербайджане.

Третье — установил связь с служившим в армии Ирана братом, иммигрантом Кялбалы ханом. Поручил брату при начале восстания в Азербайджане направить на помощь военные отряды из числа иммигрантов.

Четвертое — после освобождения из-под ареста в 1931 году¹ прибыл в Москву и вновь установил связь с Караевым. Усилил свою антисоветскую деятельность в Азербайджанском Национальном центре и принял активное участие в делах центра.

Пятое — держал непосредственную связь с антисоветским военным покушением и заверил их в оказании конкретной помощи Азербайджанскому национальному центру.

Шестое — занимался шпионажем с 1921 по 1926 год, через бывшего председателя Азерхлопка Мамеда Гаджиева, передавал брату Кялбалы хану секретные сведения об армии (РККА).

Через четырнадцать дней после предъявления обвинения Военная коллегия Верховного суда СССР провела закрытое заседание. Заседание под председательством В.В.Ульриха с участием трех свидетелей длилось всего 15 минут и завершилось в 12.50, с вынесением смертного приговора. После чтения приговора ему было предложено сказать последнее слово. Получивший тяжелые раны в результате избияния Джамшид хан отказался что-либо говорить. Да и какой смысл... В ту же ночь генерал был расстрелян в Москве.

* * *

¹ В качестве активного участника антисоветской националистической организации Джамшид хан был арестован 22 февраля 1931 года Особым отделом Главного политического управления Закавказья — Ш.Н.

«За ним пришли ночью. Для проведения обыска нужны были понятые. Дворник отказался быть свидетелем: «Будь любой – пойду, только не Нахичеванский. Как я ему в глаза смотреть буду?». Один из тех, кто прибыл на черной «эмке» с ордером на арест, поспешно поднялся по лестницам.

Запыхавшись, сказал открывшей дверь хозяйке: «Прячьте ценное, что есть». Командир бригады Красной армии из ханской династии не был человеком, жадным до денег, предметов. Прощаясь, он поцеловал сонные глаза дочери Али, обнял жену и сказал: «Береги себя и детей. Я ни в чем не виновен. Скоро вернусь». Он вернулся, спустя многие годы. Вернулся, чтобы навечно остаться в памяти народа» (Григорий Аксельрод. Командир бригады ханского происхождения. Газета «Неделя», №17, 1988 год).

Кровь застывает, когда знакомишься с документами расстрелянных в годы репрессий командира бригады Джамшид хана Нахичеванского, командира дивизии Гамбая Везирова, полковника Джалила Алиева, Сейфуллы Мехдиева, Галиб бека Векилова и Солтангамида Пашаева, слушаешь воспоминания членов семей и их выживших современников генерал-майора Акима Аббасова, профессора Эйюба Аскерова. Обидно, что в деятельности этих героев-командиров не просматриваются ни крупинки недоверия к новому строю, нет ошибок или недостатков. Так, почему пролита невинная кровь, почему семьи подвергались тысячам невзгод в ссылках? Почему Сталин и его подручные – Берия, Багиров уничтожали выдающихся полководцев при кровавой «чистке»? Вопросы, вопросы... Найти ответы на них трудно.

В тридцатые годы уничтожались сады, ибо их разбили беки, а потому плоды нельзя было есть. Сносились здания, так как они строились беками, ханами. Закрывались мечети и учреждались союзы Безбожников. Вырезали сыновей потому, что они были представителями бекских, ханских родов,

служили правительству Мусавата.

Сегодня эти ошибки истории признаются, жертвы репрессий тридцатых-сороковых годов, а также начала пятидесятых, получают оправдание. В их честь возвышаются памятники, их имена присваиваются улицам, площадям. И наконец, молодежь, хотя и с опозданием, выполняет нравственный долг перед памятью отцов и дедов.

Не имевший никакой «шпионско-диверсионной группы» (такой организации вообще не существовало), не поддерживавший отношений с братьями в Иране Джамшид хан также стал жертвой ставшего нормой страшного беззакония.

Полный генерал артиллерии Али ага Исмаил ага
оглы Известный полководец Али ага Шихлинский
(1865-1943)

ТРЕВОГА СМУТНЫХ ЛЕТ

... В Нахичеване немало передовой интеллигенции. Я с уважением вспоминаю и представителей рода Кенгерли. Из этого рода вышли ряд известных интеллигентов. Беюк хан, генерал Исмаил хан, Гусейн хан, Джафаркулу хан, Мамедкулу бек, Мамед ага Шахтахтинский, художник Бахруз Кенгерли могут быть примером тому. Нахичеванцы верят этим людям, обращались к ним в сложных ситуациях. Отмечу также, что известный генерал Джамшид хан Нахичеванский является достойным представителем этого рода.

*Али Сабри (1892 - 1983),
прозаик, переводчик*

Род ханов Кенгерли подарил миру вписавшего золотые страницы в военную историю Азербайджана Джамшид хана 15 августа 1895 года. К семи годам мальчик у матери Фярянтадж ханум научился писать по-азербайджански, а у няни Анны Ивановны Николаевой – говорить на русском и французском языках. Отец, офицер царской армии Джафаркулу хан отдал восьмилетнего Джамшида в юнкерскую школу в Тифлисе. 8 ноября 1914 года его направили в гвардейскую школу в городе Елизаветград (ныне Кировград) в Восточной Украине. В том же году окончил школу в звании прапорщика. В годы первой мировой войны Джамшид хан назначается командиром татарского конного эскадрона, сформированного из мусульманского населения империи. В ходе боевых действий он проявил лучшие качества военного начальника. За участие в Брусиловском прорыве Джамшид хан был удостоен ордена Святого Георгия четвертой степени. Он трижды

был ранен на австрийском и румынском фронтах, за боевые заслуги в период с февраля 1916 года по январь 1917 года был награжден серебрянным Георгиевским оружием, орденами Святой Анны второй, третьей, четвертой степеней, Святого Станислава второй, третьей степеней. После распада южно-восточного фронта штаб-ротмистр Нахичеванский со своим конным полком вернулся в родной Азербайджан.

15 сентября 1918 года турецкие войска совместно с Отдельным азербайджанским корпусом освободили Баку от врагов. За независимость Азербайджана в рядах корпуса мужественно сражался и Джамшид хан. Размещавшийся в живописнейшем уголке Азербайджана – городе Шуше полк Джамшид хана Нахичеванского в марте 1920 года активно участвовал в боях против остатков дашнаков и внутренних врагов.

Через несколько дней установления советской власти в Азербайджане председатель Совета народных комиссаров направил срочную телеграмму в Шушу. Началась организация частей национальной армии. Карабахский кавалерийский полк под командованием Джамшид хана Нахичеванского добровольно перешел на сторону новой власти и под названием Первый рабоче-крестьянский полк вошел в состав XI армии. Подполковник Джамшид хан Нахичеванский был назначен заместителем начальника, а затем начальником первой Азербайджанской объединенной командной школы. Его успешная служба всегда положительно отмечалась в характеристиках.

Преданность народу, Родине талантливого полководца высоко оценивалась командующим XI армией М.К.Левандовским, членом Военного Революционного Совета армии С. Орджоникидзе, Военно-морским народным комиссаром Азербайджана Алигейдаром Караевым. Из характеристики, выданной Джамшид хану Нахичеванскому командующим

армией М.И.Левандовским 14 марта 1921 года, читаем:

«С позиции оперативного, тактического управления достоин командовать всеми частями, включая корпус. Спокоен, уравновешен, активен и инициативен. Избран в состав ЦИК Азербайджана и Закавказья. Полностью соответствует должности командира дивизии».

Пройдут годы. В черные метели тридцать седьмого года меньше стало доверия и таким известным военным командирам как М.К.Левандовский. В марте 1938 года и он был арестован. 23 марта чекисты заставили его дать показания против Джемшид хана: «У меня сложились дружеские отношения с Джемшид ханом Нахичеванским с 1927 года. Именно в это время - в 1927 году Нахичеванский был привлечен в буржуазно-националистическую контрреволюционную организацию бывшим секретарем ЦК Азербайджана Караевым (Алигейдар Караев – Ш.Н.). Об этом говорил лично сам Караев. Одновременно, он мне сообщил, что для поднятия авторитета Нахичеванского необходимо принять его в ряды КПСС. Караев в своем кабинете собственноручно подготовил рекомендацию коллектива. Не могу вспомнить, кажется и бывший секретарь Бакинского городского комитета партии Левон Мирзоян поставил подпись. На посвященном Нахичеванскому собрании ЦК АКП(б) было принято решение, чтобы я «лично» в открытой форме поговорил с ним. Я вызвал Нахичеванского к себе в отель «Европа». Сказал все обвинения в его адрес. То есть, обвинил его в связях с работающим губернатором дядей и шпионской деятельности. После того как я напугал Нахичеванского, я предложил ему вместе работать со мной как член контрреволюционной организации бывших офицеров. Нахичеванский дал согласие. Я посоветовал ему с целью отвода от себя подозрений выступать на собраниях, лицемерить, на словах стоять на позиции защиты советского правительства. После этого Нахичеванский сообщил мне, что

он привлек в организацию бывшего командира азербайджанского полка Вейсова² и других».

* * *

ПРОТОКОЛ

допроса арестованного Нахичеванского
Джемшида Джафаровича

От 12 августа 1938 г. Нахичеванский Джемшид Джафарович, 1895 г. рождения, уроженец города Нахичевани, по национальности азербайджанец, гр-н СССР, беспартийный, происходит из семьи хана, в царской армии был в чине подполковника, в Мусаватской армии командовал полком. В 1931 году арестовывался органами ОГПУ. До ареста был преподавателем кафедры тактики Академии имени Фрунзе – комбриг РККА.

Вопрос: В 1931 году Вы были арестованы органами ОГПУ. Расскажите за что Вы были арестованы?

Ответ: В 1931 году, будучи командиром Азербайджанской дивизии, я был арестован органами ОГПУ, находился под следствием несколько месяцев, а затем был освобожден.

Мне были предъявлены обвинения в том, что я являлся как будто бы участником антисоветской Азербайджанской националистической организации.

Вопрос: Вы сознались тогда в своей антисоветской работе?

Ответ: Нет, так как я ни в какой антисоветской азербай-

²Полковник Мамед Керим оглы Вейсов (1900-1972) окончил краткосрочные курсы в военной академии имени М.В. Фрунзе и военную академию имени В.И. Ленина. В тридцать седьмом году был арестован, провел девять лет в ссылке в Сибири - Ш.Н.

джанской националистической организации не состоял.

Вопрос: В какой должности Вы служили в Мусаватской армии?

Ответ: В Мусаватской армии я служил с начала ее организации и до 1920 года в должности командира кавалерийского полка. В 1920 году я перешел на сторону советской власти!

Вопрос: Следствие располагает достаточно проверенными материалами, изобличающими Вас как активного участника антисоветской Азербайджанской националистической организации.

Требуем прекратить заpiresательство и рассказать о своей преступной деятельности.

Ответ: Считаю дальнейшее заpiresательство бессмысленным, так как вижу, что следствие располагает достаточными материалами, изобличающими меня: Я действительно являюсь участником антисоветской Азербайджанской националистической организации под названием Азербайджанский национальный центр (АНЦ).

Вопрос: Кем, когда и при каких обстоятельствах Вы были завербованы в Азербайджанский национальный центр?

Ответ: В Азербайджанский национальный центр я был завербован в 1924 году бывшим секретарем ЦК КП(б) Азербайджана – Алигейдаром Караевым. Должен оговориться, что обработка меня Караевым началась значительно раньше, относится она примерно к 1921 году, когда я впервые познакомился с ним.

В сентябре 1921 года после назначения Караева народным комиссаром военных дел Азербайджана, он вызвал меня к себе и предложил мне принять командование Азербайджанской дивизией (до этого я работал заведующим хозяйством Азербайджанской военной школы). Я пытался отказаться, Караев пригрозил мне и я принял дивизию.

Вступив на эту должность, я встретил большую поддержку со стороны Караева и его отношение ко мне было самое внимательное. Таким хорошим отношением он меня подкупил, и я стал преданным ему человеком.

В разговорах Караев всегда старался внушить мне непрочность моего положения в рядах РККА, как бывшего хана и мусаватиста. Так продолжалось до 1924 года.

В 1924 году в одном из разговоров он сообщил мне, что в Азербайджане существует антисоветская националистическая организация, которая носит название Азербайджанский национальный центр (АНЦ), предложил мне войти в него, на что я дал свое согласие.

Вопрос: В чем конкретно выражались задачи Азербайджанского национального центра?

Ответ: Основной задачей Азербайджанский Национальный Центр ставил свержение советской власти, отделение Азербайджана от Советского Союза и восстановление в Азербайджане капиталистического строя во главе с национальным буржуазным правительством.

Вопрос: Каким образом мыслилось выполнить эту вражескую антисоветскую задачу?

Ответ: Путем вооруженного восстания.

Вопрос: Что для этого было проделано?

Ответ: Для подготовки вооруженного восстания Азербайджанским национальным центром была проделана большая работа; был создан военный центр, который возглавлял работу по подготовке восстания и в момент восстания должен был руководить им.

Вопрос: Кто входил в этот военный центр?

Ответ: В состав военного центра входили следующие лица: Чингиз Ильдырым, Я - Нахичеванский и Галиб Векилов.

Вопрос: Продолжайте показания о работе проведенной Азербайджанским национальным центром и военным цент-

ром по подготовке вооруженного восстания.

Ответ: Военный центр разработал подробный план вооруженного восстания, который был обсужден и утвержден на одном из заседаний военного центра. Заседание это происходило на квартире Чингиза Ильдыма, где присутствовали: Чингиз Ильдым, Фируз бек Ордубатский, я, Нахичеванский, Г.Векилов, Тагиев и Новрузов. Информацию о плане подготовки вооруженного восстания делал я Нахичеванский.

План вооруженного восстания заключался в следующем.

Вооруженное восстание приурочивалось к началу войны СССР на западе или на востоке. Было известно, что с началом войны уходила из Азербайджана 2-я Степинская дивизия. В Азербайджане, кроме Азербайджанской стрелковой дивизии, оставался 24 полк ГПУ, который охранял промыслы Азнефти и Каспийский флот.

По плану захвата города предполагалось в первую очередь обезоружить 24 полк АзГПУ и захватить правительственные учреждения, почту и телеграф; город разбивался на сектора.

Для выполнения этих задач в распоряжении военного центра имелось два стрелковых полка Аздивизии, арtpолк Аздивизии, сапрота, батальон связи и кавэскадрон Аздивизии. Если в смысле численного состава все обстояло более или менее благополучно, то в смысле социального и национального состава не все обстояло благополучно. Нужно сказать, что 3-й Бакинский полк Аздивизии состоял больше чем на 50 % из русских и больше чем на 60-70 % - из рабочих. В других частях дивизии был также большой процент рабочих и красноармейцев не тюркской национальности.

Поэтому важнейшей задачей считалось увеличить тюркский состав дивизии за счет сокращения русских красноармейцев.

Особой работы по подготовке красноармейского состава

Азербайджанской дивизии вести не требовалось, так как ставка делалась на природу красноармейца-тюрка, на его беспредельное доверие старшему начальнику.

Поэтому основным стоял вопрос о подборе командных кадров, который был поручен мне. С этой задачей удалось справиться.

Во главе арtpолка стоял бывший офицер Мусаватской и царской армий Новрузов, начальником штаба полка был также бывший офицер Мусаватской и царской армии Шахтахтинский и, наконец, помкомполка был бывший офицер Дагиров.

В других полках были также надежные лица как командир четвертого Азполка бывший мусаватский офицер Исмаилов; начальник штаба первого стрелкового полка Мирзоев, командир кавэскадрона Абдулабеков.

Кроме этой задачи ставился вопрос о накоплении оружия у населения и подготовке самого населения к восстанию.

Вопрос: Как удалось военному центру справиться с этой задачей?

Ответ: С этой задачей военный центр справился следующим образом. Нужно сказать, что в Азербайджане не было дома, где бы не имелось оружие. Оружие это сохранилось еще с периода 1917-1920 гг. и под предлогом того, что это оружие нужно населению для защиты своего имущества от бандитов, оно не отбиралось до 1930 года. Кроме того, производилось новое накопление оружия за счет организации Осоавиахим. Эта работа облегчалась тем, что Председателем Осоавиахима был Караев.

По линии Осоавиахима и по инициативе Алигейдара Караева была развернута большая работа по подготовке населения как самого Баку, так и районов Азербайджана к восстанию, с этой целью в городе Баку были организованы под видом «рабочих» организаций так называемые «рабочие

батальоны». Численность этих батальонов я точно не помню, но во всяком случае цифра эта была довольно внушительная. Оружие находилось на руках у бойцов этих батальонов. Учет оружия был плохой и шло большое хищение его.

В районах Азербайджана работа по созданию вооруженных отрядов, главным образом, шла по линии агитации масс против советской власти. Учитывался низкий культурный уровень тюркского населения, а также некоторые перегибы в колхозном строительстве, создаваемые работниками Азербайджанского Центра. Снабжение оружием населения шло также, главным образом, за счет Осоавиахима. Были случаи, когда нападали на воинские обозы везшие военное имущество и забирали оружие и боеприпасы. О количественном положении этих отрядов на местах мне неизвестно, во всяком случае их было также большое количество, как и в самом Баку.

Вопрос: В свержении советской власти Вы рассчитывали только на внутренние силы контрреволюции?

Ответ: Азербайджанский национальный центр при организации свержения Советской власти в Азербайджане, помимо своих сил, рассчитывал на помощь со стороны Персии. Помощь эта должна была заключаться в первую очередь в лице отрядов, сколоченных на территории Персии из Азербайджанских эмигрантов.

Формирование этих отрядов персидским правительством было возложено на Кялбалы хана Нахичеванского - моего брата. Нужно сказать, что вся эмиграция персидским правительством поселялась в приграничной полосе, оружие у них не только не отбиралось, но принимались меры к вооружению населения.

Таким образом, на границе в постоянной готовности находились весьма боеспособные отряды, готовые в любую минуту перейти границу.

Задачей этих отрядов являлось после перехода границы направиться в определенные пункты и служить ядром, вокруг которых должны были сплотиться повстанцы. Поэтому эти эмигрантские отряды формировались по территориальному признаку.

Помимо этой помощи Азербайджанский национальный центр вел переговоры с персидским правительством об оказании помощи в случае надобности регулярными войсками, но эти переговоры шли помимо меня.

Вопрос: Через кого конкретно поддерживалась связь с Персией?

Ответ: О существовании ориентации на персидское правительство мне было известно от Фируз бека Ордубатского. Кем конкретно велись переговоры – мне неизвестно. Я лично поддерживал связь лишь с Кялбалы ханом. Эта связь поддерживалась через бывшего председателя Азхлопка Мамеда Гаджиева, который часто по делам службы ездил в Персию (Иран). Связь заключалась в выработке совместных действий в случае наступления.

Кялбалы-хан, как я указывал выше, пользовался большой популярностью у Азербайджанской эмиграции и из них должен был сформировать отряды, которые должны были быть во время войны перекинута на территорию Азербайджана. Эти отряды должны были служить ядром, вокруг которого могли группироваться повстанцы.

Вопрос: Следствию известно о том, что Азербайджанский национальный центр подготовил и провел ряд вооруженных антисоветских выступлений по ряду районов Азербайджана. Требуем рассказать все, что Вам известно по этому вопросу.

Ответ: Как я указывал выше, АНЦ вел весьма большую работу по подготовке восстаний в районах Азербайджана. Подготовка заключалась в том, чтобы не отбирать имею-

щееся у население припрятанное оружие, снабдить районы Осавиахимовским оружием, а также широко проводилось амнистирование (перевод на легальное положение) бандитов, хотя это мероприятие себя не оправдало. Как правило, при первом же удобном случае, амнистированные бандиты вновь брались за оружие.

Вооруженное восстание мыслилось, как я указывал, в период войны на западе или востоке. Но ввиду затягивания начала войны АНЦ решил в начале 1930 года приступить к вооруженному восстанию.

Решено было начать восстание с более отдаленных районов, с тем, чтобы по выводе русских войск из Баку для подавления восстания, провести вооруженное восстание в самом Баку.

Восстания эти начались недостаточно организованно, с большими перерывами, вследствие чего они быстро подавлялись. Вооруженные восстания происходили в Нахичевани, Карабахе, Закаталах, Нухе и Агдаше. Лично я в руководстве этих восстаний участия не принимал.

Вопрос: Расскажите о своей дальнейшей преступной деятельности как участника Азербайджанского национального центра?

Ответ: После неудачного вооруженного выступления в указанных выше районах Азербайджана, наша деятельность была органами ОГПУ вскрыта и большинство участников АНЦ, в том числе и я, были арестованы. После нескольких месяцев заключения я был освобожден, восстановлен в армии и в 1931 году уехал в Москву на учебу в Академию имени Фрунзе. С этого момента всякая моя антисоветская деятельность прекратилась, так как я проживал в Москве и никакой связи с участниками Азербайджанского национального центра не поддерживал.

Вопрос: Неправда! Вы на протяжении всего периода под-

держивали связь с Алигейдаром Караевым и продолжали вести антисоветскую деятельность.

Ответ: Да, действительно, связь с Караевым я поддерживал, я имел с ним несколько встреч чисто случайного характера, но антисоветской какой-либо деятельности я не вел. Это я категорически утверждаю.

Вопрос: Предлагаем, Нахичеванский, прекратить Ваши философские рассуждения. Нам хорошо известна ваша деятельность в Москве с 1931 года и по день ареста. Приступайте к показаниям о своей антисоветской деятельности в периоде 1931 года.

Ответ: После освобождения из-под ареста и прибытия в Москву, я в 1931 году возобновил свою контрреволюционную деятельность. В эту работу вовлек меня бывший секретарь ЦК АКП(б) Алигейдар Караев, работавший с 1930 года в Москве.

Встреча моя с Алигейдар Караевым произошла зимой 1931 года у него на квартире, куда он меня пригласил, когда мы встретились на похоронах бывшего начальника политотдела Аздивизии Алекперова.

Подробности разговора я не помню, но они сводились к тому, что он уговаривал меня продолжить мою контрреволюционную работу. Караев указывал, что ныне существующий Азербайджанский национальный центр, не в пример разгромленного в 1930 году, представляет мощную организацию и задуманное этой организацией дело является верным. Об этом можно судить по тем лицам, которые входят в эту организацию.

Вопрос: Кого из участников Азербайджанской националистической организации Вам назвал Караев?

Ответ: Караев назвал мне следующие фамилии: Рухуллы Ахундова, Мирзы Давуд Гусейнова, Газанфара Мусабекова, Гусейна Рахманова, Дадаша Буниатзаде, Гамида Султанова,

Джабиева, Ахундзаде, Эфендиева, Талыблы и др. Я ему дал свое согласие, и на этом наша беседа прекратилась. Нужно сказать, что большинство фамилий он мне назвал после того, что я ему дал согласие работать с ним.

Вопрос: С какими контрреволюционными формированиями блокировалась Ваша националистическая организация?

Ответ: В 1931 году мне от Караева стало известно, что Азербайджанский национальный центр связан с правотроцкистским центром.

Вопрос: В чем заключалась связь Азербайджанского национального центра с правотроцкистским блоком?

Ответ: При информации меня о связи Азербайджанского национального центра с правотроцкистским блоком Караев указал, что переговоры велись им - Караевым, Рухуллой Ахундовым и Мирза Давуд Гусейновым с представителями правотроцкистского центра Бухариным и Рыковым. При этих переговорах удалось добиться соглашения о совместной работе. Эта совместная работа должна была заключаться в совместной борьбе с партией и правительством, а также согласие на отделение Азербайджана от Советского Союза.

В работе по совместной борьбе с партией и правительством роль АНЦ должна была заключаться, главным образом, в организации вредительства во всех областях народного хозяйства (главным образом, нефтяного хозяйства) и в подготовке восстания в Азербайджане.

Постоянную связь между этими центрами осуществлял Караев, который с 1930 года постоянно жил в Москве.

Вопрос: О чем еще информировал Вас Караев при встрече с ним?

Ответ: В этой же беседе Караев информировал о программе Азербайджанского национального центра, которая сводилась к свержению советской власти в Азербайджане,

установлению буржуазно-демократического строя и отделение Азербайджана от Советского Союза. Осуществление этой цели мыслилось при помощи вооруженного восстания, которое должно было быть приурочено к моменту войны с одним из сопредельных государств. Причем мыслилось не изолированное выступление в Азербайджане, а совместное выступление с Грузией и Арменией. Нужно сказать, что в тот период (1931 год) полностью этой договоренности не было.

Вопрос: Когда же была осуществлена договоренность Азербайджанского национального центра с националистическими организациями в Грузии и Армении и через кого именно?

Ответ: Начало этих переговоров относится к 1931 году. Для организации вооруженного восстания АНЦ располагал силами Азербайджанской дивизии, а также силами местного населения, среди которого велась соответствующая работа. По словам Караева, в Армении и Грузии в армии также ведется большая работа и Караев говорил, что национальные дивизии в этих республиках будут основной силой при организации вооруженного восстания.

Полная ставка в этих республиках делалась на вооруженное выступление местного населения.

Национальные центры Грузии и Армении возглавляли Элиава, Орахелашвили, Тер-Габриэлян.

Работа среди местного населения заключалась в соответствующей агитации против советской власти, в вербовке наиболее влиятельных лиц в деревне, секретарей райкомов и председателей райисполкомов. К этой же работе нужно отнести сохранение в руках населения большого количества оружия и военное обучение через армию и Осоавиахим большого процента лиц, которые не должны призываться (дети кулаков и т.д.)

Вопрос: Расскажите о Вашей роли в Азербайджанском

национальном центре?

Ответ: Не то в конце 1932 года, не то в начале 1933 на квартире у Караева между нами произошла беседа, в которой он указал, в чем конкретно должна выражаться моя работа в Азербайджанском национальном центре.

В этой беседе Караев указал, что через Бухарина АНЦ установил связь с военным центром, и представители Азербайджанского национального центра (Караев, Ахундов, Гусейнов) вели переговоры с представителями этого центра (Тухачевским и Корком).

Договоренность АНЦ с военным центром заключалась в том, что военный центр должен всячески содействовать вооруженному восстанию в Азербайджане, конкретно это должно выражаться в задержке войск для отправки на подавление вооруженного восстания и выводе русских частей из Азербайджана.

Здесь же Караев указал, что я должен буду поддерживать связь между ними, как представителем Азербайджанского национального центра в Москве, и Корком, как представителем военного центра.

Эта связь с Корком должна была заключаться в информации о ходе подготовки восстания в Азербайджане, в руководстве со стороны военного центра ходом подготовки восстания и руководством, если это будет осуществимо, и самим восстанием. Сведения эти я должен был получать от Караева и через Корка информировать Тухачевского.

Вопрос: Вы связались с Корком?

Ответ: Да, связался. Недели через две после разговора с Караевым я зашел к Корку. Разговор этот происходил в его служебном кабинете в Штабе Московского военного округа. Корк принял меня очень любезно и сказал, что ему от Караева известна цель моего посещения.

Вопрос: Расскажите подробно о Вашем разговоре с Кор-

ком и какие задачи он поставил перед Вами?

Ответ: Корк в разговоре указал, что в основном моя роль должна заключаться в информации его о ходе подготовки вооруженного восстания в Азербайджане и осуществлении руководства военным центром ходом подготовки восстания.

Каким способом должна была осуществляться эта связь, я указал выше. Далее Корк мне повторил то, о чем Тухачевский и он договорились с АНЦ, а именно, что восстание должно было быть приурочено к моменту войны с одним из сопредельных государств, а если потребуется, в срок, который укажет военный центр.

Также он сообщил директиву военного центра о том, что вооруженное восстание должно быть подготовлено так, чтобы оно могло начаться повсеместно и одновременно, а не в отдельных районах.

Вопрос: Расскажите, какую работу в исполнении директив правотроцкистского центра и Тухачевского проделал Азербайджанский национальный центр?

Ответ: При следующей встрече с Караевым весной 1935 года у него же на квартире он подробно информировал меня относительно положения в Азербайджане. Караев указал, что дела идут блестяще, что благодаря вхождению в Азербайджанский национальный центр таких авторитетных лиц, как Мусабегов, Рахманов, Рухулла Ахундов, Эфендиев и других вербовка протекает весьма успешно. Он указал, что завербовано большинство руководства районов (секретари райкомов и председатели райисполкомов).

В этой же беседе он указал, что удалось проделать большую работу в армии. В Азербайджанский национальный центр завербована не только большая часть высшего и среднего начсостава Аздивизии, но что очень важно, большой процент политсостава.

Из лиц, завербованных по дивизии, он назвал командира

дивизии Гамбая Везирова, начальника штаба дивизии Ибрагимова, военкома дивизии Джабира Алиева, председателя трибунала Аздивизии Тагиева. По фамилии он всех не знал.

По сведениям Караева вербовка продолжается и есть надежда охватить не только высший и старший начсостав дивизии, но и средний начсостав. На мой вопрос Караеву - должен ли я связаться с командованием дивизии и следить за работой, Караев ответил, что этого делать не надо, так как это вызовет недовольство со стороны командира дивизии Гамбая Везирова.

Вопрос: Вы информировали Корка о Ваших разговорах с Караевым?

Ответ: Да. Встретившись в кабинете у Корка, который был в это время начальником Академии, я ему передал все эти сведения. Корк сказал, что если все это верно, то нужно считать, что работа проделана большая, но выразил опасение, что вербовка большого процента начсостава может привести к провалу, а потому было предложено охватывать узкий круг лиц начсостава и вести умелую работу среди остальных (агитация, соответствующий подбор начсостава и красноармейцев).

Вопрос: Расскажите подробно, что Вам известно о плане вооруженного восстания?

Ответ: План восстания в Азербайджане мне был известен со слов Алигейдара Караева.

Как я уже указывал, силой, на которую должен был опереться Азербайджанский национальный центр при восстании являлась Аздивизия, отчасти милиция и местное население, к подготовке которого шла усиленная работа по всем районам Азербайджана.

Районные повстанческие отряды должны были возглавить председатели райисполкомов и секретари райкомов - участники организации. Начальниками штабов отрядов должны

были быть райвоенкомы или начморы райвоенкоматов. Ядром этих отрядов и комсоставом должны были быть демобилизованные красноармейцы, милиция и проживающие в этих районах демобилизованный начсостав.

Восстание должно было начаться одновременно во всех районах. Районные отряды, быстро покончив свое дело в районах, должны были сосредоточиться на близлежащих железнодорожных станциях, где получают дальнейшее назначение. Этим дальнейшим назначением должно быть, смотря по обстановке, или Баку (если бы произошла задержка в захвате власти) или же граница с РСФСР для организации сопротивления на случай наступления частей Красной армии из РСФСР, а часть отрядов шла на борьбу с погранотрядами.

Власть в Баку и близлежащих районов предполагалось захватить при помощи Аздивизии, милиции и местного населения.

Части Аздивизии, которые были расположены вне Баку, должны были, не задерживаясь, следовать в Баку.

План захвата власти в Баку и общий план по всему Азербайджану составлялся командиром Аздивизии Гамбай Визировым.

Вопрос: Вы информировали Корка об этом плане вооруженного восстания в Азербайджане?

Ответ: Да, информировал. После моего доклада Корку, а последнего Тухачевскому этого плана, были внесены следующие коррективы:

1) повстанческие отряды и Аздивизия должны не только сосредоточиться на границе, но и быть готовыми оказать помощь Дагестанским повстанцам;

2) части Аздивизии, расположенные вне Баку, под различными предлогами должны были быть перед восстанием приближены к Баку, чтобы захват власти в Баку осуществить наверняка и быстро.

Эти указания военного центра я передал Караеву. Подробные же планы были в Армении и Грузии. Военные организации этих республик возглавляли участники организации -командиры соответствующих дивизий.

Не знаю, были ли известны планы вооруженного восстания этих республик Караеву, во всяком случае, он мне об этом не говорил.

Вопрос: После разгрома Азербайджанского национального центра в 1930 году, вновь созданным центром была ли установлена связь с капиталистическими странами?

Ответ: При моей беседе с Караевым в 1937 году, что в Баку Азербайджанским национальным центром ведутся соответствующие разговоры с правительствами Турции и Персии через соответствующих консулов. Помощь должна заключаться в вооруженной помощи, за счет соответствующей компенсации. Кто конкретно из Азербайджанского Национального Центра был уполномочен вести эти переговоры, мне Караев не говорил, и я об этом его не спрашивал.

Компенсация правительствами Турции и Персии должна была заключаться в территориальной уступке (Нахичеванской Республики - Турции и Ленкоранского уезда - Персии), материальной компенсации, главным образом нефтью и соответствующих льгот при заключении в дальнейшем торговых договоров.

Караев тут же меня предупредил о большой секретности этого разговора и просил не информировать об этом Корка.

Вопрос: С кем еще из участников Азербайджанского центра вы встречались во время Вашего нахождения в Москве?

Ответ: Из участников Азербайджанского национального центра, приезжавших из Азербайджана, имел беседу о положении в Азербайджане с бывшим военкомом Аздивизии Рах-

мановым Гасаном, который работал начальником Каспийского флота (гражданского) и комендантом города Баку Магерамовым.

С Рахмановым Гасаном я говорил относительно вербовки, которая производится Азербайджанским национальным центром, и о подготовке вооруженного восстания. Рахманов мне назвал лиц, которые входят в Азербайджанский национальный центр; фамилии сходятся с теми, которые назвал мне Караев. Всех фамилий я не помню; фамилии, которые помню, я перечислил уже в показании. Рахманов меня также информировал о ходе подготовки вооруженного восстания. Он указал, что благодаря весьма авторитетному составу Азербайджанского национального центра, вербовка идет весьма успешно, и что работа особенно успешно идет в районах. Рахманов указал также, что основная разница в подготовляемом восстании и бывших восстаниях в Азербайджане будет та, что будущее восстание будут возглавлять ответственные работники районов.

Рахманов выражал полную уверенность, что восстание окончится полным успехом.

С Магерамовым я говорил, главным образом, о положении с вербовкой и работой, проводимой в Аздивизии.

Магерамов указал, что после примирения, которое состоялось между командиром дивизии Везириным и военкомом дивизии Джабиром Алиевым, работа пошла успешно.

Магерамов назвал лиц, которых удалось завербовать. Магерамов назвал мне фамилии комдива Везирова, военкома Джабира Алиева, замначальника политотдела Аздивизии Юсупова, начальника штаба дивизии Сурсала Ибрагимова (не помню был ли он начальником штаба дивизии или начальником 1 части штаба), предтрибунала Аздивизии Тагиева, помощника начальника штаба дивизии (фамилии хорошо не помню, кажется Мамедов). Он назвал также фа-

милли ряда лиц старшего и среднего начсостава. Всех фамилий я не помню. Запомнились мне фамилии следующих лиц: командира Бакинского полка Мехтиева, командира полка Муртуза Талыбзаде, командира четвертого арtpолка (фамилию забыл). Назвал он фамилии также ряда начальников штабов полков и помкомполков, но эти фамилии я сейчас не помню.

Магерамов указал, что вербовка продолжается и нужно полагать, что охватит очень большой процент начсостава дивизии.

Я сообщил Магерамову, что такая массовая вербовка вызывает опасение у московских работников (я имел ввиду военный центр), что это нарушает принципы конспирации и может привести к провалу всей работы. Магерамов указал, что этот вопрос ни у кого в Азербайджане не вызывает опасений, так как вербуются надежные люди. Однако он знал об указании ограничить вербовку охватом наиболее надежных и нужных людей и центр тяжести перенести на соответствующий подбор начсостава и красноармейцев, а также на воспитание личного состава дивизии в шовинистическом духе.

Вопрос: Вы показали, что имели связь с братом Кялбалы-ханом, эмигрантом, проживающим в Персии. Скажите, с Кялбалы-ханом Вы были связаны только по антисоветской работе?

Ответ: Нет, кроме связи по антисоветской работе, я был связан с Кялбалы-ханом и по шпионской деятельности.

Моя шпионская деятельность началась с конца 1921 года. В конце 1921 года ко мне пришел один житель Нахичевани, фамилию которого не помню, и сообщил о том, что он часто нелегально бывает в Персии. Сообщил также некоторые сведения о моих родителях и передал письмо от моего брата Кялбалы-хана, в котором брат сообщал о себе и о всех род-

ных. И просил через подателя письма давать ему информацию о положении в Азербайджане, в том числе и о расположении войск.

Я через подателя письма передал для брата дислокацию и численность частей Кавказской армии.

В 1924 году я связался по шпионской работе с начальником Азхлопка Мамедом Гаджиевым.

Мамед Гаджиев по делам службы часто бывал в Персии и встречался там с моим братом Кялбалы-ханом.

Однажды Гаджиев пришел ко мне и передал привет от моего брата и рассказал, что он в Персии видел моего брата и что брат просил при следующей поездке Мамеда Гаджиева в Персию переслать ему через него сведения о численном составе и дислоцировании частей Красной армии в Азербайджане.

Спустя некоторое время Гаджиев при встрече со мной поставил меня в известность, что он на днях выезжает в Персию и просил составить и передать для брата просимые им сведения. Что мною и было сделано.

Аналогичные сведения я передавал через того же Гаджиева для Кялбалы-хана до 1926 года.

В 1926 году Мамед Гаджиев уехал в Персию и стал невозвращенцем. С тех пор до дня ареста со мной по шпионской работе никто не связывался и я свою шпионскую работу не возобновлял.

Протокол мною прочитан и с моих слов записан верно.

Подпись
(НАХИЧЕВАНСКИЙ)

Допросили:
ВРИД начальника 4-го отдела 2-го Управления НКВД
Капитан Государственной безопасности

Подпись
(МАЛЫШЕВ)

ВРИД начальника 3-го отделения 4-го отдела
2-го Управления НКВД, Младший лейтенант
Государственной безопасности

Подпись
(БАРАНОВ)

*(Допрос из следственного дела Д. Д. Нахичеванского,
Центральный Архив ВЧК- ОГПУ- НКВД, ПР 33749, с. 12- 43).*

* * *

За активную деятельность в деле создания национальной дивизии 19 декабря 1921 года Военно-морской народный комиссариат Азербайджана объявил Джамшиду Нахичеванскому благодарность и подарил меч с серебрянной ручкой. Он был назначен командиром создаваемой Азербайджанской горнострелковой дивизии.

В 1923 году Джамшид хан Нахичеванский был направлен на краткосрочные курсы в Высшую военную академию, где получил образование до 1924 года. Вернувшись в Азербайджан, он вновь был назначен командиром дивизии. Через три года он во второй раз был направлен на учебу в Военную академию. В 1928-1929 годах был одним из редакторов издаваемого на азербайджанском языке журнала «Военные знания».

Покойный генерал Аким Аббасов в свое время служил в дивизии, которым командовал Нахичеванский. Из его воспоминаний: «Джамшид Нахичеванский был решительным командиром. Лицо с красивыми чертами, аккуратно расчесанные черные волосы и густые брови, из-под которых светились ясные глаза - таким он и сегодня предстает передо мной. Он выделялся выправкой, присущей военным стойкостью. Мы, служившие в дивизии Джамшид хана На-

хичеванского, у него познали тайны профессии военного и высоко чтим память о легендарном полководце. В дань уважения прошлым традициям мы называем его «Ханом Нахичеванским» или боевым псевдонимом «Шамо». В двух километрах на юге-востоке Ханларского района (ныне Гейгельский район – Ш.Н.) находится гора, которую мы – командиры и красноармейцы, а также местные жители именуем «горой Хан Нахичеванский».

На этой горе располагался командный пункт Джамшид хана. Рельеф здесь таков, что с этой горы отчетливо видны учебные площадки Азербайджанской дивизии.

Джамшид хан Нахичеванский был всесторонним специалистом, политически подготовленным, преданным военному делу офицером. Именно эти качества были приняты во внимание, когда по приказу Военно-революционного совета он в 1923 году был зачислен слушателем курсов высшего командного состава Красной армии. После успешного окончания курсов Нахичеванский продолжил образование в специальной группе Высшей военно-политической академии имени М.В.Фрунзе, куда он был принят в 1931 году. Завершив учебу с дипломом отличия, Джамшид Нахичеванский по приказу Народного комиссариата обороны был оставлен в академии в качестве преподавателя. В аттестации того периода читаем: «Ранее данные Дж. Нахичеванскому положительные отзывы оставить в силе. Он всесторонне развит. На военных учениях, оперативно-тактических занятиях Джамшид Нахичеванский показал себя умелым полководцем. Дж. Нахичеванского можно использовать на должности командира корпуса. Он выдержан, спокоен по природе, обладает неиссякаемой энергией, инициативен, прекрасный администратор, имеет хорошие организаторские способности...»

А вот это заключение об утверждении этой аттестации начальника и комиссара курса, впоследствии маршала Со-

ветского Союза Бориса Шапошникова: «С аттестацией на Джамшида Нахичеванского согласен, соответствует должности командира стрелковой дивизии».

В свое время Джамшид хан был ярым поклонником кавалерии. Однако он не соглашался с теми, кто под впечатлением гражданской войны сильно преувеличивал ее значение. Призывал слушателей академии скорее отказаться от устаревших шаблонов. Доказывал, что в будущей войне будет преобладать сужение флангов; победит на поле боя тот, кто сумеет обеспечить взаимодействие различных родов войск, творчески подойдет к управлению боем. Зерно впало в благодатную почву, но ростки не дала.

Да, невежды, приверженцы клеветы и оговорки не позволили взойти этому зерну. Воспитанные им курсанты — С.С.Бирюзов, А.А.Гречко, П.Ф.Батицкий дослужились и до маршала. Сам же жестоко был уничтожен. После ознакомления с характеристиками, оценками деятельности с трудом верится, что Джамшид хан Нахичеванский был «врагом народа». Это то же самое, что называть белое черным. Стального Джамшида долго не удавалось сломать. Он не признавал ни одной клеветы, не предал безвинных друзей, не запятнал имя народа, именитый род. Однако после долгих пыток чекистам удалось выбить у него нужные «показания».

Пролетели годы. Как и другие, он тоже получил оправдание. Представилась возможность информировать молодое поколение о выдающемся командире, о котором мы не могли в свое время вдоволь поговорить. Ныне его имя носит военный лицей в Баку. В родном Нахичеване открыт дом-музей.

Доктор юридических наук, профессор, преподаватель Бакинского государственного университета Эйюб Аскеров некогда служил офицером в семьдесят седьмой Азербайджанской стрелковой дивизии. Он был свидетелем последних дней талантливого полководца Джамшида Нахичеванского:

- Осенью 1937 года я возвращался из отпуска, который проводил Санкт-Петербурге. Чтобы встретиться с друзьями поехал в Военную академию имени Фрунзе. Был гостем близкого друга и слушателя академии Гаджибабы Зейналова, встретился с соотечественниками Джагилом Алиевым, Ахмедом Алиевым, Байрамом Шихиевым, Фархадом Шахбазовым и другими. В один из дней мы собрались на ужин в комнате Гаджибабы Зейналова. В этот момент пришел Джамшид Нахичеванский. Все мы встали, уважительно, в официальном порядке приветствовали его. На лице сияла добрая улыбка... Узнав, что я служу в семьдесят седьмой дивизии, стал расспрашивать меня. Интересовался жизнью народа Азербайджана, внимательно слушал и радовался моим словам об успехах дивизии в политической и боевой подготовке. Он отметил важность постоянного наращивания оборонной мощи Родины, подготовки высокообразованных, отвечающих требованиям времени кадров, приобщения к новой военной технике. Затем он сказал: «Сынок, нашему народу необходимы хорошо подготовленные кадры». Уходя, обратился ко всем: «Ваше место — в этой высшей военной школе, жаль, что наших представителей здесь очень мало». Затем повернулся ко мне: «Старайтесь, будьте смелым, я и вас хотел бы видеть здесь».

ТРАГЕДИЯ ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЕВ

В доме-музее генерала из ханского рода в Нахичеване есть старая картина, нарисованная в 1898 году. В середине сидит мать Фрянтадж, прижав к груди маленькую дочь. Рядом сидят стройные три сына — Эхсан хан, Кялбалы хан и Джамшид хан. Все три брата одеты в черкеску, на их лицах читается не соответствующие юному возрасту храбрость, мужество и гордость.

Жизнь протекает мирно и спокойно. Трехлетний Джамшид сидит на подушке и свойственным маленьким детям удивлением смотрит в объектив. Он еще не знает какие испытания его ждут в грядущем через два года веке. Революционная буря, жизненные вихри и пламя войны как сталь закалили маленького Джамшида через шестнадцать лет... До предстоящей жизненной трагедии оставалось более одной эпохи. Той трагедии, которая сделала жертвой коварства и клеветы не только Джамшид хана, но его братьев Эхсан хана, Кялбалы хана и по какой-то случайности не попавшего на фотокарточку Давуд хана.

В июне 1920 года второй Карабахский конный полк, в котором служил Джамшид хан, располагался в Карабахе. Подполковник Нахичеванский был заместителем по строевой части. Однажды за полночь раздался стук в дверь его дома. Брат Эхсан хан гостил у него. Эхсан хан был на два года старше брата и также был профессиональным военным.

Он закончил в Москве кадетский корпус, в котором учились дети аристократов. Образцом для подражания, как и для многочисленных офицеров, Нахичеванских, был дядя, полный генерал кавалерии Гусейн хан Нахичеванский. Слава Гусейн хана распространилась по всей России. Молодые люди гордились дядей, как последователи военной профессии добросовестно несли службу.

Проявленным во время войны героизмом снискали славу

Нахичеванские Мурад хан, штабс-ротмистр семнадцатого Нижегородского Драгунского полка имени Его Императорского Величества, гвардии ротмистр Кялбалы хан (внук), поручик Искендер хан. Со своей ротой разбивший вражеские сил Мурад хан за боевые заслуги в 1914 году был удостоен ордена Святой Анны четвертой степени, в 1915 году - ордена Святого Станислава третьей степени (вместе с мечами и лентой), ордена Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой), ордена Святого Станислава второй степени (с мечами), в 1916 году - ордена Святой Анны второй степени (с мечами).

После окончания войны ротмистр Мурад хан Нахичеванский вернулся на Родину, стал командиром первой роты Шекинского полка Национальной армии Азербайджана.

Мужественно сражался в боях и поручик Искендер хан Нахичеванский, за что был награжден орденом Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой), орденом Святой Анны четвертой степени (с надписью на оружии «За храбрость») и ордена Святого Станислава третьей степени (с мечами и лентой).

В номере от первого апреля 1916 года газета «Каспий» писала: «Ротмистр Уланского лейб-гвардии полка Кялбалы хан Нахичеванский за освобождение от врага 15 августа 1914 года села Сококов награжден Георгиевским оружием, Взвод по его командованием вел бои на левом фланге полка и неожиданно подвергся набегу одного австрийского эскадрона. Не растерявшийся ротмистр Кялбалы хан малыми силами перешел в наступление, принудил неприятеля к отступлению и, преследуя их до наступления темноты, заставил оставить поле боя. Заслуги ротмистра Кялбалы хана, достигшего успехов и в предыдущих боях, оценены орденом Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой) и орденом Святой Анны второй степени (с мечами)».

Имеется рапорт на имя председателя Совета Министров

Республики, написанный в марте 1919 года, в отношении продолжавшего военную службу в Азербайджанской национальной армии Кялбалы хана Нахичеванского и Керим хана Эриванского. Документ подписан военным министром, полным генералом артиллерии Самед беком Мехмандаровым и начальником Генерального штаба генерал-майором Габиб бек Салимовым. В нем читаем: «Гвардии штаб-ротмистры Кялбалы хан Нахичеванский и Керим хан Эриванский в соответствии с военным уставом бывшей России имели звание штаб-ротмистра. В нынешней армии это соответствует чину подполковник. За отличие при освобождении Шярурского и Нахичеванского уездов от армянских дашнаков они вполне заслуживают звания полковник». К сожалению, присвоение командующему войсками Шярурского и Нахичеванского уездов Кялбалы хану звания полковник, мы не встретили в последующих документах. После большевистской оккупации в 1920 году два брата из четырех — Давуд хан и Кялбалы хан вынуждены были эмигрировать в Иран.

Штаб-ротмистр Эхсан хан также прошел в годы первой мировой войны славный путь. Служил он в Варшавском лейб-гвардии Уланском полку. В 1914-1916 годах он был награжден орденом Святой Анны четвертой степени (с надписью на оружии «За храбрость»), орденом Святого Станислава третьей степени (с мечами и лентой), орденом Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой), орденом Святой Анны второй степени (с мечами).

В характеристике на Эхсан хана, выданной 29 августа 1918 года полковник Туганов отмечал, что во всех походах и боях, особенно в разведывательной деятельности, проделанной 3 апреля 1916 года, он проявил себя как умелый командир.

После распада имперской армии ротмистр Эхсан хан вернулся на Родину и до 6 мая 1919 года в качестве командира роты в Четвертом Борчалинском конном полку вел бои с ар-

мянскими дашнакскими отрядами в Лорийском участке и на территории Караязы. В том же году Эхсан хан был назначен командиром третьей роты в третьем конном полку и за героизм, проявленный в боях в Карабахе, ему было присуждено звание полковника.

Джамшид как младший брат восхищался храбростью Эхсан хана, очень радовался полученным наградам и повышениям в звании. Подполковник Эхсан хан вновь прибыл, чтобы защитить Карабах от дашнаков. Вторгшиеся в Азербайджан в апреле 1920 года вооруженные большевики все разнесли в пух, в прах. Азербайджанское правительство было распущено, армия разрушена. Они только что завершили неделю погромов в Баку и Гяндже. Однако безоговорочный расстрел мусаватских солдат и офицеров продолжался. Когда раздался стук в дверь, Эхсан хан проснулся раньше других и сам открыл дверь. Штыки винтовок большевистско-дашнакских солдат засверкали при лунном свете. Дашнакский офицер с деревянной кобурой маузера спросил: «Вы Джамшид хан Нахичеванский?». Эхсан хан понял в чем дело. Чуть помедлил, переступил порог и ответил: «Да, я Джамшид хан». Его отвели за город и расстреляли как мусаватского офицера...

11 июня 1920 года Чрезвычайная Комиссия составила «Документ на арест» под номером 1108. В графе «за что арестован и расстрелян» написано: за отказ служить в одиннадцатой армии расстрелян как мусаватский офицер. Подлецы поставили точку в жизни Эхсан хана Нахичеванского, которому только исполнилось двадцать семь лет.

Достигших высоких чинов в Иранской армии Давуд хана и Кялбалы хана по приказу шаха расстреляли в 1934 году. Поверивший доносам с противоположного берега большевистско-дашнакских перебежчиков шах потерял доверие храбрым братьям Кенгерли. Ни один из братьев не уцелел в урагане тридцатых годов...

Судьба генерала

Сведения о Абдулгамид беке Гайтабаши до последнего времени содержались в папке с грифом «Совершенно секретно»

*«История, собственно, не существует,
существуют лишь биографии»*

**Ральф Эмерсон,
американский поэт и философ**

В этих словах есть огромная правда. Как можно писать историю войны или государства без описания биографии ее героев? Без сомнений, сделать это невозможно. Поэтому, не будет ошибкой, если скажем, что историю создают личности.

Исследования последних лет позволили азербайджанским ученым возродить имена многих ранее забытых полководцев. О многих наших генералах, живших в XIX - XX веках, до последнего времени мы располагали самой, что называется, скудной информацией. К таковым относится и генерал-майор Абдулгамид бек Шариф бек оглы Гайтабаши, сведения о котором до последнего времени содержались в папке с грифом «Совершенно секретно».

В результате кропотливых исследований удалось установить, что только к апрельскому перевороту 1920 года в имперской и мусаватской армиях служили 69 азербайджанских генералов. Советская власть запретила писать, говорить о них, ибо эти люди были мусульманского вероисповедания, азербайджанской национальности.

В числе запрещенных к упоминанию оказался и Абдулгамид бек Гайтабаши. Его прадед - капитан Абдулмеджид бек в конце XVIII века переехал из Стамбула в Тифлис. Он командовал полком, за что ему было присвоен титул Хайта-

башы. Большевики, искажив его фамилию, внесли в документы как Гайтабаши и, таким образом, она закрепилась официально. Под этой фамилией Абдулгамид бек был расстрелян в июне 1920 года.

...Застывшим лицом смотрю на архивные материалы и не верю глазам: генерал-майор Абдулгамид бек Гайтабаши родился 10 июля 1884 года, расстрелян в июне 1920 года. Прожито всего-то тридцать шесть лет... Абдулгамид бек был одним из лучших генералов, с честью служивших в 1918-1920 годах в Национальной армии Азербайджанской Демократической Республики (АДР).

Конечно, трудно поверить в то, что в таком возрасте можно получить генеральские погоны. Видимо, время само растило и награждало отважных людей, в смутные годы боровшихся за свободу и независимость своей родины. И при этом в расчет брались не возраст и прожитые годы, а голова на плечах, умение служить своему народу.

Юнкер Абдулгамид бек закончил военную школу в Павловске, что недалеко от Петербурга. 23 февраля 1906 года начал службу в 16-ом Мингрельском гренадерском полку. В Центральном государственном архиве Азербайджана хранятся письма юнкера Абдулгамид бека сестре, принцессе Мьяляк ханум Каджар, удостоверение № 97, записки о посещении им занятий и конспекты. Среди прочих документов - рапорт юнкера Абдулгамид бека Гайтабаши на имя командира от 22 августа 1905 года:

«Сообщаю, что во время летних каникул я поехал в Рязанскую губернию, где живет наш зять. Находясь там, я получил телеграмму из Тифлиса. В телеграмме указывалось, что сестра находится при смерти и мне следует срочно вернуться в Тифлис. Немедленно выехал и попросил зятя, чтобы сообщил об этом моим начальникам. Через полтора дня после моего возвращения в Тифлис сестра скончалась.

Я, как единственный брат, взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами. В этот период я сам заболел и немедленно рапортом обратился в управление коменданта о прохождении лечения. Оставался там в больном состоянии два дня и не долечившись на скором поезде выехал из Тифлиса. Об этом я сообщил управлению коменданта. Что касается вопроса сообщения военной школе, то мне сказали, чтобы об этом я не беспокоился.

Юнкер второй роты

Абдулгамид бека Гайтабаши»

Перелистываю не такую уж и увесистую папку, знакомлюсь с документами... По счастливой случайности нахожу документы, касающиеся подполковника Шариф бека, отца генерала, в том числе его «Полную служебную книжку», составленную 19 апреля 1890 года. Следуя записи в ней, Шариф бек родился 26 октября 1835 года в Тифлисской губернии, служил в кавалерийских войсках, имеет награды. За боевые заслуги удостоен орденов Святого Владимира четвертой степени, Святой Анны второй степени, Святого Станислава третьей и второй степеней, медалей.

В документе говорится, что подполковник Шариф бек Гайтабаши женат дважды. После смерти супруги, он связал судьбу с Хадиджа ханум, дочерью землевладельца Мирза Алиага оглы из села Шихлы Казахского уезда. От этого брака родился Абдулгамид, седьмой ребенок в семье.

В звании штабс-капитана 205-го Шемахинского полка Абдулгамид бек Гайтабаши принимал участие в Первой мировой войне. 6 марта 1916 года был награжден орденом Святого Владимира четвертой степени (с бантом и мечами).

Приказ командующего мусульманским корпусом, генерал-лейтенанта Али ага Шихлинского:

«6 марта 1918 года, город Тифлис.

Назначить полковника Абдулгамид бека Гайтабаши начальником Штаба Мусульманского Корпуса»

На этой должности Абдулгамид бек находился до 28 мая 1918 года. 15 ноября 1918 года приказом № 2 военного министра АДР Самед бека Мехмандарова он был назначен на должность дежурного генерала военного министерства. Решением Совета Министров республики от 25 июня 1919 года Абдулгамид бек Гайтабаши было присвоено звание генерал-майора.

В мае 1919 года генерал-майор Фирудин бек Везиров получил письмо из Баку, в котором говорилось: «Многоуважаемый господин Фирудин бек, вам, несомненно, известно о созданной Азербайджанской Демократической Республикой Национальной армии. Как славный сын азербайджанского народа и доблестный военачальник, Вы, уверен, рады этому приятному известию. Мы нуждаемся в умелых и опытных полководцах для службы в новой армии.

Верим, что в период завоевания Азербайджаном независимости Вы не пожалеете передать свой военный опыт нашим сыновьям, которые служат в молодой Национальной армии. Поэтому и прошу принять приглашение на совместную работу в Генеральном штабе.

С уважением,

**дежурный генерал Генерального штаба,
полковник Абдулгамид бек Гайтабаши».**

Получив это письмо, генерал незамедлительно переехал с семьей в Баку. Приказом военного министра Азербайджанской Демократической Республикой Самед бека Мехмандарова за № 351 от 9 августа 1919 года генерал-майор Фирудин бек Везиров был назначен комендантом города Баку.

Из пожелтевших архивных документов проясняется, что Абдулгамид бек внес огромный вклад в строительство На-

циональной армии АДР. Он вложил немало сил в формирование личного состава, становление системы дежурства в Генеральном штабе, создание новых отделов и учреждений в этом военном ведомстве.

В марте 1920 года генерал Абдулгамид бек Гайтабаши писал: *«В течение всего лишь одного года организована и налажена деятельность Генерального штаба. Вместе с другими членами штаба мы с совестью, честью и неустанно выполнили все возложенные на нас обязательства».*

Генерал Абдулгамид бек
Шариф бек оглы Гайтабаши
(1884-1920)

30 марта 1920 года он был назначен временным начальником штаба большевистской армии. В июне того же года был расстрелян по обвинению в подготовке и участии в Гянджинском восстании.

Лет десять тому назад мне с трудом удалось разыскать внучку сестры генерала Валиду Алашраф кызы Зейна-

лову. Она поведала мне кое-какие сведения о семье генерала, подарив на прощание три редких снимка, сделанных в конце XIX века. На одном них запечатлена Хадиджа ханум Мирза Али ага кызы с сыновьями - маленькими Абдуллятиф беком и Абдулгамид беком.

Содержание

Вместо предисловия.....	4
Странная судьба (топограф-генерал Ибрагим ага Паша ага оглы Векилов).....	8
Генералы - сыны династии Каджар.....	86
Извинительная миссия в Петербург (или о том, как благодаря принцу Хосрову Мирзе Каджару удалось избежать третьей войны с русскими).....	110
Генералы - жертвы 37-го (генерал-майор Гамбай Везиров, комиссары Гейдар Везиров и Солтангамид Пашаев).....	147
Генерал Джемшид хан Нахичеванский (последний генерал рода Кенгерли).....	175
Судьба генерала (Абдулгамид бек Гайтабаши).....	210

Автор	Шамистан Назирли
Редактор-консультант	Ильгар Гусейнов
Перевод	Мираббас
Редактор	Шахин Рустамов
Художественное оформление	Гафур Заман
Оформление обложки	Гюнель Каджар

Генерал-майор Гусейн
 (1884-1920)

Отпечатано в типографии "ОКА Offset".

Формат: 60x84 1/16, Офсетная печать, 216 стр. Тираж 250

Адрес: Бинагадинское шоссе 53 / Тел. 412-47-92

1
752353

Шамистан Назирли

Старший научный сотрудник научно-исторического отдела Министерства обороны, полковник-лейтенант в отставке Шамистан Назирли по профессии журналист. Но призвание его в другом – он исследователь азербайджанской военной истории и жизни великого поэта Азербайджана Самеда Вургун. Он автор таких книг как «Вургун кечиб бу йоллардан», «Элляр Вургуну», «Яддашларда яшайан Вургун»... написанных о жизни великого поэта. Кроме того десятки книг, таких как «Азербайджанские генералы», «Жизнь генерала Али аги Шихлинского и др., не считая многочисленных газетных и журнальных публикаций, написаны им о жизни и ратных подвигах воинов-азербайджанцев. Во многом благодаря его кропотливым поискам азербайджанское воинство заняло достойное место в отечественной истории.